

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ **№5(83)**

МОСКВА 2012

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2012. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

**Издается с участием Академии философии хозяйства
при поддержке Уральского технического института связи и информатики,
г. Екатеринбург (директор — Е.А. Субботин)**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru

Тираж 1000 экз.

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2012 г.

Содержание

<i>Ю.М. Осипов</i> Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию.....	7
Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i> Перемены в мире и провидчески-державный курс России	15
<i>Л.М. Ипполитов</i> С.Н. Булгаков о соотношении экономической теории и философии хозяйства	26
<i>З.Э. Скрынник</i> Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе»	33
<i>О.Е. Егоров</i> Развитие геополитической идентичности в эпоху современной глобализации	42
<i>И.В. Матюш</i> Духовный продукт в экономике, основанной на знаниях	48
Раздел II	
София, софийность и софиология	
<i>(К 100-летию выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова)</i>	
<i>Н.Б. Шулевский</i> Софийный горизонт бытия	61
<i>Ф.И. Гиренок</i> Что значит София для русской философии?	79
<i>А.А. Погребняк</i> София в супермаркете	89
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>В.И. Корняков</i> Экономика гипоксии.....	111
<i>И.В. Ефимчук</i> Капитализация активов — поиск ресурсов развития.....	120
<i>Л.Ю. Андреева, В.Г. Шелепов</i> Особенности взаимодействия агентов рынка финансовых услуг в условиях неопределенности и трансцендентности внешней среды	134
<i>Гулиев Турал Рагиб Оглы</i> Семейный бизнес в контексте формирования национального механизма устойчивого экономического развития (на примере Азербайджана).....	142
<i>С.А. Сысоев</i> Капитал и антикапитал: пролог	155
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> О софийности сказки	169
<i>В.П. Океанский</i> Метафизические аспекты будущей России	172

<i>Н.Н. Ростова</i>	
Не-личное дело религия	181
<i>К.В. Патырбаева</i>	
Теоретико-методологические особенности анализа субъекта истории в марксизме и проблема субъекта постиндустриального общества	190
<i>Н.А. Ястреб</i>	
Модели взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований в научном познании	201
Раздел V	
Актуальная социология	
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Научно-технологическая революция XXI века в ритме смены цивилизационных циклов	213
<i>А.В. Трубицын</i>	
Анализ социально-психологической среды как существенный фактор исследования экономического поведения	222
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Проблемы социально-экономической и политической трансформации России в условиях кризиса глобализации	232
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Метафизика российской государственности	259
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Магия цикла	266
<i>М.М. Гузев</i>	
Россия: новый политико-экономический цикл — что ожидать?	269
<i>О.В. Доброчеев</i>	
О циклах, которых в экономике нет, и турбулентности, которая будет	272
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Россия в новом политико-экономическом цикле	277
<i>В.П. Океанский</i>	
Будущее России в новом культурно-цивилизационном цикле	283
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Битва мировоззрений	285
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как мировоззренческое событие	288
Наши авторы	299

Contents

<i>Yu.M. Osipov</i> Post-Reformism as an Advantage for Russia: Tear-Up to Development	7
Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i> Changes in the World and Prophetically Great-Power Path of Russia	15
<i>L.M. Ippolitov</i> S.N. Bulgakov about the Relationship between Economic Theory and Philosophy of Economy	26
<i>Z.E. Skrynnik</i> Socio-Cultural Evolution of Money: from «Life World» to «System»	33
<i>O.E. Yegorov</i> Development of Geopolitical Identicalness in the Age of Modern Globalisation	42
<i>I.V. Matush</i> The Spiritual Product in the Economy Based on Knowledge	48
Part II	
Sophia, Sophicity and Sophiology	
<i>(On the 100th Anniversary of the Publication of «Philosophy of Economy» by S.N. Bulgakov)</i>	
<i>N.B. Shulevsky</i> Sophian Horizon of Existence.....	61
<i>F.I. Girenok</i> What Does Sofia Mean for Russian Philosophy?.....	79
<i>A.A. Pogrebnyak</i> Sophia in the Supermarket	89
Part III	
Economic Theory	
<i>V.I. Korniyakov</i> Economics of Hypoxia.....	111
<i>I.V. Yefimchuk</i> Assets Capitalization — Search of Development Resources	120
<i>L.Yu. Andreeva, V.G. Shelepov</i> Peculiarities of Interaction of Financial Services Market Agents in the Conditions of Uncertainty and Transcendency of External Environment.....	134
<i>Guliev Tural Ragib Ogly</i> Family Business in the Context of Formation of National Mechanism of Stable Economic Development (Based on Azerbaijan Example)	142
<i>S.A. Sysoev</i> Capital and Anti-Capital: Prologue.....	155
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i> About Wisdom of a Fairy Tale.....	169
<i>V.P. Okeansky</i> Metaphysical Aspects of Russia's Future	172

<i>N.N. Rostova</i>	
Not a Private Affair Religion	181
<i>K.V. Patyrbaeva</i>	
Theoretical and Methodological Framework for Analysis of Subject of History in Marxism and Problem of Subject of Postindustrial Society	190
<i>N.A. Yastreba</i>	
Models of Interaction of the Fundamental and Applied Research in Scientific Knowledge	201
Part V	
Actual Sociology	
<i>Yu.V. Yakovets</i>	
The Scientific-Technological Revolution of the 21st Century in the Pace of Civilizational Cycles	213
<i>A.V. Trubitsyn</i>	
Analysis of the Social-Psychological Environment as Essential Factor of Economic Behaviour	222
<i>A.A. Akinin, A.A. Shevelev</i>	
Problems of Social Economic and Political Transformation of Russia under the Circumstances of Globalization Crisis	232
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Metaphysics of Russian Federal Status	259
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Magic of Cycle	266
<i>M.M. Guzev</i>	
Russia: New Political and Economic Cycle — What to Expect?	269
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
About the Cycles, which Do Not Exist in Economics, and the Turbulence, which Will Be	272
<i>E.V. Shelkopyas</i>	
Russia in New Political and Economic Cycle	277
<i>V.P. Okeansky</i>	
Future of Russia in New Cultural and Civilizational Cycle	283
<i>R.S. Grinberg</i>	
Battle of Worldviews	285
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy of Economy as a Worldview Event	288
Our Authors	299

*К международной научной конференции
«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию»*

5—7 декабря 2012 г.

Ю.М. ОСИПОВ

Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию

Аннотация. Рассматривается возможность решительного перехода к социальному и экономическому развитию России посредством политики постреформного дирижизма.

Ключевые слова: Россия, социум, экономика, политика, развитие, постреформизм, дирижизм, философия хозяйства.

Abstract. The possibility of a decisive move to the social and economic development of Russia through the post-reform policy of dirigisme is considered.

Keywords: Russia, socium, economics, politics, development, post-reformism, dirigisme, philosophy of economy.

Россия не раз вырывалась к развитию: тяжело, мучительно, жертвенно. Достаточно упомянуть давний петровский и недавний сталинский вырывы, каждый за каких-нибудь четверть века и каждый с заметным временным развитием следствием. Были и примеры эволюционных подъемов, наиболее яркий из которых — подъем России конца XIX и начала XX в., обусловленный сначала либеральными реформами Александра II, а затем постреформным консерватизмом Александра III. Заметим: либо насильственные энергичные вырывы по вполне революционным сценариям, либо эволюционного типа вольное движение по пути развития, но непременно через поначалу реформный либерализм, а затем уже через постреформный (в чем-то и антиреформный) дирижизм.

Что сейчас? Сначала, в 1990-е гг., либеральное на словах, а на самом-то деле вполне дирижистское, даже диктатное, еще и революционного характера, контрпроизводительное, но зато сугубо присвоительное (приватизационное) реформирование хозяйства и общества, не предполагавшее никакого развития вообще, а потом стабилизационное, вполне тоже дирижистское, формирование зависимой от глобального контекста системы произвольного административно-корпоративного, в основе финансового, деспотизма, столь же не заин-

тересованного в сколько-нибудь прогрессном и целостном развитии национального хозяйства и всего российского социума. В итоге дилемма: реформа и стабилизация как контрразвитие или же развитие как контрреформа и вырыв! Небывалая вроде бы, но как же все-таки похожая на родные исторические примеры ситуация, правда, похожая все же в зеркальном отражении, ибо вырываться теперь надо не столько из застарелой стагнации, сколько из новорожденного антиразвитийного тупика.

Есть в российской истории еще одна любопытная аналогия: Великая смута, покончившая с рюриковской Русью, ставшей вроде бы к тому моменту даже как бы Святой Русью, и последовавший через почти столетие рыбок Петра I, покончивший со Святой Русью и бывший по сути запоздавшим во времени следствием, если не устремлением Смуты. Выходит, что вырыв сегодня особенно актуален и явно неизбежен — после антиразвитийной-то смуты 1990 — 2010-х, ибо в наше изменчивое конкурентное время ждать эволюционного подхода к развительному вырыву или же его эволюционной замены в виде спокойно-го саморазвития просто недопустимо!

Отсюда этакий «синергетический» сход: «смута→контрреформа→вырыв к развитию» (тому же сталинскому развительному вырыву тоже ведь предшествовали сначала революционная смута, а затем уничтожавшая смуту антиреволюция). И что бы ни болтали вокруг про феодализм, капитализм, социализм, византизм, самодержавие, демократию, тоталитаризм и т. д., все тут одно: «обязательное генерирование смуты→непрерывное вытаскивание на гора контрсмуты→неизбежный вырыв к развитию», что значит, что реальные исторические закономерности куда как «глубже» поверхностных процессов, столь любимых для анализа и оценок дипломированными профессионалами.

Да, крайний срок, видно, еще не пришел. Тот самый — гневный, огнедышащий и беспощадный! Пока еще можно поиграть в ничего не значащие словеса, загадочные мимансы и простодушные жесты, но... *про*-развительная ситуация в современной России, не став пока еще явно уже потребной реальностью, непотребно все-таки нарастает: развитие — сегодня *все* («Быть или не быть?»), это более чем экономика, политика, русская идея или евроремонт, — как и случилось когда-то перед Петром и совсем недавно перед Сталиным, когда коварная историческая метафизика заставила одного стать практически русофобом, а другого — столь же практически антикоммунистом, но зато превратиться в сторонников *развития*, да что *развития* — РАЗВИТИЯ!

Вряд ли стоит доказывать, что сегодня, как и у Петра со Сталиным, может быть только *вырыв* к развитию, да что *вырыв* — ВЫРЫВ! Вот

такая возникает неожиданность, она же и необходимость, она же и исторический приговор. И не отсидеться уже в каком-нибудь Сколкове, как когда-то кое-кому из царственных особ в Александровской слободе, не ограничиться спичрайтеровскими речевыми заготовками, беглыми обещаниями и ничего по сути не обещающими намеками, не положиться ни на славное русское «авось», ни на благодетельную за границу, которая-де нам поможет... разве лишь успокоительно-афтазийно. «Засучать» рукава «теперича» всем «надоть», работать, проектировать и исполнять, да еще и в условиях полной, чуть ли уже не дьявольской, открытости, которая как раз более против, чем за — за это самое столь потребное для страны развитие. Цуг-цванг тут — и ничего более!

Время «Ч» неумолимо приближается — и ежели еще вчера перед теми же президентскими выборами охотно думалось и говорилось об ожиданиях, то сегодня, увы, уже не ожидания на повестке, а самые что ни на есть реальные дела. Момент истины вовсе не за горами — как раз к очередному Рождеству Христову, подкрепляемому Новым годом. Либо развитие, которое уже даешь, а не всего лишь желаешь, либо... тут уж может быть всякое — вплоть до... но не будем об этом, ибо — ничто, которое овладело страной и которое ничтожит пострашнее любого народного восстания.

Многим ученым и умным обозревателям кажется, что России не хватает вдохновляющей национальной идеи, всемирного значения проекта, тщательно разработанной программы. Эх, святая простота, чего же-то вы, господа, хотите от эксплуатируемой в хвост и в гриву страны, разоряемой и уничтожаемой, отброшенной в доисторическую нежить, чтоб она вдруг взяла да и гаркнула на весь мир что-то этакое, для всех-де важное и спасительное, — и все это после краха мирового соцпроекта, провала коммунистической утопии и поражения тотальной сталинско-спартанской государственности? У России одна идея — РОССИЯ! — и другой на сегодня нет и быть не может. Выжить, перестроиться, преобразоваться! А что еще может быть в апокалиптическую эпоху, когда к тому же, с одной стороны, алчные США с их совершеннейшими технологиями и глобальным центром управления, а с другой — Китай со своей «Книгой перемен» и раскрученной развитийной гонкой. А ведь Россия-то не там и не там, а «тама» — в яме, из которой ей еще выбраться надо — как раз через *развитие*. Не пример надо сейчас всем показывать (какой-такой счастливый пример!) и не за примерами иноземными бегать, а лишь примерно для себя самоподняться. А для этого и только этого большая *воля* потребна — не идея и не проект, а именно воля — ВОЛЯ, за которой и ИДЕЯ последует, и ПРОЕКТ вдруг нарисуеться.

Воля сейчас в стране одна — к эксплуатации, присвоению и неразвитию, а потому России нужна совсем другая воля, о которой и было заявлено безголосым электоратом на президентских выборах: мандат на волю к развитию народ власти дал, а вот приняла ли этот неблагодарный мандат от народа российская власть — это уже большой вопрос.

Стране нужны гигантские перемены, причем не революционные и не эволюционные, а внезапно-императивные, те самые, что может проделать только сильная и эффективная власть: где призывом, где обоснованием, где контролем, где поркой — через закон, проект, побуждение, директиву, инициативу, наказание — и вовсе при этом без участия денег, финансов, капитала. Не нравится петровско-сталинская диктатура, давайте тогда хотя бы через рузвельтовскую, а ежели вообще никакая диктатура не нравится, то через деновское побуждение-понуждение... если, конечно, таковое может у нас сейчас получиться. И без всяких тут диктатур совести, нравственности, закона, ибо вовсе не в них ныне дело, а в самом этом *деле*, которое как раз делом развития страны, хозяйства и общества называется.

Трудно? — да, трудно; страдательно? — да, страдательно; страшно? — да, страшно; невозможно? — да, невозможно! А делать-то все равно надо, уже хотя бы потому, что созданная с прозападным тщанием система эксплуатации, присвоения и неразвития уже работает против самой себя и своих же создателей. Некоторым улучшением быта российских масс и материальными подачками населению построенную систему — а по сути-то антисистему! — надолго не удержать, как не удержать ее верной службой за границе и ее амбициозному глобализму. Не так, так этак, но система-антисистема неизбежно рухнет, утягивая в небытие и Россию, ибо нет у этой inferнальной конструкции ни жизнеспособного резерва, ни жизнотворческой потенции. Понять это уже давно пора — и не только предусмотренным заранее миллионным жертвам гнусного реформирования, но и его вычурным успешникам, не говоря о предположенных его архитекторах. Так или иначе, но на повестке дня не просто развитие, а именно ВЬРЬИВ к развитию, разумеется, постреформенного, антиреформенного, вопрекиреформенного образца. И не о возможности его тут надо более всего думать, а о его невозможности, которая идущими упорно по пути развития непременно преодолевается (тут политическое искусство как раз невозможно-го!).

Как всего этого добиться? О-о, тут всякое возможно! Посмотрите даже не на Китай или тот же замысловатый Иран, а на США с Европой, и что увидите... ах, да... да не то что процветающий властный дирижизм, но и вполне властную диктатуру — и это-то у либералов,

демократов, гуманистов!.. Неужели непонятно: всегда-то там «диктатура совести», а сегодня, в годину острого кризиса, самая что ни на есть настоящая, то бишь вполне бессовестная, диктатура, еще с прямо-таки искаженным человеческим лицом с плохо скрываемым нечеловеческим оскалом. И ничего! Делают себе свое европейское дело, выламывая руки Греции, Испании, Португалии, готовя инквизиторскую экзекуцию для тех же Италии или Франции, может, и еще для кого-нибудь вроде Венгрии, Румынии, Болгарии и иже с ними, благодетельствованных совсем недавно союзной Европой, а теперь вот ею же «осужденных». Так вот вершится там — на Западе — большое имперское дело — прямо на весь мир и воистину по-мировому — совершенно по-глобалистски. И никого из особенно человеколюбивых при этом вовсе не спрашивают: ни американцев, ни европейцев, ни китайцев, ни, не дай Бог, россиян, не говоря уже о всех бывших соцреалистах.

А у нас, в России? Не хотят, не могут, не позволено! Ни тебе дирижизма в пользу развития, ни уж тем более диктатуры, хотя полно в России дирижизма в угоду разорению и неразвитию. Да, не позволено, не могут, не хотят! Это об истеблишменте, «элите», правящих кругах, олигархах, магнатах, банках, корпорациях, бизнесменах, в общем — о вершителях современной России. Есть и допущенная и подмятая системой середина общества, как и вполне подневольный низ, которые *хотят* и *готовы* идти вперед, ибо для них в приоритете не материально-потребительское прозябание, а духовно-творческое возвышение. Почему же хотят и зачем готовы (это-то при интенсивном и последовательном разложении человека и человеческих масс)? Ответа тут научно-исследовательского нет, ибо трансцендентно все это — *хотят* и *готовы*, и все тут! Ибо хотят *своей* страны и готовы действовать для *своей* же *России*.

Понимают, что без Развития с большой буквы (не Революции, а именно Развития!) не станет скоро России, а без России не станет и реальной в будущем альтернативы навалившемуся на мир античеловеческому мороку.

Развитие — это не одни только стройки, разработки, открытия, внедрения, производительность, даже не просто рост качества жизни, не говоря об уровне потребления, это еще и нематериальное обогащение бытия — делами, смыслами, образцами, придание бытию обогащающей созидательной цели, а также удержание и совершенствование человеческого в человеке — в условиях уже созданного человеком и против него самого ополчившегося не природного искусственного мира.

Вопрос вырыва к развитию — вовсе не риторический вопрос, как и не какой-то там вопросительный вопрос, ждущий какого-то невозмож-

ного ответа: это вполне императивный вопрос, требующий немедленного императивного же разрешения. Иного тут не дано! Пока у страны есть щит и меч, и великое дело делать надо — то самое, что обычно еще и чудом зовется!

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Перемены в мире и провидчески-державный курс России

Аннотация. Современный мир — мир тектонических перемен, мир апокалиптического кризиса и более тайной чем явной перманентной войны, мир, идущий к большой развязке, после которой — или пост-человечество при условии победы Запада и прогресса, или же новое человечество с условием сопротивления агрессивному Западу и удерживания защитной и плодотворной традиции. Россия перед выбором — либо окончательно превращаться в придаток глобализма, либо выходить на независимую великодержавную дорогу, становясь одним из ведущих субъектных центров мирового реконструктивного будущего.

Ключевые слова: современный глобализм, кризис, война, анти-глобализм перемены, геополитика, философия, Запад, Восток, Север, Юг, Россия, великодержавность.

Abstract. The modern world — the world of tectonic changes, the world of apocalyptic crisis and more secret than manifest permanent war, the world, which is reaching the climax, after which there will be either post-humanity in case of victory of West and progress, or the new humanity in case of resistance to aggressive West and holding to the defensive and fruitful tradition. Russia is in front of the choice either to finally become the appendage of globalism or to go to an independent great-way, becoming one of the leading subjective centers of the world reconstructive future.

Keywords: modern globalism, crisis, war, anti-globalism, changes, geopolitics, philosophy, the West, the East, the North, the South, Russia, great power.

Мир Нового времени, или мир Модерна, — мир не просто перемен, а прямо-таки *переменный мир*, всюду изменчивый. Ход исторических перемен импульсивен, по-своему и цикличен, он то ускоряется, то замедляется, то более остается на поверхности, то уходит в глубь бытия, и сегодня, уже в эпоху Постмодерна, мы наблюдаем явную интенсификацию перемен, причем касающихся не одного лишь устройства мира, не только образа человеческого бытия, но и самого человека — недаром же поставлен и всюду ныне обсуждается вопрос о качественном скачке в эволюции человека, сравнимом с неолитической революцией (переходом от неандертальца к кроманьонцу), причем скачке, предполагающем превращение человека в какое-то уже иное, хоть еще

и человекообразное, существо, именуемое пока *постчеловеком* (человеком, киборгом).

Преобразование человеческого бытия из натурального в искусственное, начатое активно Модерном и в целом уже достигнутое посредством строительства целостно искусственного мира, без всяких оговорок противостоящего натуральному, переходит в постмодерновое преобразование самого человека — как раз в том же направлении. Демиургировав *новый мир* по своему собственному разумению, человек (а это никто иной как европеоид, ставший европейцем, а к моменту своего активного демиургирования — таким «христианизированным антихристом»), демиургирует ныне... человека — *нового человека*, уже и *постчеловека*.

Постмодерновый мир — безусловно и исключительно переменный мир, это полномасштабно, полноглубинно и полнострашно изменчивый мир, причем проективно и целостно изменяемый, но при этом и вполне объемно *кризисный мир*, мало того — *мир апокалиптический*. История человечества уперлась в *конец истории*, во всяком случае — истории человека, а вот быть или не быть постчеловеку с его постисторией — вопрос хоть пока и риторический, но все-таки... уже... поставленный.

Недаром мудрецы всех физических и метафизических континентов упорно твердят ныне о *последних временах*, которые, быть может, все и не последние, хотя бы в аспекте мироздания и земной истории, но явно уже последние в аспекте собственно человека и собственно человеческой истории. История, кажется, и впрямь завершается, на очереди — *постистория*, возможно, космическая, инопланетная, звездная, но вряд ли уже собственно земная. Последние земно-человеческие времена!

Новейший, он же передовой (прогрессный), он же западный, он же ныне более всего атлантический, мир (где ты, Атлантида?) рассматривает остальной мир, обнаруживая его остаточное присутствие и в пределах передового мира, как мир не просто прошлый, устаревший и всюду отсталый, не имеющий уже собственного будущего, а как мир для передового мира лишь придаточный, резервный, ресурсный, вспомогательный, подлежащий со стороны передового мира только эксплуатации, пользованию, вычерпыванию, а в какой-то момент уже и исчерпанию, как затем и полному отвержению. Это, безусловно, оговоренный Западом и приговоренный им мир, а пока еще для того же Запада мир-резерв, мир-ресурс, мир-вспомоществователь, он же и мир-объект — как раз для управления им в целях его всесторонней и беспредельной энерго-сырьевой и трудо-людской эксплуатации.

И сегодня этот остальной, он же и отсталый, мир подлежит, включая и какую-то неперспективную долю передового мира, радикальной деконструкции и реконструкции — под демиургические задумки торжествующего на планете Запада. Отсюда как явная, так и скрытая борьба с реперными основаниями и узловыми элементами все еще бытующего мира: религиями, церквями, идеологиями, культурами, нациями, государствами, этносами, семьями, школами, университетами, в общем — со всеми несущими опорами и конструкционными узлами не просто «нововременского», а и вообще человеческого (все-еще-человеческого) мира.

Таким вот получается новый, уже, правда, евроамериканский, Ренессанс, точнее, Нессанс, ибо ничего тут не возрождается, а всего лишь рождается — новое прозападное человечество!

Это, так сказать, глубинный, переменный (перестроечный!) фон, на котором имеют место и более насущные и бросающиеся в глаза перемены, а именно перемены в устройстве планетарного мира, который тоже весь в кризисе вкупе с кризисом главного на нынешний день в мире кризисного возбудителя — западо-атлантического глобализма.

Тут тебе и кризис глобальной финансовой системы с ее обезумевшим долларом и зарвавшимся банкирством, с уже неприемлемой для планеты общемировой финансовой кабалой; и кризис глобализма как империальной (доминантной, авторитарной, безоговорочной) политики, встречающей все большее сопротивление «подвластного» глобальному центру планетарного мира; и кризис глобалистической цивилизации с ее стремлением к цивилизационной унификации, стандартизации, соподчиненности, а главное — к господству панамериканизма, включая и «работу» глобального управляющего центра; и кризис американо-глобалистического управления международным сообществом и мировыми процессами, оказавшегося империально-эгоистическим, эксплуататорским, господским и для мира в целом неэффективным, вредным и крайне опасным (конфликтогенным); и кризис научно-технического прогресса, повергающий мировое сообщество в состояние «недоуменной неопределенности», хотя пока еще и не полного помутнения; и кризис культуры, точнее бы сказать — навязанной миру «голливудской антикультуры» (Голливуд — уникальная мировая фабрика образцовой мировой антикультуры).

Проявлений общего кризиса современного глобализированного устройства мира множество, и задача наша не в их перечислении, а в самой фиксации данного кризиса, вызывающего в мире различного рода масштабно-глобальные перемены — как вроде бы антикризисные, так и явно и поразительно кризисогенные; как делаемые в угоду глобального центра и передового мира, так и происходящие в направ-

лении интересов и остального мира; как деструктивные и демонстрационные, так и охранительные и конструктивные. Общемировой идейно-политико-институциональный (цивилизационный) кризис спровоцировал большие как текущие, так и стратегические перемены, проходящие на фоне воистину гигантских общечеловеческих сдвигов, вызываемых и облегчаемых научно-техническим прогрессом (хай-тек, IT, сети) и охотно охотящихся уже за самим человеком.

Постчеловек — это не просто новое человекообразное существо (новый человекообраз), это еще и разное по качеству постчеловеческое существо — наверху постчеловеческая, она же и *сверхчеловеческая*, элита, оснащенная крепким здоровьем, долгожитием, мощным (искусственным по преимуществу) интеллектом (отсюда и интеллект-революция), богатой и разнообразной информацией, высоким и по преимуществу закрытым научно-технико-технологическим комплексом и сверхэффективными средствами (психотехническими в основном) управления постчеловеческими массами (как раз уже из чиповцев), которые внизу, под тотальным контролем и управлением со стороны киборгиальной элиты, и в целом выходит уже не человечество, а *постчеловечество*, точнее — постчеловейник с составляющими его элитарным *сверхчеловейником* и массовидным *чиповейником*.

Ненаучная и даже лженаучная фантазия, — скажут нам всезнающие и ни во что давно уже не верящие, кроме науки и прогресса, постгуманисты, они же и псевдогуманисты, они же и антигуманисты, — обскурантная-де страшилка, не более того, — но... давайте просто повнимательнее оглядим свою округу, вовсе и не целый мир, а именно свою округу — домашнюю, учрежденческую, городскую, страновую, и что же, что увидим, уж не присутствие ли уже в этой округе кое-чего из постчеловеческого — тех же чиповейства с киборгианством? Наука и технический прогресс, делая свое замечательное историческое дело — науку и технический прогресс, делают при этом и многое другое, о чем уже пора всерьез задуматься все-еще-человеку, попавшему в поле перестроечного рвения науки с техническим прогрессом, и задуматься вовсе не в стиле фикшн, а в плане самой что ни на есть реальной реальности.

Человечиться далее человеку или нет, очеловечиваться по большому счету или же по малому счету расчеловечиваться — решать человеку и только человеку, разумеется, всю ныне объятую наукой и прогрессом, переживающему новую и явно небывалую *интеллект-революцию*, — а тут вдруг дилемма: оставаться человеку прошлым и отсталым, таким «ньюнеандертальцем», но все-таки-человеком, или же идти напрямик вперед, превращаясь незаметно для себя в «неокро-

маньольского» постчеловека? Есть, надо полагать, что решать все-еще-человеку и его все-еще-истории!

Тут как раз совсем не помешала бы новая мировая, вполне и горячая, война — этакий всемирный жароносный Армагеддон, который бы, как бывало уже неоднократно прежде, расставил бы все точки над *i*, но... очень уж велика здесь угроза общего (всемирного) самоуничтожения, а потому желанный Армагеддон все откладывается и откладывается, но зато всюду ведется всемирная война — в целом вроде бы холодная (она никуда не делась с развалом СССР и крахом международного социалистического лагеря), а местами прямо-таки и вполне горячая в виде так называемых локальных конфликтов. Да, это безусловно, *мировая война*, а лучше бы сказать — *война миров*, имея в виду, с одной стороны, мир новейший, передовой, правящий, господствующий, высший, он же субъектный, инициационный, экспансивный и агрессивный, и, с другой стороны, остальной мир — устаревший, отставший, подчиненный, податный и податливый, низший, он же и объектный, инертный, покойный, оборонный.

Мир-управитель ведет войну с остальным — и им же вроде бы весьма управляемым — миром — как за возможность полного управления этим миром, так и за его под себя объемную переделку.

Отсюда и демонтаж в текущем мире всего того, что выражает собою, поддерживает, воспроизводит и спасает весь этот мир, что то же самое — *демонтаж традиции*. Идет наступление на традиционного человека (все-еще-человека), и что самое примечательное — идет не без успеха! Человек, его сознание, его метафизика и даже физика, его психика, не говоря об образе мышления, поведения и вообще жизни, стремительно меняются, и как раз в сторону... постчеловека. Не надо думать, что этот ньючеловекообраз где-то в будущем, еще и в очень проблематичном будущем, нет, он уже здесь, в настоящем, вокруг нас, да и прямо... в нас, — так что нынешняя война миров есть война не только за господство над миром и обладание его ресурсами, не только за новое — либо в угоду глобальному центру, либо на пользу всему человечеству — миро-планетарное жизнеустройство, но и за самого по себе человека — этого загадочного в мироздании и для мироздания существа, способного не только к внешнему демиургированию (вокруг себя), но и само-на-себя-демиургированию (внутри себя).

Передовой мир во главе со своим глобо-империальным центром, поддерживаемым и немало управляемым мировым финансовым капиталом и транснациональными монополиями, сосредоточенно переделывает под себя планетарный, ставший во многом уже и субглобальным, мир, навязывая субстранам свои субэлиты, субглобальное устройство с соответствующими политическими системами, субэко-

номику с теми же субфинансами, предначертанный образ жизни и поведения, субинституты, субкультуру, всякую глобально-колониальную, а в особенности сегодня и интеллект-технологическую, зависимость. Для достижения своих имперо-колониальных целей глобальный центр не стесняется инициировать по всему миру политические перевороты, цветные революции, «умные» социально-экономические реформы, меняя властителей и политические режимы, ослабляя национальные государства и подчиняя себе страновые хозяйства, ставя во главе субгосударств своих агентов и сторонников, создавая лояльные глобализму элиты, включая массы аборигенных трудящихся в орбиту глобальной эксплуатации.

Все это вызывает вполне естественное сопротивление со стороны глобализуемого глобализмом мира — пока еще в основном несиловое, увещательное, неагрессивное, фрагментарное, но все более заявочное, требовательное и консолидированное. БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС и им подобные международные образования — характерные ответы на перестроечный и доминационный вызов всемирного глобализма. Даже саммиты G-20, будучи вроде бы прямым орудием глобализма, оказываются и непредусмотренным проводником... антиглобализма, во всяком случае, ареной, где встречаются пока еще в мирной дискуссии, так сказать, глобалисты и антиглобалисты, и, надо заметить, первые, хоть пока и берут в целом верх, но вынуждены уже кое в чем уступать вторым. Сирийская ситуация — яркий пример практически лобового столкновения интересов, замыслов и мер глобализма, возглавляемого США и Великобританией, поддерживаемых Европой, и антиглобализма, возглавляемого так или иначе Россией и Китаем, поддерживаемого БРИКС'ом и многими другими «развивающимися» странами.

Заметим, что глобализм объявился как полноценный геополитический феномен и орудие мирового господства с крушением СССР и международной социалистической системы, противостоявших западной империльной экспансии. Можно сказать, что и СССР с соцсистемой были вполне глобалистическими субъектами-явлениями — имперо-социалистическими, но они, проиграв схватку с западным империализмом, уступили место — а это ведь вся планета — Западу, который, почуяв поживу и впад в уже моноимпериальную прелесть, немедленно ускорил реализацию своего давнего глобального проекта, легализовав его и навязав всему миру в качестве неопременного и бесспорного. Однако не прошло и четверти века, как миру стал ясен истинный смысл проекта, который состоит вовсе не в целостной и эффективной международной кооперации, а в господстве сверх- или надмирового малого верха над суб- или подмировым большим низом на базе определяемой

верхом не кооперации вовсе, а насильственной иерархической взаимозависимости.

А тут еще *кризис* — кризис как самого глобализма, вполне уже заравшегося от вдруг свалившихся на него несусветных возможностей господства, эгоизма и присвоения, энергично преследующего свои собственные интересы, но забывшего о коренных особенностях и стратегических интересах остального, ставшего ему весьма подотчетным, мира, так и кризис всей планеты, неэффективно управляемой из глобального центра, эксплуатируемой имперо-передовым миром, активно переделываемой под интересы и по замыслам все более обезумевшегося глобализма и пожелавшей перейти к какому-то иному — воистину кооперационному, а главное, солидаристскому устройству всего планетарного общежития.

Нынешний планетарный мир — мир глобального кризиса и глобальной войны, при этом и мир глобальных перемен!

И что здесь важно: без глобальных перемен мир не выйдет из кризиса, а глобальные перемены вряд ли осуществляются без кризиса и войны, вот почему кризис и война сегодня — необходимость как для не желающего расставаться с имперо-господством глобального центра, поощряемого передовой финансово-технологической цивилизацией, так и для не желающего более служить имперо-глобализму традиционного и бурно развивающегося остального мира. Большая, напряженная и тягостная схватка тут неизбежна, но... нельзя допустить самоубийственного для всего человечества смертоносного Армагеддона, а потому схватка может идти только в «мирном» стиле: более конспиративная, чем явная; более холодная, чем горячая; более «игровая», чем собственно милитарная.

Остальной мир обязан выдвинуть свой *общемировой проект*, к примеру — *планетарной равноправной кооперации и планетарного солидаризма*, и заставить имперо-передовой мир его принять, для чего сам остальной мир должен имперски же сконсолидироваться. Каким образом? Через создание ряда больших имперских центров, способных, однако, к эффективному взаимодействию, а не зараженных бациллой взаимного соперничества. Здесь нужна мудрость — МУДРОСТЬ! Но ведь и традиция для этого тут как тут — ТРАДИЦИЯ! Передовой мир давно покончил с солидаристской традицией — как под сенью христианства, так и вопреки ему — и этому миру уже невозможно самому выдвинуть и реализовать новый мировой солидарный проект (кризис того же ЕС говорит о многом!), да и кто Западу сегодня поверит, а вот у остального, вроде бы сейчас субглобального мира с этим все как раз иначе, ибо этот мир с метафизической традицией не расставался, следственно, и с вековой мудро-

стью тоже, не замещал ее ни позитивной философией, ни наукой, ни прагматической идеологией. Так что суперстратегический созидательный шанс сегодня более у остального, чем передового-де мира.

Проект имперо-передового мира — проект *постчеловечества*, а вот проект остального мира может стать проектом *нового человечества*, солидарного как с новизной, так и с традицией.

Всего сложнее сегодня России, естественной, но при этом и формальной наследнице Российской империи и СССР, оставшейся империей по внутреннему устройству, но утратившей (или почти утратившей) внешнюю имперскую значимость, во всяком случае — функциональную, хотя и не расставшуюся насовсем с такой имперской атрибутикой, как военно-оборонный комплекс, включающий в себя атомные и космические силы, не говоря о средствах внезапного конспиративного поражения.

У России главная геополитическая задача — восстановление имперского величия и своей ведущей объединительной значимости на мировой арене. Это очень трудная задача, если учесть хотя бы следующие обстоятельства: а) резко сокращенную, ориентированную главным образом на экспорт сырья, энергоресурсов и полуфабрикатов, слабоконкурентную национальную экономику, зависимую от импорта продовольствия, товаров широкого потребления, новейших технологий, интеллект-продукции и капитала, как и вообще от состояния и тенденций мирового финансово-экономического контекста, немало зависимого от действий глобального центра; б) столь же зависимую от внешнего контекста и действий глобального центра (не так конституционно-институционально, как функционально) национальную, а лучше сказать, субнациональную, политическую систему, склонную к соглашательству, невыгодным для себя компромиссам, с низкой способностью к сопротивлению (Сербия, Ирак, Ливия — примеры «тухлого» поведения, а вот Иран, Грузия, Сербия — некоторой внешнеполитической стойкости); в) слишком большую по доле, весьма распространенную и влиятельную, ненациональную по ориентации, положению, поведению и вообще по духу, лишь условно-страновую, а на самом-то деле более всего внестрановую, экономическую и в немалой степени политическую элиту, более подходящую под определение антиэлиты, антисистемы, «малого народа», характерную обычно для зависимой колонии, а не для самостоятельной державы, способную подавить, разложить, поглотить остаточную национальную элиту, которая тоже есть, но не на первых ролях, находясь более всего в дефensively-резистентной позиции, к тому же оставаясь не консолидированной в достаточной мере и морально не слишком полноценной; г) громадные внутренние кризисные проблемы: от тотальной социальной

несправедливости и вполне целостной коррупции до устойчивого вымирания коренного населения и обстановки общего аморально-антикультурного разложения, что так или иначе стимулирует большую, пока еще более скрытую, чем явленную социально-политическую напряженность: нынешняя Россия — страна *перманентного внутреннего кризиса*, возникшего еще в СССР, но резко разогретого перестройкой и резко усиленного последующими вполне революционными реформами.

В настоящее время в России имеет место уже безусловный *пореформенный кризис*, из которого пока никакого заметного выхода не просматривается. Став «обуржуазненной» и «оглобленной», страна не стала (или пока еще не стала) ни национально консолидированной, ни морально здоровой, ни эффективно упорядоченной, в общем — это более *анти*страна, чем страна, наполненная более *анти*цивилизацией, чем цивилизацией, испытывающая все муки аморально-антикультурного ада и вовсе не помышляющая, хотя и еще мечтающая, о какой-либо нормальной жизнеотправительной перспективе.

Нынешняя Россия — более по сути колониальная, чем суверенная страна, это, конечно, *суб*страна, хотя и не потерявшая шанса ни на собственное для себя возрождение, ни на обретение полной великодержавной самостоятельности. И несомненным парадоксом выглядит тот факт, что Россия по-прежнему выступает... страной-субъектом... великой исторической игры, к ее мнению в мире прислушиваются, с ее позицией считаются, на нее возлагают немалые, если не конечные надежды. Сакральное значение евразийской имперской страны во главе с Москвой, как ни странно, на первый взгляд, никуда не исчезло. История, уже, казалось бы, распростившаяся с Россией, — во всяком случае как с явным ведущим субъектом истории, одним из ее великих деятелей, — вновь разворачивается... в пользу России, ибо без сильной и значимой России, выходит, никакой текущей и будущей истории нет, — и дело тут не в одних обширных российских территориях и огромных ресурсах, а в самой *метафизике России*, так или иначе утверждающей, что либо Россия — великая империя-великий игрок, либо... *ничто!* И история выбирает самим ходом вещей историческую, а не внеисторическую Россию, вновь назначая ее ответственной за земной исторический процесс. Но вот почему же, за какую-такую метафизику?

Это не просто заметить и уж тем более понять, но это именно так: прямо без видимых, научно обоснованных, логичных и вполне аргументированных причин, ибо здесь больше скрытой трансцендентности, чем явной имманентности. Ученому миру восприятие подобного факта недоступно, ибо мир этот абсолютно уверен, что ничего транс-

цендентного в бытии нет, а есть лишь попросту еще неизведанное умом, не охваченное интеллектом и не подвергнутое тщательному исследованию, фактически не обоснованное, математически не смоделированное и расчетно не выверенное. Но, ох, как ошибается этот заблудший в разумных лабиринтах ученый мир, не могущий даже признать и достойно осмыслить факта своего собственного кризиса, наступившего как раз в момент наивысшего расцвета человеческой учености, прозевавшей трансцендентность не только своего собственного бытия, но и изначально кризисную трансцендентность передовой западной цивилизации, вскормившей эту самую ученость и поставившей ныне весь планетарный мир на грань исчезновения!

Постмодерновая экспансия передового Запада еще идет, но она уже встречает сопротивление Севера (Россия), Востока (Китай, Индия) и Юга (Латинская Америка, часть Африки, часть мусульманского мира), что означает, конечно, еще не конец западного нашествия на планету, но уже кое-какое предвестие этого конца. И Россия не может не быть, при всей кажущейся сейчас своей прозападности, страной в основе своей не просто незападной, но даже и антизападной. Корни дерева — не его ветви, они скрыты, глубинны, вполне и трансцендентны, и именно от корней зависит, какой быть и какой не быть той или иной стране, а уж России, как и Китаю с той же Индией, в особенности. Россия не может — при всем желании наклоненной к Западу части ее политических верхов и массы «наивных» интеллект-образованцев — перестать быть Россией, превратившись в чаемую всеми этими псевдороссиянами *анти*Россию. Да, субъектно-субъективная антиРоссия нынче сильна в России, она совершила ельцинскую революцию и удерживает путинизм в своих липких роковых объятиях, но... есть и Его Величество Ход Истории, который, бывший еще вчера вроде бы в союзе с *анти*Россией против России, разворачивается ни с того ни с сего в сторону собственно России, отворачиваясь при этом от окончательно оглуляющейся антиРоссии. Ничего не поделаешь, здесь ведь не логика с расчетом, а трансценденция с ее металогией и суперрасчетом!

В исследовательские глаза внешнего наблюдателя бросается сегодня Россия-гнусь, Россия-дрянь, Россия-мерзость. И это так: мало чего хорошего можно сказать об аморально и некультурно мельтешащей туда-сюда стране. Попраание всего богочеловеческого, ненависть к ближнему, безумный страх да бесконечный сдавленный стон, ну еще разгул насилия, корысти и измены — вот, собственно, и вся кипучая российская современность. Но зато в пронизательное сверхсознание более сердечного, чем умственного сопереживателя может войти и кое-что другое: массовое уже понимание всего воистину случившегося

в стране и с нею намеренно содеянного, как и устойчивое желание со всей этой «гадостью» раз и навсегда покончить.

АнтиРоссия ныне, выйдя из недавнего антисоветского подполья, вольготно разместились в Яви, в победной, вроде бы, для себя яви, но ей очень и очень почему-то не по себе, ее всю от чего-то «колбасит», она уже в явном внутреннем осатанении, ибо видит, что уже многое в России происходит как-то совсем не по ее плану — не по-антироссийски, все для нее неустойчиво и вся ее операция со страной чуть ли не напрасна, ибо Россия, как будто бы загнанная в Навь, совсем даже и не кончается, наоборот, держится, и, кажется, вновь собирается с силами, чуть ли уже не поднялась с колен и чуть ли не устремляется ввысь. Невдомек антиРоссии, а может, уже и вполне вдомек, что Россию невозможно сделать *не*Россией, а уж тем более — *анти*Россией, что это такая же утопия, как и та же недавняя попытка сделать из России надежный оплот мирового социализма — за счет, конечно же, самой России.

Россия в поиске самой себя — то ли чего-то когда-то ею утраченного, то ли еще вовсе и не бывшего. Скорее все-таки никогда еще не бывшего, хотя и без метафизической связи с когда-то, надо полагать, и бывшим. Легенда о граде Китеже — вовсе не развлекательно-отвлекающая сказка, как и не сказкой оказалась идея Святой Руси — Третьего Рима. Так что Россия, несмотря на возникновение, расцвет, кризис и крах великой Российской империи, еще не сказала своего для себя, а может, и для целого мира последнего слова, — и очень похоже, что она это СЛОВО в себе ныне вынашивает — вопреки воцарившемуся на территории России перестроечно-революционному, буржуазно-глобалистическому образцу, нестерпимому аду.

Вырыв России из текущего адского состояния кажется сегодня маловероятным, даже и вовсе невероятным, ибо ад здесь, он реален и победоносен, а где она — антиадская Россия, и уж тем более — последовая? Да, России благодатной что-то не очень видно, и вырыв ее из ада более невероятен, чем вероятен, но... кажется... нынешний псевдороссийский режим кое-что уже понял, что отпущен ему теперь вовсе уж малый срок — как на свое безмятежное бытие, так и на исправление зловредной внутри страны ситуации, так и на то, что великий перестроечно-революционный обман уже раскрыт и время текущего и тягучего лживого пиара прошло, что страна и в самом деле жаждет больших позитивных перемен, отчего звонкое имя диктатора Сталина все предпочтительнее в массовом сознании глухого имени «демократа» Ельцина. В истории всякое возможно, как возможна революция, так возможна и антиреволюция, а то и того хуже — контрреволюция, причем все это в любое время и любым способом, так что вряд ли ра-

зумно сегодня понукать уже поднимающейся и озирающейся Россией, мечтать о ее лукавом истреблении или полном исчезновении. Опасно, ой, как опасно!

Россия — развороченная, ослабленная, вовсю кризисная, приговоренная к уничтожению через поощряемое извне самоистребление страна, но это тем не менее — все еще держава, причем держава великая, — и великая не потому вовсе, что большая и с великой бытовой амбицией, а потому что самой истории так надо — чтоб была великая российская (пусть в некотором роде и евразийская) держава, и никуда от этого трансцендентного предназначения-предопределения России не уйти, даже вроде бы с прозападной антиРоссией во главе.

Искренний и наивный Александр Блок, этот по сути последний великий поэт Империи, призывал слушать и слышать «музыку революции», той самой революции, от которой, когда она разыгралась во всю мощь, и получил «ужасного сполна». Мы же, не будучи ни завзятыми поэтами, ни бойкими революционерами, призываем слушать и слышать... *метафизику*, если хотите, даже музыку метафизики, ту самую метафизику, в которой есть все, а не одни лишь революционные мотивы: события и процессы; силы и слабость; геройство и трусость; верность и измены; разумность и безумие; размеренность и турбулентность, тишь и бури; войны и революции, в общем — все! Российская, как, собственно, и мировая, метафизическая симфония-какофония сложна, неопределенна, конспиративна, загадочна, что не значит, что не воспринимаема, как и не значит, что слышимая в ней апокалиптика — это всего лишь разрушение и погибель, вовсе нет, это и сопротивление (*Resistance*), и восстановление (*Restauration*), и возрождение (*Renaissance*), а также и победа (*Victoire*), которая, вся обязанная апокалиптике, прямо за бедой и следует: по-беда, пост-бедá, послебедствие!

Л.М. ИПОЛИТОВ

С.Н. Булгаков о соотношении экономической теории и философии хозяйства

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении экономической теории и философии хозяйства в контексте эволюции экономических взглядов ее основоположника — С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: экономическая теория, философия хозяйства, история экономических учений, институционалистская экономическая теория, С.Н. Булгаков.

Abstract. The article considers the question of the relationship between Economic Theory and Philosophy of Economy in the context of the evolution of economic views of its founder — S.N. Bulgakov.

Keywords: Economic Theory, Philosophy of Economy, History of Economic Thought, Institutional Economic Theory, S.N. Bulgakov.

Вопрос о соотношении экономической теории и философии хозяйства тесно связан с эволюцией экономических взглядов С.Н. Булгакова и его отношения к науке о хозяйстве. Характеризуя итог этой эволюции, Ю.М. Осипов пишет: «Не будет преувеличением сказать, что С.Н. Булгаков — один из основоположников современной философии хозяйства, выросшей из критики политической экономии, ее сциентистской и технократической тенденций» [1, 116]. Саму же философию хозяйства Ю.М. Осипов характеризует как «особую отрасль размыслительного и обобщающего знания» [1, 118].

В современной литературе по истории экономических учений дается непоследовательная характеристика экономических взглядов Булгакова. Так, Г.Д. Гловели отмечает, что «С.Н. Булгаков, совершив поворот от марксизма, в “Кратком очерке политической экономии” (1906) фактически перешел на позиции народничества...» [2, 372]. Однако далее в том же учебнике Н.А. Макашева причисляет Булгакова к этико-социальному направлению в политической экономии — вместе с М.И. Туган-Барановским [2, 389—409]. Немецкий ученый Й. Цвайнерт в своей авторской версии истории российской экономической мысли XIX в. характеризует творческий путь С.Н. Булгакова «с Запада на Восток» следующим образом: «...он, начав с легального марксизма, от Маркса через увлечение идеями Канта и Соловьева приходит к требованию подчинить научное мышление мировоззренческим идеалам Русской православной церкви» [3, 347]. По мнению Й. Цвайнерта, «Философию хозяйства» Булгакова «...скорее следует причислить к теологии, чем к экономической науке» [3, 349]. М.Г. Покидченко, характеризуя экономические взгляды Булгакова, относит его к представителям институционалистского направления экономической теории: «...Булгаков, — пишет он, — опираясь на последние для его времени достижения философии, попытался создать свою “философию хозяйства”, заложив, таким образом, основы российского варианта институционализма в экономической науке» [4, 121].

Начав свою деятельность как один из ведущих теоретиков «критического» марксизма, на рубеже XIX — XX вв. Булгаков, как и

П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский, отходит от марксистского учения. Его мировоззрение и философские взгляды претерпевают эволюцию согласно формуле: «от марксизма к идеализму, и от него — к религиозной православной философии». В области же экономической науки он переходит на позиции институционалистского направления. Отход Булгакова от марксистской экономической теории впервые проявился в труде «Капитализм и земледелие» (1900), в котором он не только поставил под сомнение правомерность применения марксистской доктрины к объяснению экономических процессов в аграрной сфере, но и пришел к выводу о том, что она не дает всеобъемлющей картины процессов социально-экономического развития общества. Этапными с точки зрения эволюции в сторону институционализма для Булгакова были сборник статей «От марксизма к идеализму» (1903) и «Краткий очерк политической экономии» (1906). После неудачных попыток преобразовать марксизм на философской основе неокантианства Булгаков окончательно отходит от него. Фундаментальным трудом, в котором отражено завершение процесса перехода от марксизма к институционализму, стала «Философия хозяйства» (1912), столетний юбилей выхода в свет которой мы отмечаем.

Институционалистское экономическое учение Булгакова можно охарактеризовать как *религиозно-этическое*. Обосновывая понимание предмета и задач политической экономии с позиций христианской этики, он подчеркивал, что политическая экономия и есть прикладная этика — этика экономической жизни. Среди различных систем экономических взглядов возможна и необходима *христианская политическая экономия*, которая исследует экономическую жизнь с точки зрения и в духе христианского учения, содержит общие религиозные основания хозяйствования.

В «Философии хозяйства» Булгаков впервые поставил задачу: «Понять мир как объект трудового, хозяйственного воздействия...» [5, 49]. Данная работа подводила внутренний итог целой полосы его жизни и творчества и сводила к единому целому результаты предыдущих исследований, начиная со сборника «От марксизма к идеализму». «Факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское “удивление”, и проблема философии хозяйства — о человеке в природе и о природе в человеке — в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами» [5, 49], — писал Булгаков. В этом труде Булгаков реализует присущий институционализму междисциплинарный подход к исследованию экономической жизни общества. Он стремится преодолеть наметившуюся на рубеже XIX — XX вв. разобщенность социальных наук, оплодотворить экономическую теорию философскими идеями. «Проблема хозяйства берется в

настоящем исследовании сразу в тройкой постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической» [5, 50]. Такой способ ее рассмотрения обусловлен самой сущностью предмета исследования. Наука о хозяйстве, политическая экономия, в проблеме хозяйства выделяет лишь одну определенную сторону, оставаясь бесчувственной ко всему, что выходит за пределы непосредственно данного ей научного «опыта». Однако теория хозяйства не может ограничиться лишь его феноменологией, за пределами которой исследование попадает в область философии. По мнению Булгакова, политическая экономия нуждается в «оплодотворяющей связи» с философией для преодоления постигнутого ее кризиса научного сознания. Исследование проблемы хозяйства важно и с позиций религиозного сознания, что требует привлечения не только этики, но также онтологии и космологии христианства.

Недостаточность свойственного традиционной политической экономии научного подхода к исследованию хозяйства Булгаков доказывает с помощью критики экономизма как господствующей формы экономического мировоззрения, философии хозяйства на рубеже XIX — XX вв. Экономизм он называет одной из наиболее выдающихся черт современной ему эпохи, эпохи обостренной экономической рефлексии, когда вопросы экономического бытия заняли главное место в мироощущении человечества. «Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова» [5, 54]. Современная эпоха, в противоположность аскетизму, добровольному или принудительному, прежних исторических периодов, отрицавших власть богатства над человеком и даже презиравших его (как буддизм), не просто любит богатство, но верит в него, причем даже больше, чем в человеческую личность. В этом проявляется не только вечный корыстолюбивый мамонизм, но именно экономизм эпохи. «Жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный, такова аксиома этого современного экономизма, получившая самое крайнее и даже заносчивое выражение в экономическом материализме» [5, 54], — писал Булгаков.

Объяснение этому явлению он видел в противоречии между ускорением темпа экономической жизни, колоссальным развитием хозяйства, с одной стороны, и порабощением человека, подавлением его воли этим непомерным развитием с неясными перспективами — с другой: «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства» [6, 299].

Наиболее радикальным выражением экономизма Булгаков считал доктрину экономического материализма, влияние и жизнеспособ-

способность которого связана с тем, что в своем догмате о примате хозяйства в историческом бытии и сознании он дает теоретическое выражение распространенному в обществе чувству хозяйственной обусловленности жизни. В своем крайнем проявлении экономический материализм утверждает хозяйственную природу всей культуры и человеческого творчества, стремится найти хозяйственную подоснову даже в самых высоких, духовных явлениях жизни. Этот мотив неотразимо притягателен и интимно близок каждому, а потому экономический материализм неуничтожим и, в известном смысле, неопровержим. «Он не может быть просто отвергнут и опровергнут, как любая научная теория... Он должен быть не отвергнут, но внутренне превзойден, разъяснен в своей ограниченности как философское “отвлеченное начало”, в котором одна сторона истины выдается за всю истину» [5, 53], — подчеркивал Булгаков.

По его утверждению, число фактических последователей экономического материализма гораздо больше, нежели открытых и сознательных его приверженцев. Хотя большинство экономистов формально не разделяют его положения в теории и отрицают его идейный радикализм, на практике он является господствующим экономическим мировоззрением. Политическая экономия, по мнению Булгакова, либо ограничивается конкретными исследованиями специального характера, либо, восходя к экономическим обобщениям, сознательно или бессознательно впадает в экономизм. «Между политической экономией и экономизмом как мировоззрением существует тесная, неразрывная связь. Фактически экономический материализм есть господствующая философия политической экономии. Практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм» [5, 55]. Его генезис восходит, по Булгакову, к Кенэ, Смиту и Рикардо — ко всей классической школе. При этом догматы экономизма представляются само собой разумеющейся и единственно возможной философией хозяйства вообще, в чем и проявляется «ограниченность горизонтов экономической мысли».

Экономический материализм проявляется, в частности, в экономическом детерминизме. Объясняя историю человечества, в «общую формулу» материалистического мировоззрения он «подставляет» свои определенные величины, как-то: понятие хозяйствования, хозяйственные функции человека, его хозяйственное бытие. Однако при этом, как подчеркивал Булгаков, происходит не объяснение неизвестного известным, а лишь замена его на новое неизвестное. По его мнению, основное понятие экономического материализма — понятие хозяйства — не получило должного философского и научного, экономического обоснования и остается столь же неизвестным, как и все, что им объ-

ясняется. Поэтому перед исследователем вновь встают вопросы: «...Что такое хозяйство? или как возможно хозяйство? каковы его предусловия и основоположения? каково содержание хозяйственного акта, его субъект и объект?» [6, 301]. Только при поверхностном или догматическом подходе содержащая эти вопросы «критика чистого хозяйства» может показаться искусственным измышлением «метафизиков». И лишь на основе анализа данных вопросов можно, по мнению Булгакова, обеспечить критическую проверку доктрин как экономического материализма, так и «антиэкономического идеализма».

Булгаков подчеркивал, что в начале XX в. политическая экономия испытывала жесточайший философский кризис: с отказом от экономического материализма она оказывалась лишенной всяких философских основ, а потому все больше превращалась в сумму эмпирических знаний и наблюдений, едва ли заслуживавшую название науки. «Поэтому проблема философии хозяйства или, лучше сказать, совокупность этих проблем приобретает не только общефилософский, но и специально-экономический интерес» [5, 56—57]. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что политическая экономия, будучи философски наименее самостоятельной дисциплиной, претендовала на роль повелительницы мысли, в своем экономизме она стремилась распространить влияние далеко за собственные пределы, стать философски декретирующей. Поэтому она нуждается в философском пересмотре и углублении своих принципов. С этих позиций Булгаков определяет основную задачу философии хозяйства: «Философское исследование общих предпосылок экономической деятельности и экономического мышления вообще составляет прямую задачу философии хозяйства, которая исследует... философские аргументы как политической экономии, так и общего экономического мировоззрения» [5, 58]. По его мнению, философия хозяйства не находит должного интереса к себе ни среди философов, ни среди экономистов, хотя имеет одинаковые права на внимание и тех, и других («философия хозяйства имеет по существу дела два лица, из которых одно обращено к философии, другое же к социальной науке, в частности — к политической экономии» [6, 306]). Это объясняется взаимным недоверием и отчужденностью между философией и наукой, в особенности экономической, которая в философском отношении остается девственной. (Заметим, что преодоление этого отчуждения, казалось бы, наметившееся столетие назад, так и не было достигнуто вплоть до сегодняшнего дня.) «...Рядом с изучением фактов экономической жизни и методов производства можно изучать и хозяйственное мировоззрение, то, что мы называем философией хозяйства. Политическая экономия изучает фактическую сторону хозяйства, философия же хозяйства исследует хозяйство, как ценность, как

задачу, как добро и зло» [7, 10], — писал Булгаков, определяя соотношение между политической экономией как наукой и философией хозяйства.

Булгаков отмечал, что та или иная философия хозяйства, устанавливающая предпосылки политической экономии, отнюдь не создается ею самой, не может быть результатом научного исследования, а привносится в науку *a priori*, предопределяя затем характер ее выводов. При построении своей философско-хозяйственной системы Булгаков стремился соединить различные мировоззрения: научно-экономическое, философию «идеалистического критицизма» (кантианство), прагматизм, философию жизни, философию всеединства (В.С. Соловьев), а также религиозную онтологию, космологию и антропологию ранних христианских мыслителей. Исходным пунктом этого построения для Булгакова стал отказ от традиционного, рационалистического понимания соотношения между «научным» познанием сущности бытия и самой жизнью. Он выдвигает на первый план принцип первичности жизни, присущий ряду философских течений конца XIX — начала XX в., в частности, «философии жизни» (А. Бергсон и др.). Другой важнейшей мировоззренческой основой булгаковской философии хозяйства стала философия Шеллинга, которая, в отличие от созерцательного кантианства, утверждает тождество субъекта и объекта, духа и природы. «Философия хозяйства, как философия объективного действия, необходимо должна быть сознательным продолжением философского, именно “натурфилософского” дела Шеллинга» [5, 107], — утверждал Булгаков.

Основной вопрос философии хозяйства, который до сих пор не был исследован, в том числе и экономическим материализмом, Булгаков сформулировал следующим образом: «...Является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства?.. Есть ли человек вещь, объект, истолкования которому нужно искать в безличном, тоже объектном мире вещей и механизме вещей, определяющем хозяйственный процесс, или же, наоборот, последний сам объясняется из природы хозяйственного субъекта, порождается его деятельностью, запечатлевается его субъектностью?» [6, 301—302]. Такова серия общих вопросов, определяющих контуры содержания философии хозяйства, основным из которых является вопрос о природе хозяйства и хозяйствующего субъекта и их соотношении.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Значение философии хозяйства С.Н. Булгакова для современной экономической теории // Преодоление времени (по

материалам научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. М., 1998.

2. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000.

3. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2007.

4. Покидченко М.Г. Социально-экономическая мысль России середины XVIII — начала XX в. // Покидченко М.Г., Сперанская Л.Н., Дробышевская Т.А. Пути развития экономики России: теория и практика. М., 2005.

5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Речь на докторском диспуте // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

7. Булгаков С.Н. Очерки по истории экономических учений. Вып. I. М., 1913.

3.Э. СКРЫННИК

Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе»

Аннотация. Рассмотрен исторический процесс экстраполяции товарно-денежных отношений на духовную жизнь и выход рационально-экономических ценностей во внеэкономические сферы как причина формирования монетаристского сознания. Обосновано, что это является следствием не произвольных актов субъективной воли, а процессом, детерминированным всей системой хозяйственной деятельности людей.

Ключевые слова: деньги, коммуникативная философия, монетаристское сознание, ценности, рыночные взаимоотношения, гражданское общество.

Abstract. The historical process of extrapolation the money relations on spiritual life and output the rationally-economic values in out-economic spheres as a reason of forming the monetary consciousness is considered. Grounded, what this process is not the result of arbitrary acts of subjective will, it have been determined by whole system of practical activity of the people.

Keywords: money, communicative philosophy, monetary consciousness, values, market mutual relations, civil society.

Все чаще в современном философском дискурсе возникает понятие «монетаризм» — уже не в контексте экономической теории, а в культурно-философском смысле, образуя целое гнездо понятий: «монетарное сознание», «монетарное мировоззрение» и т. п. Содержание этих концептов авторы определяют как экстраполяцию товарно-денежных отношений на духовную жизнь и выход рационально-экономических ценностей во внеэкономические сферы бытия [1, 64]. В результате этого процесса, по выражению Ю.М. Осипова, «хозяйствовал человек многие века, искал, строил, лепил свой искусственный мир, а вылепил в итоге... мир-самоубийцу, против самого создателя вдруг и восставшего» [2, 16]. Одной из важнейших составляющих в формировании «мира-самоубийцы» стала схема отчуждения: утверждение «монетарного мировоззрения» является следствием «замыкания» человека на денежной интенции, превращение человеческого мира в мир денег [1, 33].

В разных направлениях современной философской мысли предпринимаются попытки понять, почему такое развитие событий стало неотвратимым, «человек восстает против самого человека... по самой сути своей и по сути своего же мира» [2, 16—17].

Интересным и, по нашему мнению, перспективным является подход коммуникативной философии, которая рассматривает проблему под углом зрения категориальной структуры, выражающей оппозицию «жизненного мира» и «системы». При таком подходе, по мнению Ю. Хабермаса, центральным должен быть вопрос о том, почему и каким образом денежно-рыночные механизмы утверждают себя относительно жизненного мира как «сектор, свободный от социальных норм, который противопоставляет присущим жизненному миру императивам собственные императивы, основанные на сохранении системы» [3, 341]. Утверждение во всех сферах человеческой жизни денежных и связанных с ними властных кодов в процессе исторического развития — это закономерный, хотя и противоречивый и болезненный процесс разъединения общества на жизненный мир и систему. Сущность жизненного мира для коммуникативной философии состоит в том, что этот мир является средой речевой коммуникации. Его структура — в соответствии со структурой коммуникации — определяется через структурные компоненты речевых действий: пропозициональную, иллокутивную и интенциональную. Соответственно с этими аспектами коммуникативного действия в жизненном мире выделяются «структурные ядра»: культура, общество и личность. Хабермас трактует их

довольно специфически, рассматривая через призму теории коммуникации. Культурой он называет «тот умственный багаж, из которого те, кто коммуникативно действуют — т. е. достигают согласия о чем-либо в мире, — получают консенсуально принятые интерпретации» [3, 336]. Обществом (в узком смысле — как компонентой жизненного мира) он называет «легитимные порядки, благодаря которым те, кто коммуникативно действуют... черпают солидарную поддержку, основанную на их групповой принадлежности» [3, 336]. Личность — специфический термин, «который указывает на приобретенные компетенции» субъекта, способного на речевое общение и действия и могущего, таким образом, «утверждать собственную идентичность, участвовать в контекстуально обусловленных процессах взаимопонимания и интеракциях, которые постоянно меняются» [3, 336]. Эта теоретическая конструкция нужна для ответов на вопросы: в каком направлении должны двигаться структурные изменения жизненного мира? как в процессе его эволюции трансформируется функция регуляции социальных процессов?

Различие в осуществлении регулятивной функции между жизненным миром и системой состоит в следующем. В жизненном мире поведение человека регулируется морально-ценностными факторами: «так положено», тогда как в системе на первый план выходит опыт коммуникативных действий — технически-практических, инструментальных отношений человека с другими людьми и с природой по принципу «мы так решили». Различие между жизненным миром и системой как сторонами действительности, которые уже больше не предстают вновь как моменты некоторого высшего единства, вводится через дополнение понятия «жизненный мир» понятием «коммуникативное действие». Конкретные формы жизни и общие структуры жизненного мира начинают противостоять друг другу по мере того, как да/нет-решения, которые несет в себе повседневная практика коммуникации, начинают приниматься человеком через коммуникативные практики, а не выводиться из нормативно предписанного согласования. В частности, противостоит нормативным контекстам жизненного мира консенсус, достигнутый с помощью денежной коммуникации, ведь он действительно не вытекает из нормативных предписаний и не согласуется с ними, а является результатом соглашения, достигнутого по правилам рыночной конъюнктуры.

В архаическом обществе жизненный мир и система еще совпадают, системные механизмы регуляции социальных действий неотделимы от нормативного комплекса этических ценностей жизненного мира. В своем поведении человек руководствуется синкретическим по своей сути императивом: «так велели боги». Характерно это проявляется в отношении людей такого общества к деньгам — их роль как механиз-

ма достижения межличностного согласия еще не развилась. Будучи же привнесены в эту культуру извне, деньги вызывают страх и недоверие, что убедительно демонстрируют наблюдения философа И.Л. Андреева, который в статье «Человек по имени Деньги» [4, 60—72] делится впечатлениями, полученными в поездке по странам африканского континента. Он отмечает, что в африканском фольклоре деньги персонифицированы: о них рассказывают притчу как о конкретном человеке, мошеннике и жулике, очень опасном для доверчивых людей. Худшее для тех, кто стал жертвой его выходок, это то, что «Человека по имени Деньги» не могут найти, чтобы привлечь к ответственности, он неуловим. Не только на уровне мифологического предания, но и в практическом поведении современные африканцы, по замечанию И.Л. Андреева, относятся к акту купли-продажи так, будто он, как в давние времена, реализует древний обычай обмена подарками — не обязательно равноценными, а скорее нужными, полезными, достойными дарителя и одариваемого. Африканская культура отдает предпочтение одариванию перед продажей. Поэтому и продажа напоминает дароприношение — это целый ритуал, беседа, взаимная услуга, которая сопровождается неспешным и почтительным обменом мнениями, а порой и дискуссией по поводу не только качеств и цены товара, но и выяснения родственных связей, времени и деталей праздников и ритуалов и т. д. На рынке африканский человек руководствуется в своем поведении не столько экономическими, сколько нравственными понятиями. Чтобы сбить цену, совсем не обязательно искать недостатки у товара, лучше искренне похвалить мастерство того, кто его сделал. Доброе слово ценят не меньше денег. Андреев приводит пример, когда таксист отказался получить плату с него, пассажира, так как разговор с ним был настолько приятным, что водитель оценил его дороже денег. Цена может быть названа совершенно произвольно, например, многократно завышена, а в процессе торга немотивированно занижена. В значительной степени она зависит от минутной нужды продавца, его настроения, личного обаяния покупателя. На рынках Тропической Африки отсутствует четкая связь между ценой и стоимостью, между процессом торговли и прибылью как его результатом.

В отличие от архаического, в традиционном обществе функциональная специализация социальных институтов приводит к разграничению сферы морально-этических ценностей, с одной стороны, и институционализированных механизмов политического управления обществом — с другой, что находит свое выражение в образовании государства. Инструментальная рационализация всех сфер жизни содержит в себе тенденцию к высвобождению политической и экономической

сфер от нормативных предписаний, к подчинению их исключительно прагматическому расчету.

В современном обществе происходит дальнейшая дифференциация системы управления. Чем выше сложность общества, тем интенсивнее происходят отстранение системы от жизненного мира, вытеснение жизненного мира на периферию социальной жизни, в конце концов система начинает дезинтегрирующе воздействовать на жизненный мир. Он становится «провинциальным», под давлением общественной системы происходит его «овеществление»: на место повседневной коммуникативной практики становятся факторы внешнего характера, предметно-вещественные медиумы.

Именно в русле разрушения коммуникативности инструментальной рациональностью Хабермас рассматривает выделение из предшествующих способов политического устройства экономики, управляемой рынком, которое сопровождало постепенное утверждение капиталистического способа производства и возникновение современной государственной бюрократии. В этом процессе можно выделить определенные этапы.

1. Начало такого развития следует отнести к зарождению автономии «гражданского сообщества», как ее понимали Гегель и Маркс, т. е. как экономическое самоуправление организованного на основе частного права и гарантированного государственным правом предпринимательского сообщества [3, 38]. Хабермас подробно прослеживает сближение экономической и политической сфер, начиная с зарождения финансового и торгового капитализма в XIII в. Как два основных фактора новых взаимозависимостей он выделяет созданные раннекапиталистической заморской торговлей товарооборот и обмен информацией.

На этой основе вместе с новейшим государством выстраиваются национальные и территориальные экономики. Рынки внешней торговли возникают теперь как результат политических усилий и военного насилия, по сути, они предстают как определенные «институциональные продукты» деятельности «государственного терроризма». Так начинается «национализация городской экономики», образуется то, что с тех пор называют «нацией», — государство Нового времени с его бюрократическими надстройками и возросшими финансовыми потребностями, которые в свою очередь с оказывают обратное усиленное воздействие на меркантилистскую политику [3, 61]. Единственным источником финансовых ресурсов для такого государства является дееспособная система управления, поэтому «навейшее государство — это в существенной степени государство налогов, а финансовое управление — стержень его управления вообще» [3, 61]. Стабильная дея-

тельность государства становится прямым аналогом перманентных контактов частных лиц в обращении товаров и информации, «открытость» становится синонимом государственного; феодальное властвование превращается в «полицию», а подчиненные государству частные лица как адресаты государственной власти выступают как публика. Происходит поляризация социума на государственную власть и гражданское общество.

В этом процессе для нас важным является вопрос о месте денежных отношений в поляризованном мире. Частная хозяйственная деятельность, которая в условиях натурального хозяйства была средоточием жизненного мира, теперь вынуждена ориентировать себя на постоянно обновляемый товарооборот при открытом вмешательстве и надзоре, она впервые попадает в поле общих интересов. Таким образом, частная сфера общества подпадает под понятие «социальное». Зависимость человека от других людей становится необходимым условием самой жизни; деятельность, направленная на поддержание индивидуального существования, не только происходит открыто, но и определяет модель открытого общественного пространства. Меняется само понятие хозяйства: если до XVII в. оно было связано с кругом обязанностей ойкадеспота, хозяина в доме [3, 63], то новейшая экономика уже не ориентируется на ойкос, дом уступает место рынку, она становится «коммерческим хозяйствованием». Частная экономическая сфера гражданского общества все сильнее подвергается влиянию государственной власти. Исторические корни приватности, насыщенного и свободного жизненного мира человека, следует искать в субъективности семейной интимной сферы. Параллельно с тем, как товарооборот разрушает границы натурального хозяйства, семейная сфера отмежевывается от сферы общественного воспроизводства. Статус частного лица теперь сочетает в себе полярные роли: с одной стороны, роль того, кто владеет товаром, а с другой — отца семейства, другими словами, «владельца» и просто «человека».

Важно подчеркнуть, что в своем анализе структуры социальных пространств Европы XVIII в. Хабермас недвусмысленно относит товарообмен пока еще к сфере частного пространства, т. е. до жизненного мира. В жизненном мире между экономической сферой, основанной на рыночных отношениях, и ценностями гражданского общества существует непосредственная связь: автономия частных лиц, основанная на частной собственности, стремится проявить себя как таковая в сфере бюргерской семьи, в любви, свободе, образовании, т. е. она внутренне реализует себя как гуманизм. «Сферу рынка мы называем частной, сферу семьи, как стержень частного — интимной. Вторая считает себя

независимой от первой, хотя на самом деле тесно вплетена в потребности рынка» [3, 100].

2. Утверждение современного капитализма связано с тем, что финансовый и торговый капиталы сначала подчиняют себе старые способы производства, а следовательно, переводят производство на принципы наемного труда. В духовной атмосфере Европы и, в частности, Англии этому процессу соответствует оживление интереса к публичному обсуждению экономических проблем, философы из беллетристов превращаются в экономистов. Ведущей моделью отношений в гражданском обществе становятся договорные отношения, а рынок как раз и представляет схему поведения партнеров как участников договоренностей на основе свободного волеизъявления по модели обмена между свободно конкурирующими товаровладельцами. Параллельно с развитием рыночных отношений развивается система норм, которая обеспечивает частную сферу в прямом смысле этого слова, т. е. отношения частных лиц между собой, которые освобождаются как от сословных, так и от государственных наслоений. Эти нормы гарантируют институционализацию частной собственности и связанные с ней основные договорные свободы. Взаимосвязь между денежно-рыночными отношениями и свободой Хабермас видит в самой идее гражданского общества, конкретно в том, что саморегуляция, предоставляемая «невидимой рукой рынка», возможна лишь при условии, что «в обменный процесс не вмешивается ни одна внеэкономическая инстанция, даже если она обещает функционировать во имя общего благосостояния и справедливости по мере способностей и трудолюбия индивида» [3, 125].

Строй «свободного рынка» защищает соединение государственных функций с закодированными в системе гражданского частного права свободами. Поскольку обязательным условием функционирования свободного рынка является то, что цена выходит из-под влияния любого отдельного товаровладельца, сам закон, которого обязана придерживаться власть, должен быть в равной степени обязателен для каждого. Принципиально нельзя допускать никаких льгот или привилегий. Таким образом, государственная политика обусловлена не самими по себе принципами справедливости, определенными природным правом, а требованиями рациональности, отвечающими интересам капиталистически функциональных частных лиц, что соответствует необходимости «гарантий предсказуемости», которые открыл в промышленном капитализме еще Макс Вебер. Принцип равенства шансов для каждого участника социальных и экономических процессов Хабермас, ссылаясь на Адама Смита и Иеремию Бентама, отмечает как ведущий принцип классической экономики. Его основная цель —

предоставить каждому надежные основания для рационального расчета хозяйственной деятельности по мере максимизации прибыли.

Однако описанные принципы оказались в ходе следующего исторического процесса нежизнеспособными. Тип системной рациональности, впервые предстающий с очевидностью в логике самореализации денег как капитала, начинает осваивать и другие сферы деятельности. Одной из ведущих тенденций в течение следующих ста лет развития «самоорганизующегося» капитализма стало разрушение той модели человеческих отношений, которая сформировалась на базе мелкотоварного производства: это последовательное пренебрежение правом индивидов на приватность, знаменующее распад открытости [3, 189]. Зарожденный конце XIX в. «поворот тенденций» к взаимозависимости государства и экономики фактически устраняет разделение государства и общества.

Так происходит переход ко второму этапу: с одной стороны, неокорпоративистское «обобществление государства» с позиций новорожденных корпораций, а с другой — «огосударствление общества», которое имеет место вследствие политики вмешательства со стороны все более активного государства [3, 17], привели к возникновению специфически «от-мированных» форм интеракций и вызвали к жизни целую функционально специализированную подсистему, которая налаживает свои связи со всем окружающим миром через деньги. Вместе с капитализмом возникла экономическая система, которая регулирует свое внутреннее движение и обмены с ее неэкономичным окружением (частным хозяйствованием и государством) через монетарные каналы [3, 342—343]. Переключение процесса производства на наемный труд и конституирование обратных связей государственного аппарата с производством через налоги с производителей вызывают своеобразную бифуркацию социального мира. Мы видим государственный аппарат, зависящий от управляемой через собственные медиумы экономической системы. Это приводит к тому, что власть, которая осуществляется через служебные и персональные связи, уподобляется структуре отдельного медиума управления, т. е. власть приравнивается к деньгам [3, 343].

Таким образом, в современных обществах вместе с процессами обмена, движущимися благодаря медиумам обмена, в частности и прежде всего деньгам, возникает третий уровень автономно осуществляемых функциональных взаимосвязей над двумя первоначальными уровнями структуры социума (над уровнем простых взаимодействий и уровнем тех форм организации, которые связаны между собой через жизненный мир). Это интерактивные взаимосвязи, конституированные в самостоятельные подсистемы, входящие в горизонт жизненного ми-

ра, но застывающие в виде «второй природы», свободной от норм социальности, подчиненной *другим* законам. Завершается бифуркация на систему и жизненный мир, которая воспринимается изнутри жизненного мира Модерна как овеществление форм жизни.

3. На третьем этапе обе функциональные системы: институционализированная рыночная экономика и государственное управление — начинают разрушать традиционные жизненные формы «староевропейского» общества. Появляются побочные патологические эффекты в виде процессов монетаризации и бюрократизации в ядрах таких сфер, как культурное воспроизводство, социальная интеграция и социализация [3, 347]. Таким образом, возникают новые основания для конфликта между императивами системы и жизненного мира. По мере того, как независимость жизненного мира может быть обеспечена в основном только через конкретные политические гарантии, стирается различие между частным пространством и государственной властью, открытость, бывшая ранее атрибутом частной сферы (тогда как основой власти было принуждение), вообще перестает быть частью только частного пространства. Государство и общество «попеременно прорастают друг в друга». Если раньше пространство товарообмена и общественного труда было частной сферой так же, как освобожденный от непосредственных экономических функций «дом», то теперь семья становится все более частной, а мир труда и организации все более «государственным». Деприватизация же семьи как остатка сферы приватности происходит через государственные гарантии социальной защиты, компенсаций, выплат и т. д. Основой частной автономии становится не столько частная собственность, сколько социальные гарантии статуса, приватность сужается до «семейной ячейки потребителей» [3, 202—205].

Поскольку государство все настойчивее само присваивает себе титул носителя общественного порядка, оно вынуждено через запретительное определение либерального основного права обеспечивать себе положительную установку, каким образом следовало бы придерживаться «справедливости» при социально-государственном вмешательстве. Однако государственно-правовое понимание закона настолько абстрактно, что соблюдения его формальных критериев уже недостаточно для рационального нормирования новой социальной реальности, вместо формальных гарантий все больше должны выступать материальные гарантии. В интересах компромисса они предопределяют правила программы дистрибутивной юстиции: таким образом, распределение социального продукта все больше попадает в компетенции политических инстанций, хотя общественные объединения соперничают с законодательными и исполнительными за ключ к распределению.

Поэтому «социально обязанное» государство должно, прежде всего, обеспечить, чтобы уравнивание интересов, которое оно осуществляет, соответствовало параметрам общих интересов. Разобщенность государства и общества окончательно преодолевается, и государство вмешивается во все сферы общества как опекун, распределитель и администратор. Поэтому экономика и государственный аппарат выступают уже как единая системная сущность, противостоящая коммуникативной природе жизненного мира.

Таким образом, надо признать, что экстраполяция товарно-денежных отношений на духовную жизнь и выход рационально-экономических ценностей во внеэкономическую сферу бытия, которые рассматривают как причину формирования монетаристского сознания, предстают не как произвольный акт субъективной воли, а как процесс, детерминированный всей системой хозяйственной деятельности людей.

Литература

1. Мазараки А.А., Ильин В.В. *Философия денег*. К., 2004.
2. *Ренессанс философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
3. *Габермас Ю.* Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів, 2000.
4. *Андреев И.Л.* Человек по имени «Деньги» // *Вопросы философии*. 2002. № 11.

О.Е. ЕГОРОВ

Развитие геополитической идентичности в эпоху современной глобализации

Аннотация. Феномен геополитической идентичности — это социокультурная и самобытно-историческая субъектность, связанная с национальным менталитетом; совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих общее видение, понимание мира политики, места в нем человека и его социально-политической адаптации, выражающаяся в жизненных позициях, программах поведения, действий людей и народов.

Ключевые слова: гражданская идентичность, национализм, нация, гражданство, национальное государство.

Abstract. The phenomenon of geopolitic identity is socio-cultural and original-historical subject, connected with national mentality; it is set of sights, assessments, the principles defining the general vision, understanding of the world of policy, seat in it of the person and it's sociopolitical adaptation, expressed in vital positions, programs of behavior, actions of people.

Keywords: civil identity, nationalism, nation, citizenship, national state.

Глобализация, проявляющаяся в видоизменении геополитической структуры мира, вызывает социокультурные последствия, в том числе радикальные трансформации геополитической идентичности. В этой связи проблема формирования геополитической идентичности России в условиях глобализации является одной из актуальных тем современной политической науки. Актуальность темы обусловлена тем, что необходимость выбора новых геополитических координат поставила перед Россией проблему неотложного определения своей идентичности, тесно связанную с геополитическим моделированием и обеспечением национальной безопасности.

В начале третьего тысячелетия Россия — страна, идентичность которой качественно меняется. После распада СССР прошло много лет, а Российская Федерация все еще не определилась с новой ролью в глобализирующемся мире. В поиске своей идентичности общество и государство конструируют новые институты, образы и символы России. Меняются казавшиеся устойчивыми традиционные национальные и государственные идентичности, возникают вызовы со стороны различных региональных идентичностей.

В постсоветской России кризис идентичности проявляется в сложной адаптации россиян к новому месту в геополитическом пространстве и к новым формам политической интеграции. В данном аспекте распад Советского Союза явился одновременно и распадом советской идентичности как целостности на многочисленные идентичности, которые взаимодействуют на меняющемся геополитическом пространстве Евразии.

Конструирование геополитической идентичности в современных российских реалиях выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции субъектов геополитики в политическую структуру общества и о векторе развития геополитического процесса.

Поиски идентичности на современном этапе развития государства становятся важным фактором реализации государственной стратегии. Особую значимость для российской геополитики приобретает разработка государственной геополитической концепции, учитывающей не

только военно-стратегические и экономические параметры, но и аспекты идентичности.

Геополитическая идентичность, складывающаяся в реальном пространстве, есть фактор геополитической реальности, состоящий из сложного переплетения множества компонентов, которые необходимо учитывать в государственной политике.

В России проблема формирования геополитической идентичности стоит особенно остро. Российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся групповым множествам, индивиды, социальные группы и общества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поэтому все чаще обсуждается проблема кризиса, «дрейфа» или «утраты» идентичности.

Несмотря на процессы глобализации, повсеместно распространяющиеся элементы «универсальной», интегративной модели идентичности, в ближайшие два десятилетия в национальных моделях идентичности сохранит свое значение «классическая» типология, основанная на различении двух полярных по своим цивилизационным основаниям типов: «западного» и «незападного». Как базовые «модельные» типы они характеризуются ярко выраженными социокультурными различиями систем ценностных ориентаций и менталитета, картин мира и политической культуры. Устойчивость и перспективы экспансии этих типов связаны, с одной стороны, с сохраняющимся политическим доминированием США и ЕС, а с другой — с бурным экономическим развитием стран Азии, увеличением их роли в мировой экономике и политике и демографической динамикой, а также с перспективами развития латиноамериканского континента. В основе «западного» типа лежат характеристики, сближающие его с «универсальной» моделью: индивидуализм, рациональность, частная собственность, правовое сознание, идея нации и представление об универсальном характере институтов либеральной демократии и свободного рынка.

Соответственно как бы ни менялись формы и составляющие идентичности, современный европеец или американец соотносит себя не столько с кланом или с корпорацией, сколько с сообществом индивидов, разделяющих ценности частной собственности, индивидуальной свободы, прав человека и т. п. Такое сообщество может иметь черты государства-нации, а может включать в себя целый ряд государств-наций, как, например, Европейский Союз. Утверждение «универсализма» западных ценностей было связано с динамикой качества жизни разделявших их национальных сообществ в послевоенный период и способствовало динамизму и росту сплоченности нынешнего развитого мира, определило распространение укоренившихся здесь институ-

тов за его пределы. Сегодня понимание национальной и наднациональной идентичности как ресурса развития вновь оказалось в фокусе публичной дискуссии: в условиях кризиса практик мультикультурализма повышаются риски фрагментации западных национально-государственных сообществ, а гражданская идентичность, выстроенная на сугубо формальных правовых основаниях, оказывается поверхностной и недостаточно прочной скрепой для их социальной консолидации.

Вместе с тем «западная» идентичность неоднородна. «Старая» Европа ориентирована на ценности социального государства и определенный уровень внутренней социальной солидарности. Америка же целенаправленно культивирует индивидуальный успех («американскую мечту») как главный источник развития национального сообщества (см.: [1]). Граждане Восточной Европы, претендующие на самоидентификацию с Западом, нередко склонны к конфликтному размежеванию с «иными», в том числе и внутри собственной страны (примеры бывшей Югославии, стран Балтии, Молдавии, Украины дают богатый опыт для осмысления «идентичности противостояния»).

«Незападный» тип идентичности включает национально-цивилизационные модели, сложившиеся за пределами европейской политико-культурной традиции. Если рассматривать его в самом общем плане, то речь идет о таких характеристиках, как примат групповых начал и коллективизма, доминирование регламентирующих образ жизни клановых и личных неформальных отношений, опора на исторически сложившиеся религиозные традиции, формирующие своеобразную картину мира (исламский мир, Индия) или на культ государства и этической традиции (Китай). Эти характеристики идентичности могут эффективно работать на общую мотивацию национального развития. Общество, например, японское или китайское, нередко рассматривается как единая большая «семья» или единая корпорация («корпорация Япония»).

В последние десятилетия благодаря гибкому сочетанию традиций и современности восточный ареал распространения незападной идентичности продемонстрировал исключительные возможности в достижении экономического успеха. Это позволяет говорить о формировании особой идентичности «модернизирующегося Востока», сочетающей преимущества традиции и современности, цивилизационных и универсалистских начал и характеризующейся ростом индивидуализма и рациональности, освоением западных по своему происхождению рыночных и демократических институтов. Все это ведет к определенному сближению «незападного» типа с «западным». В результате возникает уникальный гибрид ценностей, основанный, как в Японии, на

сочетании традиционализма и модернизма. В то же время следует иметь в виду, что и внутри «восточной» идентичности продолжают сохраняться значительные различия между китайской, индийской, исламской, японской и южнокорейской моделями. Так, исламская и индийская модели основаны на примате религиозных норм и обычаев, тогда как остальные — не имеют выраженного религиозного характера, зато базируются на приверженности традициям. В силу ряда причин, в том числе особой жесткости соблюдения религиозных норм, исламская модель, как показывает реальный опыт экономического и политического развития, отличается большей консервативностью, а японская, южнокорейская и китайская модели характеризуются большей гибкостью, адаптивностью и особым динамизмом. В Латинской Америке возможности взаимного поглощения традиционной и привнесенной извне культуры уходят корнями в историю колонизации континента, и на пересечении западного и незападного типа формируется гибридная идентичность, ситуативно восприимчивая к традиционалистским и модернистским ценностям.

Пока вектор движения носит преимущественно однонаправленный характер: западные институты и ценности интегрируются в незападную ментальность, а привнесенные извне в западное общество практики распространяются преимущественно на уровне индивидуального культурного и потребительского опыта и пока мало затрагивают его ценностные основания. Однако ввиду быстрого роста числа выходцев из стран Азии в составе населения развитых западных стран меняются значимые для западной идентичности контуры самой ее цивилизации: наличие живущих своей особой жизнью инокультурных иммигрантов становится нормой во всех мегаполисах и крупных городах, под нужды некоренного населения адаптируется система образования и социального обеспечения. Толерантность как ценность активно внедряется в повседневную жизнь, но утверждение равноправия культур за счет целенаправленного приглушения значимости традиций и социальных практик автохтонного населения (например, попытки выхолостить религиозное содержание рождественских праздников путем изъятия соответствующих упоминаний из школьной программы) размывает ориентиры национальной идентичности (см.: [2]).

«Взаимообучение», на плодотворность которого указывают такие исследователи, как А. Этциони [3], возможно в будущем в виде взаимного проникновения отдельных элементов и практик разных типов идентичности. Однако сколько-нибудь полное слияние этих моделей и утверждение синкретичной («глобальной») модели коллективной идентичности в ближайшие десятилетия маловероятны. Скорее всего, будут наблюдаться частичная трансформация существующих ныне

идентичностей и параллельное сосуществование различных моделей. Массовый доступ к технологиям информационного общества будет способствовать распространению гибридных идентичностей, усиливая их конфликт с традиционалистскими установками массовых групп. Это противостояние будет развиваться не столько в межпоколенческом, сколько в идейно-политическом измерении.

В перспективе такое развитие событий чревато более или менее явным конфликтом между основными идентификационными моделями, что отчасти коррелирует с перспективой «столкновения цивилизаций» по С. Хантингтону [4; 5]. В европейских странах это противостояние может вылиться в нарастание противоречий между инокультурными общинами и большинством населения, а на политическом уровне — в столкновения между ультраправыми политическими силами и фундаменталистскими исламскими движениями [6]. Внутри самих движений религиозного и других ценностно ориентированных толков, значение которых в политической жизни может быстро нарастать по мере падения интереса к традиционной партийной политике, будет происходить дробление старых и на этой основе формирование новых идейных размежеваний. В форму конфликта ценностей может быть облечено и политическое противостояние между государствами.

Проблема идентичности актуализировалась с наступлением эпохи современности, или Модерна. Поскольку в «досовременных» обществах идентичность индивидов задавалась их происхождением и принадлежностью к определенному социальному слою, проблемы идентификации практически не возникало. Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенную модель жизни, где в сверхсложных социальных организациях, каковыми являются индустриальные общества, гражданская идентичность приобретает базовый, доминирующий характер.

С.С. Савоскул считает, что осознание человеком своей причастности к сообществу граждан того или иного государства является важной частью механизма функционирования политической структуры, фундаментом политической жизни и сознания общества. Кроме того, подчеркивает В.А. Тураев, гражданская идентификация сопровождается политико-правовой идентификацией, т. е. осознанием и соотношением человека своего декларируемого правового статуса с достигаемым в реальности статусом, со статусом других лиц как в своем государстве, так и в зарубежных странах. Причем наиболее противоречиво такая идентификация происходит при национальном самоопределении представителей различных этносов и народов в составе многонационального государства.

Если будущее за большими социокультурными сообществами (а такой надэтнической и поликультурной общностью всегда была Россия), то их консолидация не может не основываться на позитивно ориентированной гражданской идентичности. Такая идентичность предполагает поддержание широкого консенсуса вокруг выбора модели общественного развития, готовность к диалогу в публичной сфере, гражданскую лояльность и согласие вокруг необходимости «самостояния» России как уникальной социальной и культурной общности.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.
3. Этциони А. От империи к сообществу. М., 2004.
4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
6. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

И.В. МАТЮШ

Духовный продукт в экономике, основанной на знаниях*

Аннотация. Статья посвящена изучению знания как духовного продукта человеческой жизнедеятельности, а человека как субъекта и объекта экономики, основанной на знаниях.

Ключевые слова: экономика, знание, духовный продукт, капитал, потенциал, разум.

Abstract. The article deals with the study of knowledge as a spiritual product of human life activity and with a man, as a subject and an object of economy based on knowledge.

Keywords: economy, knowledge, spiritual product, capital, potential, mind.

Последние десятилетия ознаменовались появлением идей о необходимости экономики, основанной на знаниях, и зарождением послед-

* Статья отражает личное мнение автора по сложному трансцендентальному вопросу человеческого познания.

ней. Человечество взрослеет. Действительно, знания как самостоятельная, фундаментальная субстанция в прошлом не были приоритетом в экономической системе воспроизводства благ. Знания стали фактором производства, продуктом и товаром, но являются ли они целью экономического развития? Это значительно повышает мерность сознания субъекта экономической деятельности, которое является производственным фактором по отношению к знанию (информации). Каково же состояние совокупности факторов производства знаний, которые в современной экономической науке рассматриваются в рамках категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал»? Информационные технологии делают сознание человека фактором производства, управления и извлечения прибыли, при этом люди в большей степени попадают в зависимость от действующей системы ценностей (их отсутствия). Сознание человека включается в экономический оборот как товар, поэтому приемлемыми становятся технологии его использования (манипуляции).

Источник знаний, субъект, объект и предмет экономики знаний

Центром экономики, основанной на знаниях, является человек, выступающий как субъект и объект ее развития.

Человек-субъект экономических отношений — это творящее и одухотворяющее начало экономики, продуцент экономических знаний, реализуемых им в материальных и нематериальных благах, модулятор экономической системы.

Человек-объект экономических отношений — это целевое и одухотворяемое начало, ориентирующее экономическое развитие человеческих систем в силу первостепенной направленности эволюции экономики и всех общественных систем на развитие человека.

Научная мысль рассматривает человека как особую форму разумной жизни, онтологически и генетически связанной с Космосом, основной целью которой является развитие Разума в земном спектре бытия, однако он не квалифицируется современной экономической наукой как наивысшая цель экономической жизнедеятельности. «Но все действия людей в экономике, производстве, процессах труда сознательны. Любое такое действие — реализация соответствующего решения разума. То есть фактически действующим началом, субъектом экономических процессов выступает, что не раз отмечалось, разум. Между тем, согласно содержанию, традициям, учебникам науки, разума в числе “действующих лиц” экономики не числится» [1]. Более того, Разум как осознающая, творящая и организующая субстанция мирового организма предполагает существование его высших состоя-

ний развития, которые, являясь надстоящими по отношению к человечеству, целенаправляют его эволюционный ход.

Понимание данных сущностных манифестаций человеческого начала в экономической деятельности создает соответствующие предпосылки эволюции экономики. Человек как продуцирующее начало одновременно является и целью развития экономики. Игнорирование взаимной детерминированности субъектно-объектных начал в экономике привело к потере смысловой ориентации ее развития и ответственного отношения к ее состоянию. Эволюция человека как объекта определяет его эволюцию как субъекта и наоборот. Развивая сознание, человек соединяет в себе объектное и субъектное Божественное начало, становится единством познающего и познаваемого посредством укрупнения процесса познания — объединения внутреннего и внешнего миров. Таким образом, наблюдаем объединение источника, субъекта и объекта экономики высокодуховных знаний.

Развитие понимания человека как субъекта и объекта экономики знаний приведет к появлению такой экономической категории, как душа в человеческой форме тела, задачей которой является постоянное накопление и применение знаний, которые она продуцирует, получая информацию от Высшего Разума и используя ее в своей жизнедеятельности на планете Земля. Соответственно мироздание и душа как его часть являются также и объектами экономики высокодуховных знаний. Здесь возникает институциональное основоположение Высшего Разума как источника знаний, представляющего собой эволюционный образец мыслительной деятельности для человека и упорядочивающий его жизнедеятельность в зависимости от развитости системы взаимного кооперирования и конвертации знаний из Высших миров на планету Земля и воли человека их применять (выполнять) во имя гармонизации и модерации человеческого развития.

Сознание человека может работать в двух режимах:

- принятие и трансляция информации от Высшего Разума, это процесс известен ученым: «решение словно бы “подсовывается” им “само”, неизвестно откуда, внезапно, даже во сне. Сами ученые весьма нередко так именно и объясняют свои достижения: “это не я”» [2];
- самостоятельное воспроизводство информации, которое будет детерминировано комплексом информационно-энергетического композита сознания человека, качество и количество которого определяется релевацией законодательной основе эволюции мироздания; сознание человека, замкнутое на самостоятельное воспроизводство мыслей, может тиражировать имеющиеся схемы заблуждений, ограничений и искажений.

Высшим Разум становится не только источником знаний, но и субъектом экономики высокодуховных знаний на планете Земля. Равно, как и человек, одновременно является и источником знаний, и субъектом экономической деятельности, при этом уровень его духовности модулирует соответствующий формат (регламент) экономических отношений. В настоящее время Высший Разум выведен из экономической системы человечества как активный источник и субъект экономических отношений, результатом чего явилась деградация сознания человека и соответствующих матриц общественного развития. Данные тенденции отражаются на объектной и соответственно предметной совокупности экономики человечества, которая представляет собой законы и закономерности экономической эволюции, методологию и технологии высокодуховного хозяйствования человека. «Так, если экономисты хотят понимать хозяйственное поведение субъектов, особенно их труд, им не избежать разбираться в том, какова в их поведении, труде компонента, привносимая разумами» [3].

Духовный продукт, его сущность и классификация

Экономика, основанная на знаниях, — это система (реальность), в которой первостепенное значение имеют технологии их получения и использования, поэтому в обязательном порядке должна присутствовать экономическая категория «духовный продукт» — совокупность знаний, предназначенных для духовного воспроизводства человеческого капитала (знаний), применяемая во всех сферах его жизнедеятельности и проявляемая во всех производимых человеком благах.

Прибавочный продукт есть результат деятельности человека, представляющий собой единство затраченного и полученного результата, обладающий определенной энергоинформационной ценностью. Он может быть манифестирован в различных формах материального проявления: овеществленный продукт труда либо формат чистой материи мысли. Формула сублимации сущности духовного продукта человека будет выглядеть следующим образом: продукт жизни человека → знания → мысль → наивысшая форма мысли → абсолютно точно исчисляемая мысль.

Духовный прибавочный продукт может обладать положительной или отрицательной, абсолютной или относительной стоимостью.

1. Положительная добавленная стоимость представляет собой стоимость, образованную в более высоком духовном (информационно-энергетическом) эквиваленте, она проявляется как повышение потенциала (капитала) человека и может быть реализована в качестве определенных технологий, товаров, услуг.

2. Отрицательная добавленная стоимость характеризуется понижением потенциала человека, т. е. преобразованием части его духовного капитала в низшее состояние, что представляет собой деградацию и проявляется как отсутствие гармоничных взаимоотношений в обществе, нарушение экономических или социальных процессов и т. д.

3. Абсолютной стоимостью обладает продукт, информационно-энергетический эквивалент которого соответствует хотя бы одной абсолютно точно исчисляемой мысли.

4. Относительной стоимостью обладает продукт, который имеет определенный информационно-энергетический эквивалент, но не квалифицируемый как абсолютно точно исчисляемая мысль.

Можно выделить следующие виды абсолютного и относительного прибавочного продукта: 1) абсолютный и относительный прибавочный продукт, создаваемый человеком посредством продуцирования высокодуховных знаний в сотворчестве с Высшим Разумом; 2) абсолютный и относительный прибавочный продукт, создаваемый человеком в сотворчестве с планетой Земля (природой); 3) абсолютный и относительный прибавочный продукт, производимый человеком в процессе взаимодействия с человеческим обществом; 4) абсолютный и относительный прибавочный продукт, производимый в процессе взаимодействия с космическим организмом.

Создаваемые человеком продукты любой деятельности обладают относительной и абсолютной стоимостью, которая является основанием для определения их ценности.

Капитализация и рекапитализация высокодуховных знаний

Капитал высокодуховных знаний — это форма капитализации потенциала, при которой потенциальные знания, возможности и способности человека становятся проявленными и упорядоченными в его сознании в процессе выполнения миссии. Наличие категорий капитала и потенциала связано со следующими аспектами человеческого бытия:

- многомерность строения сознания человека, земной спектр которого является проявлением потенциала подсознания. Человек, расширяя собственное мировоззрение, производит капитализацию потенциала подсознания, т. е. делает знания и умения доступными и осознаваемыми для повседневной жизни, качество и организация которой увеличиваются пропорционально капитализированному высокодуховному потенциалу;

- необходимость получения знаний в земном диапазоне бытия сопряжена с аккумуляцией знаний о взаимодействии с данной реальностью (природой, социумом, космосом и т. д.). Иными словами, внешний мир представляет собой потенциал его использования для

капитализации знаний и развития сознания посредством его интеграции во внутренний мир человека на новом уровне осознаваемости.

Система управляемой капитализации высокодуховных знаний должна быть построена по принципу «век живи — век учись»: от рождения и до смерти человек должен продуцировать знания и участвовать в трансформации экономических (хозяйственных) процессов на планете Земля. Технология управляемой капитализации знаний представляет собой механизм агрегации сознания человека посредством укрупнения матрицы его знаний, в результате чего формируется инновационная картина мировосприятия, в соответствии с которой он организует свою жизнедеятельность. Структура капитала сознания находится в постоянном циклическом преобразовании за счет продуцирования новых знаний, обновления системы мировоззрения и исправления его низколиквидных паттернов. Этот процесс называется рекапитализацией духовного потенциала. Целостная система воспитания, среднего и высшего образования, повышения квалификации и научной деятельности является институтом капитализации потенциала человека. При этом необходимо предусмотреть возможности и закономерности рекапитализации информационно-энергетического композита сознания человека, квалифицируемого как деградационное знание, в эволюционный композит путем осознанной модуляции их в соответствии с законами эволюции. Учитывая особенности и состояние человеческого бытия, все институты развития системы знаний человека должны быть ориентированы на преобразование низколиквидных блоков сознания и многомерную капитализацию высокодуховных знаний человечества.

На законодательном уровне государства данные процессы должны быть осознаны и закреплены в государственной политике развития национального сознания посредством целенаправленной работы по воспроизводству высокодуховных знаний, организации систем воспитания и образования граждан, создания целостной системы институтов, охватывающих и регламентирующих все сферы жизни общества, ориентирующих человека на продуцирование высокодуховных знаний. Государство должно стать институтом развития человека и общества. Необходимо осознать закон причинно-следственной связи в контексте капитализации знаний человечества. Неэффективно работающие системы воспитания, образования и развития человека создают эффект дезагрегированного участия людей в жизни страны посредством проявления имевшегося и полученного капитала в процессе трудовой (учебной) деятельности. Иными словами, подрастающие поколения для экономики страны являются потенциалом, поскольку непосредственно не задействованы в процессах производства и распределения

благ. Начав трудовую деятельность, они капитализируют усвоенные знания и незнания в виде соответствующих форм и механизмов экономической деятельности, закрепленных в их мировоззрении.

Таким образом, если снижается ценность человеческого капитала, то увеличивается стоимость, необходимая для его воспитания, образования, организации, управления, воспроизводства и т. д. Снижение ценностного потенциала в каждом последующем обороте поколений приводит к возрастающей стоимости его аккумуляции, т. е. возрастает сумма ресурсов, необходимых для продуцирования высокодуховных знаний, поскольку ценностный потенциал человека снижается, а количество бездуховных корреляций увеличивается. В результате создаваемые системы и формы деятельности являются неустойчивыми и неэволюционными.

Квалификация и верификация знаний на предмет их истинности и эволюционности

Что есть знание? Это способность, возможность, умение совершать определенный вид деятельности. Продуктом знаний является сознание человека. Что значит *со*-знание? Это структура, предназначенная для синергетической аккумуляции и аккомодации продуцируемых знаний с информационно-энергетическим континуумом (сознанием) мироздания, системогенетически включающим законы его эволюции. Человек, продуцируя знания, не корреспондирующие с данными законами, создает условия деградации собственного сознания, что проявляется в его экономических отношениях. Для осуществления дальнейшей эволюционной жизнедеятельности человеку придется получить знание о законах развития мироздания, т. е. он должен верифицировать свои знания с системой знаний Высшего Разума, которые квалифицированы как эволюционные и установлены на законодательном уровне для их исполнения.

Знание — это информационно-энергетический композит, закрепленный в сознании, используемый для жизнедеятельности и производящий (мультиплицирующий) соответствующие знания во имя созидания или разрушения. Следовательно, необходимо различать следующие виды информации.

1. Информацию, которой владеет человек, закрепленную в его сознании и подсознании как устойчивый паттерн манифестации себя в мире. Данная информация становится знанием (кристаллизуется) при условии ее ассимиляции в матрице сознания с адаптивными процессами кристаллизации всей совокупности знаний. Происходит постоянная кристаллизация знаний и матрицы сознания с повышением ее потенциала (капитализация знаний) и осознаваемой мерности.

2. Информацию, которая является внешне субъективированной, но не усвоенной в сознании как совокупность устойчивых знаний, которой руководствуется человек в своей жизнедеятельности. Это не знание, а информация.

«В процессе превращения в знания информация как бы одушевляется, наделяется эмоциональным содержанием и отражает в той или иной степени мировоззрение всех лиц, причастных к трансформации “информация — знание”. Таким образом, знания — это одушевленная, осознанная, внутренне скоординированная и концентрированная информация» [4, 30]. Таким образом, знание — это информационно-энергетический композит, субъективированная осознанная информация, представляющая собой фундамент познания и созидания мироздания.

Не все знания, которыми располагает и руководствуется человечество, являются верифицируемыми как истинные и эволюционные в соответствии с Божественными законами, модулирующими развитие миров. Соответственно знание человека может быть мерой незнания закона мироздания и иметь разрушительные последствия. Знание созидания — это знание, кристаллизующее сознание человека, агрегирующее его и интегрирующее в матрицу Космического Разума. Человек познает законы и закономерности на определенном уровне бытия, тем самым, объединяя индивидуальное (человеческое) и коллективное (космическое) сознание. Знание разрушения (деградации) — это знание, понижающее потенциал информационно-энергетической ценности сознания человека. Это знание диссонирует с законами эволюции, в результате чего человек уходит от познания и созидания истинных основ устройства и развития мира.

Осознаваемая мерность — это граница внутреннего и внешнего миров. Познанный и структурированный внутренний мир является фундаментом познания внешних миров. Если человек не осознал себя, исказил свои представления о смысле хозяйствования на планете Земля, то именно на этой основе он будет познавать окружающий его мир и осуществлять соответствующую деятельность.

Познать мир, значит, его освоить — сделать его своим, внутренним. Почувствуйте разницу освоить и присвоить! Присвоение мира и его ценностей — это установление институтов собственности без расширения сознания человека, что является причиной бесхозяйственного понимания ценности Всего Сущего. Присвоенными ценностями человек не владеет. Истинная основа власти: интеграция объектов и субъектов в поле сознания в целях модерации их развития посредством собственного эволюционирующего и созидющего осознания. Это

освоенность, которая является истоком свободы и следствием разумности.

Основа власти — это освоение сущностных, субстанциальных, информационных основ субъектно-объектной среды посредством получения знаний (познания). Современный человек желает владеть объектами и субъектами без познания их сущности, законов и закономерностей развития, без принятия на себя ответственности по освоению окружающего мира. Это нелегитимное владение, основанное на незнании законов мироздания. Выбор деградиционного знания сегментирует сознание человека, которое в дезагрегированном виде в большей степени подвержено ассимиляции в нем низкодуховных знаний. При этом происходит агрегирование искажений и заблуждений человека, которые он старается воспроизвести в окружающем мире. Степень сегментированности (отсутствие целостности и масштабной мерности) сознания человека определяет его невозможность видеть и осознавать единство и величие мироздания, законы и закономерности его эволюции.

Отчуждение и присвоение результатов труда

Знания как первичный продукт труда сознания человека, являются неотчуждаемыми, но при этом аккумулируются и мультиплицируются в системе мироздания, поскольку целью его эволюции выступает развитие коллективного Разума (Ноогенез), кристаллизация сознания и совершенствование форм мышления. Это есть коллективный процесс, поэтому знания нескрываемы и не присваиваемы. Они осваиваются, делаются своими — агрегированными в структуре сознания, которая при этом претерпевает процессы трансформации, модернизации и укрупнения, последовательно и взаимно интегрируя и интегрируясь с общественными (мировыми) системами, в результате чего они становятся корпоральными по отношению к сознанию человека. Данная синергетическая жизнедеятельность есть основание кристаллической коллективизации сознания и агрегации Разума, поэтому знания выступают двигателем интеграции и развития. Соответственно институт собственности в мироздании основан на факте освоения, а не присвоения: он зиждется на знании и способности созидать, но при этом проявлен в формах хозяйственного ведения и оперативного управления. В системе экономической реальности человечества отчуждаемыми становятся присвоенные объекты и права, результаты труда субъектов.

Процессы отчуждения знаний в экономике не модулируют высокодуховную коллективную реальность, но сохраняют взаимную отчужденность людей друг от друга, от процессов и результатов труда. Значит, она является сегрегированной и некристаллизованной, не способ-

ствующей возрастианию сознания человека. «Отчужденный труд никогда не станет истинно-полномасштабно плодотворным источником общественного богатства, оберегом человечества от социальных и природных катаклизмов, достойно обеспечивающим его материальный достаток, социальное благополучие и духовный расцвет». «Вне общества индивиды обрести разум не могут. Утрата социума для человека — утрата разума» [3].

Следствием искажения отношений освоения и собственности стали механизмы экономического и социального перераспределения, обусловленные необходимостью воспроизводства человеческого капитала (потенциала), в результате чего человек создал институт присвоения части общественного продукта, в функционировании которого также возникли деформации по причине качеств стяжательства и потребительства. Итогом явился институт принудительного отчуждения результатов труда (собственности), основанных на искаженном понимании отношений и сущности собственности, поскольку человек несет ответственность за разумное использование находящихся в его ведении и управлении ценностей (средств, ресурсов). Человек не заинтересован в отчуждении результатов своего труда, работает в целях их присвоения. Такая экономическая система не является социальной и прогрессивной: данными особенностями характеризуется рыночная парадигма хозяйствования, в которой индивидуальные мотивы стали двигателем экономической сегрегации, с наделением ее эффектом социального корпорирования. В такой системе хозяйствования отчуждаемой стала ответственность за результаты (последствия) низкодуховных целей, инструментов и методов общественной (экономической, социальной, экологической) манифестации, которая ассимилируется (распределяется) в общественном устройстве как высокие институциональные расходы на осуществление жизнедеятельности человечества.

Гармоничными и законными являются отношения сотворчества людей в процессе создания коллективной реальности, ее институтов и систем манифестации. Следовательно, все ценности, создаваемые индивидуально или коллективно направляются на совершенствование соответствующих реальностей. Здесь важна мера индивидуализации коллективной реальности, которая для человека становится общей и регламентирующей его жизнедеятельность. Чем больше индивидуальный вклад в развитие коллективной реальности, тем больший объем (потенциал) коллективных ресурсов может использовать человек для воспроизводства знаний, которые циклически поступают в общественный оборот. Эта мера обуславливает степень его участия (модерирования) в коллективной реальности: она определяема его духовным потенциалом и сотворчеством с Космическим Разумом.

Экономика высокодуховных знаний — это такая формация экономической системы, при которой первостепенным продуктом труда человека являются высокодуховные знания при соответствующей системе организации экономических отношений, направленной на их продуцирование и закрепление в сознании человечества. Данная формация экономической системы представляет собой естественный эволюционный порядок развития человечества на планете Земля — модель когнитивной интеллектуализации экономического механизма развития социума во взаимосвязи с техноприродной средой, в том числе обязательное доминирующее развитие ноосоставляющей [5].

Литература

1. *Корняков В.И.* Экономика и разум // Теоретическая экономика. 2011. № 1 // www.theoreticaleconomy.info/articles/264.pdf.
2. *Корняков В.И.* Экономика и разум // Теоретическая экономика. 2011. № 2 // www.theoreticaleconomy.info/articles/319.pdf.
3. *Корняков В.И.* Экономика и разум // Теоретическая экономика. 2011. № 5 // www.theoreticaleconomy.info/articles/319.pdf.
4. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. Отд. обществ. наук РАН, Центр. экон.-мат. ин-т. М., 2007.
5. *Агеев А.И., Логинов Е.Л.* Нооэкономика: определенная экономика в неопределенном будущем // Синергетика // <http://spkurdyumov.narod.ru/ageevloginov.htm>.

II

**СОФИЯ,
СОФИЙНОСТЬ И
СОФИОЛОГИЯ**

К 100-ЛЕТИЮ

ВЫХОДА В СВЕЛ

«ФИЛОСОФИИ

ХОЗЯЙСТВА»

С.Н. БУЛАКОВА

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Софийный горизонт бытия

Аннотация. В статье намечен выход современного общества из «антихристианского капкана». Это общество приняло некоторые цели христианства (достижение благой жизни, спасение от болезней, нищеты, исчезновения), но оно отрицает само христианство и его мудрость софийную, его ценности и средства моральные (умеренность, самоочищение от пороков, заботу обо всех людях). Такое общество надменно именуется цивилизацией, не сознавая, что без христианских целей цивилизация есть глобальная фабрика, перерабатывающая биосферу, человека, культуру в мусор и в отбросы. Цивилизация, движимая обезумевшей алчностью, становится канализацией преисподней. А все революции, технологии, идеологии, властные институты цивилизации конструируют антихристианское общество в форме электронной неоканализации и неоинквизиции. Немногие сознают этот «идеал», но почти все работают на него! Похоже, что в этот «антихристианский капкан» попала и сама Церковь, которая не находит в своем мире места для Софии Премудрости Божьей, усматривая в софиологии ересь.

Ключевые слова: время, цивилизация, эсхатология, София Премудрость Божья.

Abstract: The article outlines the exit (outcome, way out) of modern society from the «anti-Christian trap». This society has adopted some Christian goals (the achievement of the good life, salvation from disease, poverty, extinction), but it rejects Christianity itself, and its wisdom, its moral values and means (moderation, self-purification from vices, care about all people). Such a society proudly calls itself civilization, but it isn't realize that civilization is a global factory, which processes the biosphere and human beings in the trash and garbage. Civilization, driven by mad greed, becomes a drainage, abyss. And all revolutions, technologies, ideologies and power institutions of civilization surreptitiously build anti-Christian society in the form of new drainage and new Holy Inquisition. A few people are realizing this «ideal», but almost all are working on it! It seems that Church falls into the «anti-Christian trap» itself. It doesn't find a place for Sophia the Wisdom of God in its world because it sees heresy in sophiology and Sophia's philosophy.

Keywords: time, civilization, eschatology, Sophia the Wisdom of God.

Целесообразная ориентация в мире требует рассматривать его события не только в плане фактуальности, актуальности, методичности, прогрессивности, медиальности, конспиритуальности, но и в *эсхатологической* перспективе, т. е. оценивать их «с точки зрения вечности» («sub species aeternitatis»). Ибо через вечность непреложно действует Промысел Божий: а потому во всех событиях нет ничего беспорядочного и неопределенного, напрасного и случайного, а все тайное и непонятное становится явным и постижимым. Только научное мракобесие, не зная вечности, тщетно ловит неуловимое время дырявыми сетями своих гипотез.

Вопреки всем умникам и ученым смысловая инфраструктура современного мира определяется именно христианской эсхатологией, которая содержит в себе смысловые коды, софийные ключи его понимания. Да, этот мир пропитан злом, пороками, плох, но без христианства мы не имели бы даже такого мира. И апокалипсис бы не состоялся. Да и антихрист, антихристианство, ведущие этот мир в свои никуда, тоже суть законные части того же христианства, исполняющие его скрытую волю. Поэтому христианский эсхатологизм служит важнейшим гносеологическим принципом, позволяя оценивать познание, образование, софийными ценностями и смыслами, логосными константами вечности!

И сегодня вечность сказала свое все еще благостное «СТОП» миру, ибо двигаться даже в антисакральном направлении дальше некуда просто потому, что достигнуты пределы смерти и ничто, за которыми возможны лишь свинские полеты в никудыкино царство черных дыр. Первыми этот СТОП-императив вечности уловили французские постмодернисты и деконструасты. Но осознали они его искаженно, упрявляя грозное «*stop*» в знак «*post*», не заметив, что он несет в себе извраты латинские, инферналы романские, туманы вьетнамские, шаманства тибетские. Они же стали дегустаторами этого мерзостного мира. Но французские интеллектуалы, заглянув по ту сторону «*post*», почему-то выпрыгивают из окон, призывая всех людей следовать их примеру, хотя оклик «*post*» требует остановиться, дабы софийным контролем проверить свой умственный багаж, ибо за «*stop-post*» начинается сфера нежити, сама Преисподняя и страшное даже для нее чернодырявое Никуда. И нет надежд, что на помощь придет новый «*postmoderast*», ибо этот монстр застрял в своем же лабиринте, который он создал для тех, кто идет не путем ума-разума, а зависает в паутине интеллекта искусственного, гейского. «*Post...*» — первая наномысль, первое нанослово, первое нанозначение, первый возмездитель и пове-

литель наноума, первый нанологический плод — знанон «стоп». *Простим остерегаться и не жаловать пройдоху!*

Каким путем идти сегодня человечеству и России? К чему стремиться, какие цели, идеалы, идеи соответствуют жизни? Каким учением, какой ценностью руководствоваться? Чему и зачем учить детей? Какое учение, какая идеология могут взять на себя смысловую, теоретическую и духовную ответственность за людей?

А ведь люди куда-то идут, умножают ВВП, изучают *менеджмент*¹, копят деньги, сидят в Интернете и непрерывно играют, играют, играют; плодят всевозможные и невозможные игры, рейтинги, ищут самые экзотические развраты, убийства, превращая саму жизнь в суицидную игру. Все это банально, пресно и давным-давно осуждено христианством как суета сует. Отец этих антихристианских саммитов — чело-векоубийца от *начала до середины*; и даже *концом* сия тварь не завершает убиение, продолжая и после земной кончины убивать память о живых и временно усопших (Ин. 8, 31—47). *Вначале* дьявол-абортмахер превращает зародыши детей в медицинское сырье; в *середине* жизни изводит молодежь, работающие поколения нарко-порно-алко-аудио-видео-игро-бое-телеядами, антизарплатами, антиискусством, криминалом и безработицей; в *конце* жизни он убивает уцелевших глумливыми пенсиями, ценами, ритуальными пособиями; но и *после кончины* дьявол убивает людей ложью о прошлом, фальсификациями истории, уничтожением смыслов, кодов культуры, самой памяти. Бог, бытие, жизнь, смыслы исчезают в черной дыре антихриста.

А куда же движется мир согласно воле Провидения? И что есть сегодня реальность? Что — нереальность? Кто знает, где искать ответ?

Никто из «нобелей» мира сего не знает, *что есть* и *что происходит*, никто ничего не понимает в событийных потоках. Все прежние методы мысли, дела, технологии, власти не работают. Даже приборы хандрят; самые совершенные приборы отправили лайнер в 112000 т вместе с его элитной публикой к Данте, на экскурсию в предчистилище.

¹ Корень «мене» ведет свою родословную от зловещей ветхозаветной парадигмы «мене, текел, перес, упарсиня» (Дан. 5, 26—28.) (слова буквально означают «мина», «шекель»), «полмины», т. е. разделение. В символическом плане толкования Даниила означают, что царство Валтасара, как и всякая вещь в мире, взвешено, измерено и будет разделено, т. е. погибнет). И то правда: мы видим горькую участь Высших Мене-джеров мира сего; а что ожидает менеджериальный пролетариат, даже вообразить невозможно. Для чего его разводят в таких количествах, для чего его исчисляют, измеряют и взвешивают, придавая ему статус «званных»? Явно не для возмещения числа «избранных»!

Почему же не работает бытие, а ничто ничтожит денно и ночью? Да потому, что все наличные методы, формы мысли, сам диалектический разум возникли в эпоху войн набирающих силу антихристовых США и теряющего свой антихристовый потенциал СССР! И теперь картина мировой брани поистине христианская: антихристовый интернационал Запада, идя от Христа в черную дыру и продолжая ее расширять, атакует Россию, которая вместе с Христом ищет пути из черных дыр Ада. Эту провиденциальную правду мира люди лучше чувствуют, чем сознают и понимают. С начала времен идет брань невидимая за смыслы софийные; а внешние сражения — это всего лишь глухие раскаты этой священной брани, именуемой ныне информационной войной. «*Что есть Смысл и безумие?*» — вот в чем вопрос еще до ничто и до бытия! В этом «и» — исток всех проблем, войн, катастроф, всех видимых преступлений времени-преступления.

Да, «верхи над верхами» хотели бы жить по-старому, да и «низы над низами» не прочь жить по-старому, да вот биосфера, история, небеса не могут и не приемлют это старое «добро», взрывая его и «Оттуда», и «Ниоткуда». Идет сакральная революция самого бытия, в которой не просто последние станут первыми (это уже было, но никому не помогло!), а в которой первые и последние станут ненужными для бытия, приступившего к сакральному очищению себя от пессимистов и оптимистов, от «первых» и «последних» изменников Отчего дома, чтобы дать место *людям, сосредоточенным в смыслах софийных*. А пока растет безумие в массах, прогрессирует искусственный интеллект, правящие элиты нервно посматривают на памперсы. И демократия наконец-то свободно изрекает свой сокровенный дух, свое желание: «Распять! Распять! Распять!» — несется по всему миру вопль за океанских распинателей. Распять всех, кто не идет вместе с ними против Христа на саммиты Золотого тельца!

США и их вассалы знают, что двигаться надо путем свободы, сокрушая сакральность, мораль, общество, семью, половые нормы, человека с бытием в придачу. И не знают, что так бодро идут они в черную дыру, открытую их же пророком Арчибальдычем². Но выбора для них

² 1969 г. Американский физик Джон Арчибальдыч Уилер (далее — просто Арчибальдыч) сделал чрезвычайное то ли открытие, то ли закрытие чего-то: это «чего-то» в светлых умах ученых предстало как «черная дыра» (ЧД). Поиск таких дыр безуспешно ведется уже более 40 лет, и сейчас можно лишь заверять ученый мир в том, что есть все-таки они, черные дыры. Даже если бы их не было, их нужно было бы создать! В любой сфере практики, в любой науке должны быть Рай и Ад: а поскольку после вкушения ядерных грибов физика не может различать эти слова, то она так и не поняла, что именно она уже нашла, в чем именно она уже сидит, а не только ищет. Похоже, что чер-

уже нет — двигаться могут они лишь путем извращения всего, что осталось еще неизвращенным! Весь ум современных элит уходит на коррупцию, мошенничество, легитимизацию беззакония, безумия, пороков. Сил на осмысление себя, своего долга, inferнальных вызовов миру, России и власти вообще у них уже нет. Мыслящие единицы, преданные истине, видят этот порочный круг грехооукливания современных элит, видят, что безумцы идут в пропасть вслед за своими безумными поводырями, или — если повезет — безумцы взлетают на свиньях с ГМП.

На историческом бездорожье нужно не двигаться куда попало, а искать потерянный путь. А путь этот можно найти лишь в рамках божественного мира, который содержит в себе шесть особых и один чрезвычайный контекст (ЧК).

1. Контекст божественного *творения* (Да будет! Да свершится воля Твоя!).

2. Контекст божественного *допущения* (Посмотрим, как земля, океаны, все творения исполнят волю Твою бытием своим!).

3. Контекст божественного *позволения* (Пусть будет по человеческому разумению и хотению! Ищите опору в дьяволе? Посмотрим, чем завершится ваш союз с бунтовщиком!).

4. Контекст божественного *возмущения, гнева* (Есть пределы всему! Не вечно же быть Духу презираемым! Не вечно же быть беззаконию! Не вечно же страдать детям и трудягам! Бога можно обманывать лишь до тех пор, пока он сам это позволяет! Возмущение Божье проявляется в природных, исторических, этнических и личностных знаменьях! Читают и понимают их святые, пророки... тираны и палачи!).

5. Контекст божественного *возмездия* (Судный день — разделение зерен и плевел, жизнетворцев и жизнеубивцев.).

6. Контекст божественной *мудрости, Софии Премудрости Божьей, божественной радости, милосердия и благодати* («Хорошо!» Блаженны алчущие правды, плачущие, кроткие, нищие духом, страдающие, чистые сердцем, дети, ибо они спасутся знанием смыслов Его благих и софийных. Мир создан софийной радостью мудрости Божьей для радости Творца и всех творений. Радость есть субстанция вечности, которой живы все творения.).

7. *Чрезвычайный контекст* (Инфернальный мир кары-кармы, ничто, бездн.).

Сегодня мир большей частью своей находится в контексте божественного возмездия, малой частью — в inferнальном контексте, со-

ные дыры — это сигналы SOS, подаваемые физикой и науками вообще МВФ, который завел науку и прогресс в черноту черных дыр!

всем малой частью — в контексте божественной Софии-мудрости. Это очевидно даже для незрячих, ибо никогда люди столько не убивали, никогда не культивировали столько пороков, как сегодня; но никогда не было столько актов гнева небесного по горячим следам, в горячих точках веселящегося и безнадежного зла! И не случайно именно сегодня среди бедствий безысходных прозвучал и голос небесный Софии Премудрости Божьей!

Сегодня все пророчества научных, религиозных, инфернальных, записных и лакействующих экспертов о будущем однозначно негативные: кризисы, гибель, уничтожение с разных сторон человечества, всех его ценностей и культур. Изучать реальность в этом контексте бесполезно, как бесполезно изучать цунами тем, кого оно уже накрыло своим саваном.

В контексте божественного возмездия можно найти прелюбопытнейшие сюжеты. Антихристианский дух мира сего обучает людей черпать энергию из разрушения, уничтожения, извращения, растления самой жизни, приучает питаться чистой смертью, дабы стать достойными гражданами черных дыр. Например, смерть, убийства, уничтожения становятся источником энергии для Запада и США³. Современный Запад питается энергиями разрушения природы, семьи, общества, культуры, человека, ума-разума, уничтожающей смерти, энергиями любого распада, неведомыми допингами и непостигаемыми энергиями черной дыры и Аида.

³ Для пронизательного Ж. Бодрийера Нью-Йорк выглядит энергетическим чудом, отрицающим второе начало термодинамики, ибо он производит для себя энергию из ее... расходования. «Энергия жителей Нью-Йорка приходит к ним из загрязненного воздуха, из ускорения, из паники, из условий, в которых невозможно дышать, из невыносимой для человека окружающей среды». В мегаполисе сама безмерность пороков, растления людей, масштабы бандитизма, кровопролития, собственная ярость и ненависть ко всему, слепая нищета и бессмысленное расточительство, суэта, всеобщая неуравновешенность, извращения и смешения зла и добра, — все это служит непостижимым источником жизненной энергии для выживающих в этом социальном реакторе. Материалисты-электрики и социологи-сантехники, спиритуалисты-уфологи и психологи-душегубы не видят в цивилизации «черной дыры», а потому недооценивают естественный источник энергии, каковым является само ее расходование. Чем больше расходов, тем больше растут энергия и богатство. Энергия оказывается сверхвозросшей за счет инерции смерти». Теперь понятно, почему США сеют по всему миру семена смерти; в контексте божественного возмездия они таким способом добывают нужную им энергию жизни. Мертвецов нужно постоянно подпитывать живыми. «Я убиваю, следовательно, я существую», — такова философия бравого Декарта-американца! [1, 151—152].

Важно выявить и очертить новый, подлинно объективный контекст, в рамках, на основе и посредством которого можно изучать новые конфигурации бытия и ума, новые радости, страсти иные. И таким сакральным контекстом, контекстом всех контекстов, парадигмой всех парадигм, является мудрость Софии. Этот контекст не может быть несофийным, ибо София требует только одного — обретения ума-разума, черпающего мудрость из бездн, из энтропии, хаоса, из ниоткуда, а потому способна помочь миру, извлекать для него из ничто смысловые ископаемые. София — это целостный ум-разум, который уже все понимает, а мы лишь ищем понимание. София — это ум, который недоступен для всех воландов, бесов, психоаналитиков, ибо все они сгорают в смысловых слоях Софии. Софийный контекст содержит в себе радость, ибо София с нами; но в нем есть и горечь, ибо мы еще не с Софией. Да, возмездие не знает исключений!

Поэтому выход из всех тупиков современного мира содержит в себе София Премудрость Божья, указующая пути из паутины виртуальных, завиральных, финансовых и аморальных миров в царствие их оригиналов, их смысловых и хозяйственных прообразов. Провиденциально, что софийная философия и философия хозяйства оформились в идейную школу именно в МГУ, выявив тем самым подлинное смысловое ядро университета. Провиденциально, что взрывной интерес к Софии-мудрости проявляется накануне величайших катаклизмов истории, когда безумие охватывает почти всех; именно тогда мудрость-София протягивает свою спасительную руку⁴. Ибо София — идея всех идей, сакральная парадигма всего бытия и России.

София — уникальный сакральный и смысловой феномен, ибо она не поддается аналитическому расчленению, например, как механические часы, сохраняя нетронутую грехом первозданную целостность ума. София есть знаниевый аналог Св. Троицы, выражая в качестве *идей* неслиянность и неразделимость ее Лиц. Именно эта неразложимая софийная целостность Св. Троицы сохраняет сознание, ум, душу и язык человека. Софийная философия содержит в себе огромный запас нерастраченных, неиспользуемых смыслов, приложений, которые еще не стали шаблонами, неся в себе радость, которая не знает шаблонов и стандартов. Софийная философия держит ветер вечности в своих па-

⁴ Храмы Софии строились в тяжкие годы катастроф Византии, Киевской и Московской Руси. Софиология Вл.С. Соловьева возникла накануне Первой мировой войны, а философия хозяйства и софиология С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского — в лихолетье революций и гражданских войн; философия хозяйства и софийная философия Ю.М. Осипова возродилась в 1991 г. inferнально злодейского убийства СССР!

русах, а потому в ее идеях даны ключи к пониманию того, что есть и что непременно будет! Она содержит в себе биосферные, экологические, экономические, inferнальные, информационные, сетевые и антропологические контексты анализа всех современных реалий.

София как Премудрость Божья была всегда, а для людей, для мира она возникла как результат божественного преображения ничто, бессознательного в свет бытия, сознания и мысли. И для воляндов всех мастей она неуязвима, ибо обладает цельным умом и знанием, адекватно понимая, выражая, исполняя волю Бога святою. Мысль, ум, разум рождаются из Откровения, а только в человеке рождается временные копии. Ум сознание, душа, смыслы, язык, числа не подчиняются времени, а обитают в особом мире вечности, а время всецело правит Аидом. Бог одарил этими вечными и универсальными и всепостигающими силами человека; отсюда колоссальная ответственность человека перед миром, ибо в своих идеальных органах он имеет дело с миром в его цельности, воздействует на весь мир. Эти идеальные силы даны для общего блага мира, а не для зла. Время же — это пространство и двигатель греха; нужно двигаться, чтобы постоянно забывать о прошлом, а чтобы не помнить ничего, нужно постоянно двигаться. Главный враг Софии — это псевдознание, гонящееся за модой и не ведающее о вечном; и незнание этих смыслов восполняется смертью. Жизнь — это знание жизни, знание неполное, которое, иссыхая, завершается смертью, а смерть — это полное и неустранимое незнание жизни.

И русская софийная философия черпает энергии, стимулы, вдохновение и озарения не из распада, не из кризисов и энтропии, не из пороков, а из сакральных источников вечности; она берет вечный заем у вечности, которая требует от нее процентов в виде смыслов необычных и непривычных, смыслов не из времени вытекающих, а из самовозгорающего и непрестанно пылающего, созидającego света. Поэтому именно через софиологию осуществляется смысловое откровение людям смыслов вечности и прорыв человеческих мыслей в миры трансцендентные.

Именно софиология ставит вопрос не просто о будущем *бытии*, но и о бытии *самого будущего*, о судьбе и времени *самого времени*. Сегодня для размышляющего и осмысляющего сознания главной проблемой является именно онтологический и софийный статус времени. Да есть ли время вообще нечто реальное, если оно само не может удержать себя в бытии? Прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее состоит из этих взаимоуничтожаемых «нет»! Видимо, во времени, обитают призраки, которые есть, но которых и нет. Мы измеряем процессы временем, а вот само время при этом не измеряется. Час — это

единица длительности, а не времени. Поэтому и время столь таинственно и непостижимо для науки и богословов.

Человеческую жизнь человека организуют три вопроса: два временных — «Откуда человек пришел? Куда уходит после смерти?», и один вопрос смысловой — «Зачем пришел человек в мир и что должен он сделать?». Общая же программа жизни нацелена не на смерть, а на самосохранение; смерть в нее привносит время. И человеку, который то-ли стремится идти в ногу со временем, то ли вымачивает своими костями дорогу времени, остается тоже отрицать прошлое и будущее, жить мгновениями, ценить мгновенное! Тайну времени еще никто не смог освятить, постичь ее даже умом софийным: даже смысл слова «время» в черном тумане. Прошлое — уже не наше; будущее — еще не наше; как может быть нашим настоящее, которое состоит из ненаших элементов? А кому же тогда принадлежит время? Кто его подлинный хозяин и повелитель?

Какой-то аноним требует, чтобы все стремились к новому, были *современными*, соответствовали времени, шли в ногу со временем, держали руку на пульсе времени, ловили дух времени и т. д. А зачем человеку соответствовать времени? Разве мы знаем смысл его мелькающих мгновений? Разве нам ведомо, откуда и куда идет (течет время)? Так чему же человеку нужно соответствовать, чтобы быть современным? Смерти? Одно ясно: время — орудие разрушения, а вот созидает не время, а природа, ум, люди. Само-то время есть посланник смерти, ожидающей нас; через время смерть приводит нас в соответствие со своим чернодырявым стандартом⁵.

Само время или его владыка породили виртуальный мир, который считает реальное время нереальным, а самого себя реальностью, предлагая людям общение в режиме «реального времени», т. е. вне времени (?!), как будто вне виртуальности люди живут не в реальном времени, и как будто виртуальность — это не мнимое, нереальное время! Нет, время — это не полноценная реальность, а некая оккультная реальность, хранящая в себе тайны черных дыр. Кто мир творит, хранит, а кто его незримо губит, хотя при этом губит и себя? Время — вот основной пре-

⁵ «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Еккл. 3, 1; 9, 1, 12). А что значит, знать свое время? Каковы признаки своего времени? Видимо, нужно ценить только то время, в котором есть крупица вечности, дорожить ею, ибо дни лукавы. Придет время, когда оно станет уже не нужным, ибо обнаружится неисправимое опоздание человека на корабль, уходящий в вечность.

ступник мира (оно мнимо созидает, а губит реально!). Но кто же владыка времени, если и оно имеет свой конец?

Поэтому христианство не *освящает* время, полагая, что и мысли оно недостойно из-за своей текучести, обреченной на самораспад (вся мерзость мира вытечет через время и вместе с ним). Есть святые места (пространства), но нет святых времен. В моменты рождения, смерти Христа вечность прерывает на миг черный поток времени. Все христианские празднества тоже представляют собой точки разрыва времени и прорывов вечности, образуя в целом сакральный календарь вечности, а не времени⁶.

Поэтому понимание будущего должно опираться на сакрально критическое отношение ко времени, ибо будущее — функция времени, а не бытия. Именно внутренняя измена времени самому себе, самопоедание времени, вызывает цепную реакцию внешних непонятных перемен, идущих к худшему. А сегодня время радикально изменяет самому себе, входя в режим реального самоотрицания, нагнетая в бытии апокалипсические силы, что, мол, с концом времен и рухнет само бытие, конечно, вместе с деньгами!

Парадокс! София-мудрость размышляет так, как будто времени не было, нет и оно вообще невозможно, ибо изменениями в ее мире правят смысловые ритмы ее разума, понимания и радости. И это вполне понятно, ибо София была в Боге и с Богом уже тогда, когда времени

⁶ Бог создал солнце, луну, звезды как светильники мира, и как орудия для знамений своих во времени (Быт. 1, 14). Все движущееся посылает нам сигналы о состоянии времени, о его сроках и концах. Изучать время невозможно, грешно, да и бесполезно, ибо время само исследует нас, выискивая в нас денежную руду и материалы смерти. «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день» (Прит. 27, 1); «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия» (1Фесс. 5, 1). «Написано: вы, которые не знаете, что будет завтра — тщеславьтесь, а такое тщеславие — грех» (Иак. 4, 13—17). Время, процессы вообще, можно измерять чем-то неизменным, вечным. А в самом человеке констант является память, в которой время уступает место смыслам софийным. Жить нужно не по законам времени, а по софийным заповедям божественной мудрости; тогда и смысл времени прояснится. Если источники знания и понимания коренятся в Софии Премудрости Божьей, то источники незнания и непонимания коренятся во времени, воспроизводятся и сохраняются им; время обесмысливает порождаемые им же и в нем же знания, которые постоянно опровергают друг друга. Если каждый последующий миг времени лучше предыдущего только потому, что он последующий, самый новый, то сам постулат, что «все новое — наилучшее» тоже будет сменен, должен быть сменен другой аксиомой о том, что «наилучшее — это вечное». «Измеряя, измеряй время в себе самом» (3 Езд. 9, 1—12). А это уже невообразимая загадка! Чем и как измерять в самом себе время, которое нас забирает?

еще не было, а поэтому она не зависит от его суицида. И она станет царицей ноосферы по свершению времен, выполняющих функцию карающего органа греха, обесмысливая сущее. Время разрушает не им созданное, а созидать само по себе оно не может. А тогда зачем бессмысленное разрушение?

София — это вневременной и сверхвременной ум, который в силу своей независимости от времени может оценивать и судить умы земные, дела человеческие. Прогрессирующее в черную дыру человечество сделало из времени культ некоего неопределенного божества, таинственный закон которого гласит: «Время — деньги!». Время — то ли это упущенные деньги, то ли исчезающие в инфляции деньги, то ли приходящие в виде процентов деньги? Да и почему у массы людей времени избыточно, а денег — увы! Или время — это непрерывно длающаяся эмиссия, вечный двигатель печатного станка?

Поэтому и появление Софии-мудрости в центре бытия и мысли обусловлено радикальным задвижением времени на периферию (окружность) мира, что обусловлено его inferнальным банкротством и заменой его информацией. Невероятно? Вполне вероятно и крайне актуально!

В то же время в конфликт со временем вступила вечная суть ума, сознания, души и слова. И сегодня наступил апогей конфликта, несовместимости ума и сознания с временем. И философия хозяйства, и софиология, являясь выражениями этого конфликта, позволяют его исследовать в рамках новой вневременной реальности — хозяйства. Время в экономике умножает богатство, а в хозяйстве — жизнь, ее смысловое оснащение, софийную ноосферу. Хозяйство созидает софийную ноосферу жизни, творческую атмосферу сакрального бытия, живые связи с Богом.

Единственно достойными и метафизически соразмерными собеседниками софиологии являются... мифы и сам Христос.

Так, для архаической античной мифологии вначале небо и земля были нераздельны и неслиянны, образуя иерогамический брак, символом которого служит математический знак бесконечности, стоящий вертикально (S). Никакого времени в начале не было и в помине. А все многообразие созданий в космосе было плодом брачного союза двоих: неба и земли. И вот затем произошла какая-то катастрофа: иерогамия неба и земли распалась, и появилось третье начало — *хаос*, из которого древние пиарщики начали вести родословную богов, миров, стихий, людей, идей, забыв, что до их пиара земля и небо были едины.

Этимологически термин «хаос» означает *зияние, пропасть, бездну, расширяющуюся пустоту, смешение, бесформенную, неструктурированную массу, неопределенную материю, беспорядочную смесь, ничто*.

Из хаоса сразу же появились День (вместо чистого света — смесь света и мрака), Ночь (все поглощающий мрак), Рок (слепая воля мрака), Эфир (субстанция виртуальности), уроды. Но главное — из хаоса родилось и Время — поток, текущий из хаоса в никуда, втягивая все существующее в черный мрак.

И вся последующая теогония фактически повествует о сражениях богов против новоявленного диктатора космоса — Времени. Уран пытался одолеть время чистой материей, порождая чудовища. Но время победило материю, которая любит поспать, понежиться, а время ведет разрушительную работу непрерывно и ночью, лишив в итоге Урана детородного органа. Затем сам Кронос-Время возглавил войну против своих же однопартийцев, отрицая будущее и допуская только настоящее. Кронос пожирал все свои порождения, не пропуская в будущее ни одного атома даже из хаоса. Напрасно! Его провели: вместо Зевса ему дали спеленатый камень, а дите спрятали в пещере на Крите, где его выкормила волшебная коза Амалфея, рог которой затем стал рогом изобилия социалистов.

Зевс повел войну со Временем-Кроносом как умный властитель, понимающий, что для победы над временем, которое и его сожрет, нужно восстановить священный союз неба и земли. Удачный брак с Метидой-мыслью сделал Зевса властелином мысли, которая уже давно в идеальном плане победила время, работая на земле, как и на небе, да и в любых сферах так, как будто его нет. Через союз с гигантами, владеющими молниями, Зевс восстановил единую энергетическую систему космоса. Любовные соития с земными женщинами восстанавливали единство неба и земли на уровне крови, которая сама по себе является священной субстанцией у всех людей, независимо от их статуса. Поэтому кровопролитие есть неискупимый грех земной жизни. В итоге Зевс победил Кроноса, отменил время (летнее и зимнее), и удалился неведомые края вечности!

Какую весть хочет донести до нас миф этим своим рассказом, кстати, весьма серьезном, ибо в нем вынесен приговор времени как конспирологическому и криминальному агенту, нарушающему священные права вечности и мудрости (зачем созидать ради разрушения?). А потому оно обречено на космический суицид.

Отношение христианства ко времени однозначно негативное. Христианство осуждает само исследование времени, усматривая в нем бесплодное и греховное деяние. Как может человек, не знающий, проснется ли он утром, доживет ли до следующего дня, строить прогнозы, искать точные предсказания о том, что будет через год, десять лет, через сто лет? А сегодня прямо-таки эпидемия, перепроизводство пророчеств и прогнозов! Ну, не абсурд и не безумие ли?! Впрочем,

один прогноз абсолютно точен: поскольку все имеет начало и конец во времени, то само время тоже измерено и ему положен свой временной конец, то все события, все реалии, обусловленные временем, неизбежно завершатся катастрофой, крушением, гибелью. Вот почему все нынешние прогнозы, пророчества, предсказания выкрашены одной унылой чернотой. Ни света и просвета, хотя мир возник не для того, чтобы исчезнуть, дав пищу маньякам-пророкам черной дыры.

Само христианство есть своеобразная мистерия времени, повествующая о зарождении времени из греха-хаоса-катастрофы, о его бессмысленном течении и об его апокалипсической кончине. Бог дает через время и посредством времени знамения, хотя сам Он не творил времени. Это самобытный продукт дьявола, сфера его обитания, закон Ада.

Но лишь христианская эсхатология, признающая до-временную и пост-временную реальности, постигла временность самого времени, его неизбежное крушение. Поэтому апокалипсис означает не гибель мира вообще, а самоуничтожение только времени и всего того, что связало свое бытие со временем, питаясь его разрушительными энергиями и силами. Мудрость и ее творящие силы покидают время, уходя в иное бытие, а само время незаметно переполняется бессмыслицей, становится вселенской клоакой и свалкой, превращаясь постепенно в черные дыры. Именно переполнение времени палаческими нечистотами, угрожающими самому бытию, вызывает на землю Спасителя, который занимается «лечением» «временных» пороков и болезней людей. «Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего» (Гал. 4, 1—7), чтобы покончить со временем. И седьмой Ангел Откровения клянется Живущим во веки веков, что «времени уже не будет» (Откр. 10, 1—7, 6).

Меняется радикально конфигурация времени, а вместе с ней — и все строение мира, положившего в свое основание такой опасный камень. Вырисовывается альтернатива: или божественное вечное благое бытие или же черная дыра времени, полна соблазнов. На Западе всех тянет в черную дыру: западляне самокритично чувствуют свое заподлинное место.

Часто говорят — «период, эпоха безвременья». Что это значит? Ведь физическое время при этом не исчезает! А речь идет о той творческой силе, которая создает бытие во времени и вопреки времени. И силу эту, ее плоды, время вампирически присваивает себе, чтобы затем выдать за свои творения. И вот эта несокрушимая временем, во времени живущая сила в итоге побеждает, спасая созданное во времени бытие для вечности.

Всевластие, полнославление времени порождает свой всемогущий орган — деньги. Но всемогущество такого тандема является и началом заката, гибели этих искусственных органов мира и человека. Поэтому исследование любых современных проблем возможно лишь в софийном контексте, в котором восстанавливается высшее единство неба и земли! Все помыслы зарождаются в Боге, созревают в Софии и открываются в чистых сердцах.

Именно софийный контекст преобразует время в иную динамику, в которой память о прошлом и ожидание будущего становятся единым софийным бытием, «всеединством», согласно удивительно точному термину Шеллинга и Вл. Соловьева. Время превращает все сущее в деньги и в смерть, гонит самого себя ускоренными темпами к своему, своему, а не чужому апокалипсису. А вещи развертывают свое содержание и смыслы вне времени. Апокалипсис — это конец смерти, порока, денег, лжи и небытия, а не мира, света и бытия вообще! Это бытие не знает времени, а потому ему неизвестна смерть и гибель. Ап. Павел говорит о том, что «не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15, 51), причем, изменимся внезапно, мгновенно выйдем из времени в другое неизвестное нам состояние. Без учета радикальной ломки времени (в котором обитает князь мира сего, все его прогрессы), проблемы нашей жизни становятся неразрешимыми для нас.

«Век живи — век учишься, а дураком помрешь!» Странная и обидная поговорка! Значит, учеба во времени бесполезна и даже вредна, ибо последующее знание вытесняет предыдущее, а в итоге учеба становится средством самооглушения, умножения скорбей и печалей. Ведь время только разрушает, но не созидает! Людям кажется, что они измеряют время. А на деле время само измеряет измеряющих своей черной дырой. Поэтому Библия советует измерять время в самом себе, а это возможно лишь посредством софийных смыслов, которые сами не находятся во времени, а, наоборот, время находится в них. Ибо София представляет То, что всегда было, есть и будет независимо от времени.

Складывается новая онтологическая конфигурация мира, в которой время уже не Центр, не константа, а периферийная величина. А все классические науки, методы, формы мысли сложились и работают на основе пространственно-временных координат. И для изучения, понимания новой метавременной онтологии нужны иные неизвестные и непостижимые для нас пока софийные, смысловые, ипостасные координаты. Ну, а в некоторых сферах, на потребу мрака, останутся прежние координаты.

Человека сегодня или покалечило время или же он выпал из него в другой процесс, который структурируется, организуется иными неизвестными нам законами. Ведь идеальные феномены бытийствуют вне

времени по законам сакрального мира. Инфернальный десант Воланда тоже не подвластен времени и пространству, хотя подчинен закону своей призрачности. Поэтому сегодня нужно обсуждать будущее самого будущего, понимание будущего и будущее понимание. Нужно выяснять условия, средства самодеконструкции, самодемонтажа времени, его замены другой измерительной инфраструктурой — электронно-информационными когнитологиями и технологиями.

«Провести время!» Какое прекрасное и провиденциально хитроумное выражение! Провести, истратить время, стать жертвой времени, подарив ему без эквивалента свою жизнь. Но это же выражение означает и провести-обмануть само время-обманщика и хитреца, как провела Кроноса Рея, подсунав ему для поглощения вместо малыша Зевса камень. Подлинно *проводит* (обманывает, отрицает время) София и ее философия хозяйства, в которой время становится хозяйственной длительностью, виртуальным слугой. Сама София заявляет, что у любящих ее, будет жизнь благая вне смерти, а ее гонители поселятся в доме смерти!

Поэтому только софиология и философия хозяйства являются сегодня единственными учениями, которые берут на себя теоретическую, моральную и смысловую ответственность за судьбы России и всего человечества, вырабатывая и предлагая идеи, без которых современная жизнь задыхается в охватившем ее безумии.

Парадокс! Безальтернативные учения Софии — в то же время и самые демократические, ибо признают все подходы, указывая им место в общем строю; но нет в них множества точек зрения и внутренних споров, раздоров. Сегодня София — единственная миролюбивая творчески-созидательная идея, идеология, ибо Запад сейчас может и умеет только разрушать. У него нет позитивной идеологии, а ту, которой он реально руководствуется, он не может сделать гласной, «озвучить», ибо это человекоубийственная, концлагерная, тюремная идеология. Удивительно, как быстро и внезапно Запад потерял креативность мысли. Сегодня мыслит не Запад, убегающий от мысли, а его смерть, главный инфернальный аватар Запада.

И поскольку мы находимся ныне в двух чрезвычайных контекстах, то возможны и два институциональных пути движения человечества к своей конечной цели: *инквизиция и софиократия*.

В социально-инфернальном плане инквизиция представляет собой информационную, технологическую организацию времени как института, посредством которого антихрист осуществляет свою тотальную власть, зная, что эта власть и его превратит в сырье времени-никуда. Инквизиция — это стремление греха-вампира продлить себя в качестве института вечности. Поэтому сегодня все государство опутано

антихристианской идеологией и инквизиционными сетями тотального электронного контроля.

Но власть остается властью во времени, вне времени, в вечности. И власть может отказаться от услуг времени и его властителей. А для этого государство, вернее, власть должна формировать софийное мировоззрение, сознание, софийную идеологию, иначе inferнальная идеология с помощью информационных и электронных технологий, виртуальности сожрет государство, сознание и установит свои чернодырявые институты. В софиократии вся страна станет одной школой-корпорацией, изучающей и вырабатывающей с Божьей благодатью субстанцию вечности.

Запад отошел от Софии, доверившись целиком Логосу, Слову, логике и схоластике, информатике и технике, которые могут развиваться лишь в направлении единого вселенского электронно-информационного и технологического монстра без социального и личного творчества человека, вообще — без человека! Ну-ка, с ним, с этим человеком — одни проблемы! Но православное христианство может работать лишь на основе и в контексте софийной идеологии, ибо оно наполняет Логос-логику и Слово-схоластику смысловыми данностями хозяйственной жизни. Но церковь, косо поглядывая на софиологию, видимо, тоже рубит свой сук.

Парадокс или?.. В православном богословии есть демонология, масса книг о нечистой силе и бесах. Воланда изучают в школах. Хотя в самой Библии о дьяволе и бесах говорится мало. Нет ни одной канонической книги, им посвященной. А вот Софии Премудрости посвящена целиком каноническая Книга Притчей Соломоновых. Этой Премудростью назван и Христос, много икон, храмов, посвящены Софии Премудрости Божьей. А вот учение о Софии, софиологию официальное богословие считает ересью. Это о мудрости-то? Странно! А о чем говорят признание демонологии и неприятие софиологии? Похоже на то, что как мир не узнал своего Спасителя, а казнил его, так и Церковь, не узнавая свою же спасительницу-мудрость, гонит ее.

Христос — это не доктрина, не теория, не догмат, а личность богочеловеческая, своим бытием дающая образец человеческой жизни — человек должен людей почитать и любить как Бога, быть готовым живот положить за други своя. При этом, Христос показал и ту мудрость, которая открывается при таком исполнении человеком своего назначения в мире. А София — это знания, общие для Сына, Отца и Духа; и эти знания-оригиналы составляют высшую истину Откровения.

Идет война информационная, священная война, призванная сразить, уничтожить любые смыслы, заменив их программами; смыслы всегда от Софии-мудрости, и несут в себе непредвиденные, неизвест-

ные вести, а программы отключают ум, заменяя его механическими образцами. Это общий контекст современного мира. Сегодня спасти ум, сознание, душу и язык, власть и общественные институты, само православие можно только при содействии Софии Премудрости Божьей, ибо она в своем смысловом пространстве уже победила, одолела мрак, виртуальность, inferнальность, бессознательность, антихристов, демонизм, которые добивают мир. Мудрость дает знания, правду, понимание, необходимые для победы и самосохранения. Только София может запустить остановившийся двигатель человеческого духа, хотя мы и не знаем, как он работает.

Не надо *опаздывать*, ибо пропустим то время, когда время само будет отрицать себя; а всех, кто не успеет выскочить из него и пересест в софийный корабль вечности, будет ожидать участь времени. Опоздание — акт не времени, а вечности; опаздывают не во времени, ибо оно само есть постоянное опоздание, а опаздывают в вечность. Опоздания жизни суммируются, а жизнь вечная теряется в мелких опозданиях. Христианство — строжайшее учение, не допускающее никаких слабостей в деле бессмертия.

Философия хозяйства посему не строит никаких прогнозов, а размышляет о сути и судьбах времени, но размышляет в софийном контексте. Ибо, как можно, не зная сути времени, определять временные величины и события? И вот в софийном контексте время имеет свои пределы, историю своего конца, преобразования в иную, неведомую нам пока длительность, обусловленную вечностью. Мы живем в эпоху самоотрицания времени, в эпоху софийного измерения, взвешивания, оценки самого времени и всех временных реалий. Христианство именует эту эпоху Судным днем, в котором происходит окончательное разделение зерен вечности и плевел времени в мире и в человеке. Крайне важно, что плевелом оказалось и само время. И этот процесс ведется при активном экспертном участии Софии-мудрости, в которой нет времени, ибо она возникла еще до сотворения времени; а поэтому именно она владеет умом, сознанием, мерами, которыми судится время, его плоды, вершится сакральное правосудие.

Для экономики важно время, ибо количество богатства измеряется временем, затраченным на его производство. А вот хозяйство измеряется не временем, а жизнеукреплением. Отсюда следует, что человеку нужно заняться экспертной проверкой всех наук и технологий, научно-технического прогресса на меру их совместимости с осмысленной жизнью.

Философия хозяйства предполагает не постоянное течение времени, а синхронное развертывание структур прошлого, настоящего, будущего в рамках единого целостного пространства, которое зада-

ется и определяется софийными смыслами. Время в философии хозяйства становится пространством жизни. Такой подход позволяет особо изучать и фазовые переходы внутри каждой структуры. Философия хозяйства и софиология имеют свою эсхатологию, в которой речь идет не просто о концах циклов, периодов, а о будущем самого будущего и самого времени. Есть ли будущее у самого времени? Для Софии время не имеет будущего. Конец времени для Софии — это не конец определенного века, эона, цикла, эпохи, периода, а конец времени вообще, как особого анонимного субъекта, ведающего и ведущего процесс.

Время есть из-мене-ния, пере-мены, постоянный суд, кара, исполнение приговора. Русь изобрела тройку, сакрал — *перес*, а лукавое время соединяет их в *перес-тройку*. Время живет постоянным изобретением перес-троек. Гоголь изобразил время как Тройку (прошлое-настоящее-будущее), несущуюся «черт знает, куда!». Оказалось, что Тройка через перестройку по времени принесла Россию в криминальный Ад. А дальше? А дальше, уже само время попадает в Само-Перестройку, которая призвана освободить само время и Россию от власти времени, т. е. осуществить перестройку Ада. А Перестройка Аида — это фактически его разрушение, ибо он творение вечное и перестройке не поддается — его перестройка может закончиться только ядерным коллапсом. Поэтому и дальнейшая эволюция СССР завершилась бы техногенным и ядерным коллапсом. Впрочем, США и Китай подтвердят эту истину времени: время течет из вечности в Аид и там свершает свой ядерный суицид! Вот в чем малая правда монстров-громил 1990-х гг. в России. Нельзя идти дальше по чернобыльскому пути.

Поэтому в крушении СССР нужно видеть позитив (антиадская операция) и негатив (антирусская операция против людей, умеющих жить и творить в Аиде). Эта катастрофа нужна для того, чтобы человек понял ничтожность, скверну использования чужой мудрости, мерзость цитирования «классики», и начал самостоятельно думать, чтобы вышибить из себя раба, который способен понимать мысли других людей, но не умеет творить мысли из самого себя. Западная и восточная философия исследуют проблемы своей жизни для своих же людей. Кстати, они же придумали цитирование, дабы вовремя выявлять ученых рабов для обслуживания мысли. Только София-мудрость несет в себе чудо рождения мысли из ничего для всего.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.

Ф.И. ГИРЕНОК

Что значит София для русской философии?

Аннотация. В статье анализируется софиология Соловьева. Показаны два подхода к Софии — София как третий род существования и София как единство. Автор сопоставляет концепт Софии с идеей Платона об андрогине и с рассуждениями Канта о трансцендентальной схеме.

Ключевые слова: София, Соловьев, Платон, Кант, смех, русская философия.

Abstract. In article it is analyzed sofiology by Solovev. It is shown two approaches to Sofia — Sofia as the third sort of existence and Sofia as unity. The author compares the theory of Sofia to Platon's idea about the hermaphrodite and with Kants reasonings about transcendental scheme.

Keywords: Sofia, Solovev, Platon, Kant, laughter, Russian philosophy.

София — это мудрость, мастерство. Любовь к мудрости родила у греков философию, и вместе с ней она родила софистику. Софистами греки считали не только учителей, но и плотников, и гончаров.

Для евреев мудрость есть нечто осязаемое, видимое. Для них «хохма» — это существо, лицо которого считалось отражением Бога.

Гностики называли Софией 12-й эон. Этот эон вместо того, чтобы замкнуть плерому, полноту Вселенной, решил слиться с началом. Получилась неразбериха. Возникла дыра, в которую в мир выплеснулась полнота, образовавшая космос, в котором мы сейчас живем.

Христиане считают, что Софию сотворил Бог. *«Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони»* (Пр. 8, 22).

Но что может родиться, если полюбить любовь? Если объектом любви человека становится сама любовь? С. Булгаков в «Свете Невечернем» говорит, что так рождается Святая София христиан. Но если София и Христос одно и то же, а для верующих это одно и то же, то как тогда понимать В. Соловьева, почему у него София — это не Христос, для чего он отделил ее от Церкви и от Христа? Не для того ли, чтобы расширить опыт религиозного сознания и включить в него элементы нехристианского миропонимания?

Соловьев

Концепт Софии в русской философии придумал Соловьев, для которого София — это «темного хаоса светлая дочь» (цит. по: [1]). То есть у Софии есть отец, и этот отец — хаос. Чтобы остаться в рамках христианского мировоззрения, Соловьеву нужно было хаос поселить в

Боге, что он и сделал, положив, что «в Боге есть хаос от века» (цит. по: [2]). В результате полагания родственных отношений между хаосом и Софией, Соловьев проблематизировал отношения Софии к порядку, к Логосу и, следовательно, сделал неочевидным место русской философии в когнитивном пространстве Европы.

Русская философия

Любовь русских к любви родила русскую философию и вместе с ней — софиологию Соловьева.

Русская философия возникает за пределами философии. Она возникает как литература. Это возникновение, конечно, нелепо. Но ее родоначальники — Чаадаев и славянофилы — этого не замечали, ибо они сделали предметом своих размышлений не мысль о бытии, а мысль о России. Тем самым, первым предметом русской философии стали мы сами, а первой мыслью стала мысль о том, что у всякого народа есть родина, и только у нас — Россия.

Русский язык до XIX в. не был орудием философской мысли. Он не растворил в себе рационализм античной философии. «И мы, — пишет Федотов, — могли бы читать Гомера, философствовать с Платоном, вернуться вместе с греческой христианской мыслью к самым истокам эллинского духа и получить как дар... научную традицию древности. Провидение судило иначе. Мы получили в дар одну книгу, величайшую из книг, без труда и заслуги, открытую всем. Но зато эта книга должна была остаться единственной» [3, 94]. Русская философия как философия зародилась в неистовстве «Трех свиданий» Соловьева. Она возникла как учение о Софии.

Три свидания

До Соловьева никто из русских мыслителей не смел дерзнуть и положить свои собственные видения в основание философии. Все ссылались на авторитеты, и Соловьев ссылался. Но он был молод, талантлив и своенравен. Соловьев едва ли не грезил наяву. «София» — это каприз Соловьева, его детское видение, повторившееся затем в Лондоне и в Египте. София явилась ему так же, как когда-то явилась философия Боэцию, в образе женщины. Соловьев говорил с ней, и она открыла ему глаза на мир. Под впечатлением от этой встречи Соловьев написал в 1876 г. работу под названием «София». Русская философия заговорила в ней по-французски. Соловьев пошел по следам Чаадаева.

Почему есть что-то?

В «Софии» смысл софиологии изложен в разделе под названием «Реальный процесс. Материя, атомы под воздействием Сатаны». В нем

существование конкретного единства связано с действием Софии. Почему есть что-то, а не ничто? Потому что есть София. А что такое София? Это единство. А что такое единство? Это *чтойность*. Понятие единства объясняется Соловьевым на примере атома, составленного из трех элементов. Первые два элемента — центростремительная сила и центробежная. А вот третий элемент превращает первые два в устойчивые единства, в некую чтойность. Описание третьего элемента и составляет описание действия Софии. Это действие есть «синтетический элемент, благодаря которому два стремления не разрушают друг друга, но объединяются в одно элементарное существо» [4]. И далее Соловьев называет синтез души, а единство — «материализацией божественного».

Иными словами, не анализ, а синтез является способом существования в софийном мире. Быть софийным — не значит быть умным. Ум последователен, но не софиен. Софийна, как пишет Соловьев, улыбка. Почему? Потому что не в уме, а в улыбке являет себя миру человек.

Смех

Улыбаясь, человек говорит о том, что он «свободен от внешней необходимости мира явлений» [5]. Тогда же как ум подчеркивает его зависимость от этого мира. «Человек, — пишет Соловьев, — не является исключительно природным существом» [5]. Между человеком и миром существует дистанция, разрыв. Поскольку человек удерживает эту дистанцию, постольку у него есть сознание, которое являет себя миру в указательном жесте. Отсутствие дистанции означает для человека сон. Грезы — это сон, в котором может родиться сознание. О том, что человек является человеком, говорит не труд, а искусство и поэзия. Метафизика человека выражается не в приспособительных к миру реакциях, а в смехе. Смех софиен потому, что, с одной стороны, в нем есть то, что соприкасается с идеальным, а с другой стороны, в нем есть то, что соприкасается с реальным. Человек смеется над реальностью, насмехается над ней. «Я бы, — говорит Соловьев о человеке, — назвал его существом, которое смеется» [5]. Человек смеется не потому, что он является социальным существом. Быть социальным — значит, быть в состоянии, в котором мы определены Другим. Человек смеется потому, что у него есть состояния, в которых он сам определяет себя. Определяя самих себя, мы становимся асоциальными, т. е. идеальными. Поэтому человеческое в человеке узнается не по его разумности, а по улыбке, по самовоздействию, которое материализуется в смехе.

Бытие

Бытие не смеется. В нем нет парадокса. Человек начинается не с бытия, а со смеха. Начало бытия не может быть бытием. Человек как раз и является тем, что имеет бытие. А имеет бытие то, что не является бытием. Обладающий бытием не ограничен бытием, не определяется им.

Парадокс

В свиданиях Соловьева с Софией актуализировалось невозможное. В них мысль предстала зримой. Видения Соловьева уже сами по себе были феноменальны. Ибо они прерывали культурную коммуникацию и отсылали к самим себе как истине в последней инстанции, как в высшей степени философствованию. Прозрение не нуждается в оправдывающей его высшей инстанции. Напротив. Оно само объясняет все. Его же не объясняет никто. Видения не зависят от логоса, не подчиняются нормам логического. Скорее наоборот, логическое коренится в безумстве видений.

В Софии Соловьев нашел точку пересечения непересекающегося. Некое конкретно всеобщее различных духовных практик и философских дискурсов. Возможность существования этой точки он связал с Софией.

Через год после «Софии» Соловьев написал работу, в которой применил технологию своего мышления к новому объекту. Вместо атома он взял человечество и выделил в нем все те же три силы.

Софийность

Соловьев искал такую оптику, которая позволяла бы ему не отличать одно от другого, не строить таблицу сходств и различий, а расширять одно при помощи другого. Это расширение Соловьев назвал софийным, ибо оно обладает интересным свойством: в нем появляется нечто третье, то, что не зависит ни от природы первого, ни от природы второго, но самим фактом своего существования расширяет границы как одного, так и другого до пребывания их в составе единого целого.

София — это не проявление свойств Бога и не проявление субстанциональных свойств человека, а рождение новых содержаний при встрече того, что исключает друг друга. И хотя в нашем мире есть только две стороны, ни одна из них сама по себе не является софийной. Софийна третья сторона. Эту сторону увидел ранний Соловьев. Поздний Соловьев свел Софию к всеединству и ошибся.

Различие или синтез?

В софийности важна не связь с единым, а парадокс. Она мыслится как действие силой абсурда, как третий род бытия. Не Логос, а София удерживает в нас третий род бытия от распада. С ней можно встретиться, но ее нельзя получить аналитически. Она может быть дана в видениях, во внутренних созерцаниях, но она не может быть дана в качестве объекта внешнего восприятия.

Не различие, а синтез положил Соловьев в основание своей философии. Выбрав синтез, он оказался в стороне от главных путей развития мировой философии, которая отдала предпочтение различию.

Три силы

Через год после «Софии» Соловьев написал работу, в которой применил технологию своего мышления к новому объекту. Вместо атома он взял человечество и выделил в нем все те же три силы. Первая сила — это Восток, вторая сила — Запад. Восток отрицает свободу, подчиняя человека Богу. Запад отрицает Бога, требуя свободы. В итоге мир распадается. С одной стороны, в нем доминирует идея бесчеловечного Бога, а с другой — безбожного человека. И та, и другая сторона без связи друг с другом омертвели. «Необходимо, — пишет Соловьев, — присутствие третьей силы» [6], которая может примирить единство со свободой. Эта сила — славяне, вернее, русские.

В чем Соловьев видит задачу русских, т. е. России? В том, чтобы мы оживили, одухотворили и Восток, и Запад. Освободили их от взаимной вражды и дали им «общее безусловное содержание» [6]. Но откуда это содержание у нас? Оно у нас есть потому, что мы — народ-посредник. Мы — посредники между человечеством и божественным миром. Но ведь мы не евреи. Зачем же нас Соловьев ставит не на свое место? Соловьев полагает, что русские сами по себе неинтересны. Мы ничего из себя не представляем. Россия — это орудие. Она действует не от себя, потому что никакой самости у нее нет. Она осуществляет не свое, потому что у нее нет ничего своего. Наша культура бедна, экономика убога, социальная жизнь примитивна. У нас нет даже наших собственных интересов. Мы должны только жить и мучиться. Зачем? Затем, чтобы нашими страданиями рождалась душа, которой не хватает Западу. Таково, на взгляд Соловьева, наше место в мировом разделении труда, или, как говорит Соловьев, в мире всеединого. Благодаря всеединству, Запад дает нам цивилизацию, а мы ему — душу.

Третий род бытия

Третий род бытия представлен Платоном в мифе об андрогине. Андрогин — это не мужчина и не женщина, но это и не простое соединение разных природ. Что же это? Это то третье, что предшествует разделенности человека на два пола. То есть мы сегодня называем человеком то, что является, согласно Платону, только половиной человека. Андрогин — не элемент эмпирического мира. Его нужно отличать от химер, минотавра и кентавров. Андрогин — это третий пол, или третий род существования. А химеры, минотавр и кентавры — это простое соединение двух разных эмпирических сущностей. Андрогин софиев, а они не софийны. То есть в них нет третьего, нет того, в чем они соединены. В них нет парадоксов и нет целого, удерживающего абсурд существования. К примеру, кентавр — это плод совокупления человека с ничто, с призраком. Как говорит миф, в Греции жили лапиты, и у них был царь Иксион. Этот царь был добрым и справедливым. И боги пригласили его к себе на пир. Он пришел и, к сожалению, напился. И пьяным стал приставать к Гере, жене Зевса. Зевсу, конечно, это не понравилось, и он укрыл Геру от домогательств Иксиона облаком. Иксиону пришлось совокупиться с призраком Геры. Так родился урод под названием «кентавр». В нем было две сущности: одна лошадиная, другая — человеческая. И первая не расширяла вторую, а вторая — первую. Ничего софийного в нем не было.

О третьем роде существования говорил и Кант, рассказывая о свойствах трансцендентальной схемы, которая, с одной стороны, есть нечто чувственное, а с другой — нечто идеальное. «Ясно, — пишет Кант в “Критике чистого разума”, — что должно существовать нечто третье» [7, 158]. Что это? Согласно Канту, «именно такова трансцендентальная схема» [7, 158]. Третье — это то, в чем две противоположные стороны находятся в снятом виде, т. е. соединяются друг с другом. В «Основах метафизики нравственности» Кант говорит, что третье — это то, на что нам указывает свобода и о чем мы априори имеем идею [8, 236].

У Соловьева эти третьим была София. Но поздний Соловьев упростил понимание Софии, приравняв ее к всеединству.

Всеединство

Принцип всеединства выражает простую мысль о том, что все в этом мире связано, что в нем нет никаких скрытых состояний, никаких потайных мест, где можно было бы обособиться, спрятаться, создав локальную онтологию. Мир всеединства — это как лента Мебиуса, вывернутая наизнанку. В ней добро связано со злом, красота связана с

уродством. В мире всеединства Соловьев приставил к Богу другое, и Бог теперь находится под присмотром этого другого и никуда не может деться от него. Соловьев говорит, что Бог един, и Бог есть все. Но проблема состоит в том, что это все не есть Бог. Согласно Соловьеву, Бог хочет в своей любви, чтобы все стало Богом. Зачем? Ведь разнообразие так привлекательно, а возвращение к началу такое суровое. Если бы все стало Богом, то у Бога не стало бы никакого желания, а поскольку он желает и действует, постольку он в своем действии перестает быть Богом и в нем появляется что-то небожественное.

Согласно Соловьеву, Бог хочет, чтобы вне его самого была другая природа, но будет ли эта природа его пределом и сможет ли он совершить трансгрессию за пределы самого себя, выйти из себя? Соловьев полагает, что может. Без этой возможности не было бы человечества. А оно есть как результат трансгрессии Бога. Люди постепенно становятся тем, что Бог есть от века абсолютно всем, хотя у человека нет бытия в себе, у него есть только бытие в Боге. Но если у людей нет бытия в себе, то Соловьеву нужно объяснить, как человек может быть субъектом. Он объясняет это так. Если бы у человека было бытие в себе, то он реализовывал бы мужской принцип существования. А это способ бытия Христа. Поскольку у человека бытие в Боге, постольку он реализует женский принцип существования. Этот принцип существования и есть София, Премудрость Божия. Тем самым у Соловьева появляется два абсолюта — Бог и человечество. Один актуальный, а другой — становящийся. И между ними — София.

Критика идеи всеединства

Мир всеединства не допускает главного — он не допускает творчества. Он полагает, что весь мир уже дан. А поскольку творчество и бессмыслица сопряжены, постольку Соловьев не допускает даже мысли о понимании мира в качестве абсурда. В мире всеединства никто не сходит с ума, все находится на своем месте.

Из того факта, что Бог един, не следует, что люди одинаковы. Бог един, а люди различны. И эти различия возводятся людьми до предела, до абсурда. Соловьев накладывает запрет на то, чтобы смыслом предшествовала бессмыслица. Всеединство заранее оправдывает любое действие, любой замысел человека. Смысл у Соловьева не завоевывается, а даруется всеединством. Этот дар не нуждается в свободе одариваемого. Наоборот, одаривать — значит лишать одариваемого спонтанности, насильно навешивать спасительный смысл.

Вопреки Соловьеву, в мире, в котором мы живем, ничто не находится на своем месте, все абсурдно. Все отчуждены друг от друга. Нет никакого намека на единство между тобой и другим.

Метанойя Соловьева

В работе «Россия и Вселенская Церковь» совершилась метанойя, перемена умонастроения Соловьева.

Прежде всего, изменилось его отношение к России и Русской православной церкви. Это изменение связано с отказом Соловьева от концепции третьей силы и замене ее концепцией всеединства. А в концепции всеединства он Софию свел к социальности: «Наряду с индивидуальным человеческим образом божества — наряду с Богоматерью и Сыном Божиим — русский народ знал и любил под именем святой Софии социальное воплощение божества в Церкви Вселенской. И этой идее, открытой религиозному чувству наших предков, этой истинно национальной и, безусловно, вселенской идее нам и надлежит теперь дать рациональное выражение. Дело в том, чтобы дать ясную форму живой мысли, которая зародилась в Древней Руси и которую новая Россия должна поведать миру» [5]. Самое главное в этом фрагменте состоит в том, что Соловьев под Софией теперь понимает нечто индивидуальное, а не социальную устроенность, которая нашла свое наиболее адекватное выражение на Западе.

Обоснование этой перемены ума Соловьев нашел в легенде о двух святых.

Два святых

Два святых, Касьян и Николай, были посланы из рая навестить землю. Однажды они увидели бедного крестьянина, телега которого, нагруженная сеном, завязла в грязи. Лошадь не смогла сдвинуть воз с места.

«Пойдем подсобим доброму человеку», — предложил святой Николай.

«Сохрани меня Бог, — ответил Касьян, — Я могу запачкать мою хламиду».

«Тогда подожди меня здесь или иди дальше, а я пойду помогу», — сказал святой Николай.

По мысли Соловьева, церковь в России действует, как святой Касьян. Она не идет к народу, в мир, а западная церковь не испугалась грязи исторической жизни, не побоялась испачкать свои ризы и, засучив рукава, пошла в мир работать. И этот мир стал лучше. *«Восточный человек молится, западный — молится и работает. Кто из них прав?»* [5] — спрашивает Соловьев и отвечает: конечно, западный человек. Проблема России состоит в том, что она пустила корни в византийскую культуру, которая в принципе была, по словам Соловьева, враждебна христианству. Она под личиной православия скрывала ан-

тихристианство. Что должна делать Россия? Дружить с Европой, учиться у нее. Благодаря всеединству что-нибудь полезное от нее перепадет и России. Но всеединство лишает Россию собственного бытийного центра.

Децентрированная Россия

Россия для Соловьева это теперь уже не третья сила. Это просто Восток. Но Восток, опять-таки, им мыслится уже не как субстанция, а как элемент хаотизированного множества, которому противостоит Запад. Только Запад имеет в себе центр. Соловьев пишет: «Мы, Восток, представляем лишь часть Вселенской Церкви, и часть, не имеющую центра в себе самой» [5].

То есть Россия есть некий децентрированный монстр, ползущая множественность ризомы. И наша задача состоит не в том, чтобы примирять народы, а в том, чтобы «связать наши частные и периферические силы с вселенским великим центром, который Провидение поместило на Западе» [5]. В рассуждениях Соловьева о Софии исчезла равномогущее противопоставление разных центров развития и появилась идея господства одного центра над другими. Соловьев говорит: «Есть единство истинное, не противопоставляющее себя множественности, не исключаящее ее, но... господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам» [5]. Таким единством стал, по определению Соловьева, Запад. Соловьев говорит: «София есть универсальная субстанция или все в единстве» [5]. Иными словами, Запад универсален, Россия локальна. Если локальное когда-нибудь противопоставит себя универсальному, то такое противопоставление неизбежно окажется асофийным, ибо локальное — это способ существования множественного, а не единого.

Софиология как тромб

Русская философия пошла за Соловьевым, и, следовательно, она пошла по пути построения софиологии, которая нашла позитивный отклик в русском символизме. Но сам Соловьев этот символизм не понял и разругал его, а Флоренский продолжил критику, заявив, что символисты ничего не поняли в символе. После этого софиология оказалась не самым удачным изобретением русского сознания. Почему случилась неудача? Потому что русская философия запутала всех нас в трех соснах: мы не поняли, что там, где заканчивается Запад, начинается не Восток, там начинается Россия. Это начало нельзя было разглядеть в терминах всеединства.

В XIX в. у России было два пути: национальный и имперский. В первом случае русские должны были стать нацией и создать нацио-

нальную экономику и национальное государство. Во втором случае мы могли бы существовать как имперский народ с имперским государством и имперской экономикой. В первом случае нам пришлось бы православную идентичность заменить национальной. Во втором случае мы могли бы сохранить свою идентичность. Нам нужна была бы только идея империи. Соловьев не принял ни первого, ни второго. Он предложил нам путь всеединства, далее всего продвигавшего нас на Запад. Соловьев думал, что София в один прекрасный момент свяжет нас с Западом какой-то вязущей связью и возникнет богочеловечество. Но София нас не связала, и богочеловечество не возникло. Последующее развитие показало, что мир не софиен, что софиология скрывает от нас истину о том, что мир абсурден и что человеку нужно приучиться жить в мире абсурда, в котором концы и начала никак не связаны. Образ Софии требует от нас не веры, а гнозиса. Вера же слепа и возможна только силой абсурда.

Нужна ли София русскому сознанию?

София непременно нужна русскому сознанию. Почему? Потому что София не совпадает с логосом. А логос — это Европа, Запад. София же является для нас позитивным способом осознания себя отличными от Европы. И одновременно это ментальная сущность, заставляющая нас отличать себя от Востока. Мы не Запад, но мы и не Восток. Мы не действуем, но мы и не бездействуем. Стирание метафизической определенности Софии, отказ от нее, делает бессмысленным существование России. Без Софии мы становимся уродами Европы, их вечным пугалом и одновременно их скрытой привязанностью к желанию облагородить наше уродство.

Исправлять софиологические просчеты Соловьева стали Флоренский и особенно Булгаков.

Литература

1. Соловьев В. На Сайме зимой // <http://stroki.net/content/view/17112/111/>.
2. Соловьев В. Россия и вселенская церковь. Гл. 7 // <http://www.vehi.net/soloviev/vselcerk/index.html>.
3. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
4. Соловьев В. София. Начала вселенского учения // <http://lib.rus.ec/b/361047/read>.
5. Соловьев В. Россия и вселенская церковь // http://krotov.info/library/18_s/solovyov/11_143.html.

6. Соловьев В. Три силы // <http://www.vehi.net/soloviev/trisily.html>.
7. Кант И. Критика чистого разума. М., 2007.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.

А.А. ПОГРЕБНЯК

София в супермаркете

...И клоп почтен софийной тайной, как голубь и розы, хотя в тварной злобе своей он извратил до особой омерзительности свое существо или подвергся особенно тяжелой болезни.

С.Н. Булгаков

Но странность — общий способ действия софии. Это значит, что и в современном мире в конечном счете выход из ситуации в том, что пробьется странность, какой бы она ни была. Ее соседство — святость, которая радость, можно сказать, дикая, которая узнала тайну креста. Она пройдет, где хочет, как ростки сквозь мертвее тело.

В.В. Библихин

Аннотация. В статье делается попытка осмыслить аналитический потенциал софийной философии хозяйства в контексте критики идеологии консьюмеризма. Подробно исследуются и сопоставляются различные точки зрения на сущность софиологической доктрины. В качестве примера актуальности и продуктивности софиологического подхода к пониманию экономической культуры современного капитализма предложена интерпретация фильма К.Г. Муратовой «Мелодия для шарманки».

Ключевые слова: София, супермаркет, софиология, философия хозяйства, общество потребления, консьюмеризм.

Abstract. This paper attempts to understand the analytical capacity of Sophian philosophy of economics in the context of criticism of the ideology of consumerism. Different views of the nature of Sophiological doctrine are

examined in details and compared. The interpretation Kira Muratova's film «Melody for a Street Organ» offered as an example of the relevance and the productivity of sophiological approach to the understanding of economic culture of modern capitalism.

Keywords: Sofia, supermarket, sophiology, philosophy of economy, consumer society, consumerism.

Софиология — результат попытки русской мысли достичь самосознания, решительно определиться в специфике своего «угла зрения» на общеполитические, мировые проблемы. Останется ли этот результат всего лишь «элементом культурного своеобразия» более или менее любопытным или станет основанием для *события* в мировом (другого нет) философском процессе, пока неясно. Хотя есть такие, кто уже вынес решение: «русская философия Серебряного века не дает ответов на запросы современного человечества»; как, впрочем, и такие, кто априори считает ее истинной только потому, что она «наша, русская». В философии, однако (если это *философия*), нет ничего априори истинного или ложного; «априори» в данном случае означает нежелание сталкиваться в обоюдном испытании высказанную однажды мысль и сложившуюся в современности ситуацию. Поэтому вопрос следует сформулировать так: что существенного способна внести «софийная философия хозяйства» в процесс осмысления сущности современного *капитализма* (если принять, что наиболее адекватно сущность эпохи схватывается именно этим понятием) — и это при том, что в процессе этом участвуют и другие, часто более «котирующиеся» интеллектуальные направления?

Задачей философии хозяйства С.Н. Булгаков полагал, как известно, преодоление «экономизма» как господствующей в наши дни мировоззренческой установки; «София» же — теолого-метафизическое основание для такого преодоления. В «Философии хозяйства» говорится: «София светится в мире как первозданная чистота и красота мироздания, в прелести ребенка и в дивном очаровании зыблущегося цветка, в красоте звездного неба и пламенеющего солнечного восхода. <...> И эти лучи софийности в природе именно и составляют притягательность “естественного состояния”, которое в действительности есть выше-естественное, сверхприродное по отношению к теперешнему состоянию твари. Здесь вместо единства выступает множественность, вместо внутренней связности — внеположность, с внешнею связью в пространстве и последовательностью во времени. <...> Первоначальная непосредственность, интуитивность созерцания, тождество знания и сознания, субъект-объектность бытия в Софии утрачиваются и заменяются раздельностью субъекта и объекта с неизбежной дискурсивно-

стью и отвлеченностью (теоретичностью) знания. Зарождается “чистый разум”, *ratio*, как совокупность форм, в которых субъект соотносится объекту. *Ratio*, научный или теоретический разум, возникает на развалинах софийности, отражающей на себе Логос» [1, 168].

Эта интуиция может быть аналитически развернута. Вот как, к примеру, определяет данный мотив в творчестве Булгакова В.В. Бычков: «Премудрость Божия, таким образом, предстает в софиологии Булгакова некой глубинной многоаспектной антиномически описываемой сущностью бытия, которая не поддается одномерному формально-логическому осмыслению. Во всей полноте она раскрывается только религиозному сознанию в некоторых аспектах мистического опыта. Ибо она одновременно является и абстрактной божественной Усией, т. е. *сущностью*; и Образом Бога внутри самого Божества; и Вечной Женственностью в Божестве, как его пассивного, но творческого (в направлении мира) начала; и совокупностью всех идей творения в Боге, т. е. Идеей творения; и вдохновителем, и руководителем всей творческой деятельности людей, в том числе художников; и Богочеловечеством, понимаемым как “единство Бога со всем сотворенным миром”; и реальным явлением в мире Церкви Христовой; и предстает, наконец, в образе конкретной и очень близкой душе русского человека Богородицы, Девы и Матери, Заступницы за род человеческий перед своим Сыном» [2, 348].

Известно, что софиологическая доктрина неоднократно подвергалась критике, часто достаточно радикальной — как в богословии, так и в философии. Наиболее полный свод богословских аргументов против софиологической концепции Булгакова приводится в «Споре о Софии» В. Лосского. Вот некоторые из них. 1. Черты, роднящие мысль Булгакова с гностицизмом, — «отрицание апофатики, т. е. аскезы мысли» [3, 411], искание «“посредства”, онтологического моста между Богом и миром» [3, 412]. 2. Попытка трактовать Софию то как «четвертую ипостась», то как «неипостасную усию» Троицы [3, 413—417]. 3. Введение в Троицу некой аналогии полового различия — «мужество» Сына и «женскость» Духа, являющего себя в Богородице и Церкви [3, 421]. 4. «Антропоцентрическая» точка зрения, выражающаяся в том, что «Божественность» человека предполагает «человечность» Бога [3, 428] или что имеет место «сообразность между Божеством и человечеством», их «*взаимная* обусловленность в Софии» [3, 429] — в результате чего «софианская система заменяет *личную* связь (“*religio*”) Бога и человека природно-космическим отношением Софии Божественной и Софии тварной через человеческий дух, Божественный по происхождению, но внедренный в тварную природу» [3, 436]. 5. Обесценение понятия Божественного промысла (как «окказионали-

стического») и, тем самым, обесмысливание «всего домосторительства нашего спасения» в пользу «софийного детерминизма»: «но если нет этого промыслительного соотношения двух волей, этой вольной зависимости действий Промыслителя от свободной воли Его созданий, то вся история мира бессмысленна, то Библия, повествующая о подготовке в мире возможности Боговоплощения, нелепейшая из книг [3, 443]. 6. Трактовка сотворения мира как «акта, давшего бытие чему-то несовершенному, миру, заключавшему в себе не только возможность, коренящуюся в свободе и изживаемую в той же свободе, но и реальность зла», в результате чего Боговоплощение трактуется как уже не «промыслительно-сотериологический акт, а необходимое завершение творения мира, преодоление его тварности» — иначе говоря, как «исправление Ошибки, допущенной Творцом при миротворении» [3, 448—453]. В итоге «Христология о. С. Булгакова расплывается в космический панхристизм, поглощающий и Духа Святого и Церковь, упраздняющий тем самым и человеческую личность в софийно-природном процессе обожения, совершаемого через Боговоплощение» [3, 455]. 7. Замена человеческого духа во Христе Логосом («новое аполлинарианство» [3, 458]), в силу чего «вся духовная жизнь человечества переносится в Божество, более того, становится внутренней трагедией Самой Пресвятой Троицы. Так, например, Гефсиманское бореие приобретает значение какого-то трагического внутритроицкого конфликта между Отцом и Логосом, оставленным Отцом, удаляющимся от Отца во мрак воспринятого на себя греха» [3, 459]. 8. Особое значение придается извращению смысла кенозиса — т. е. его метафизическое, а не «икономически-волевое» истолкование: «Вольное истощание Сына, скрывающего при вочеловечении Свое Божество под зраком раба, из икономического акта Божественной воли, удерживающей сияние Славы, Таящей Божественную природу в воспринятой природе человека, превращается у о. С. Булгакова в какое-то изменение Самой Ипостаси Логоса, Которая перестает для Себя быть Ипостасью Божественной и становится ипостасью человеческой, вновь осуществляющей Свое Божественное сознание через человечество» [3, 464].

««Метафизическое самораспятие Логоса» становится божественной необходимостью; вместо вольного принятия смерти как предельного условия жизни мира — Божественное самоубийство, к которому неудержимо стремится Бог. Смерть утверждается в Святой Троице как необходимое условие Ее жизни, и Крест из победного трофея, *взятого от* мира, из условия смерти ставшего условием вечной жизни для мира, превращается в определяющее условие Самого Триипостасного Бога, *вносимое* Им в мир, то есть в орудие Божественного насилия» [3,

467—468]. «*Природное* понимание кенозиса, предполагающее “онтологический мост” Софии между Богом и миром, несовместимо с *волевым* самоограничением Сына Божия, подчинившегося “условиям павшего мира”, несовместимо с крестным *подвигом* Христовым, с “безумием Креста”» [3, 470]. Булгаков же пишет в «Агнце Божиим» о том, что «надо принять кенозис Боговоплощения во всей ужасающей серьезности этого акта как *метафизической* Голгофы самораспятия Логоса во времени, которое имело лишь *последствием* Голгофу *историческую*...» (цит. по: 467). Но «если так понимать кенозис, то для “исторической Голгофы”, добровольно принятой исторически Сыном Божиим, хотя и от века предвиденной, не остается места, как и вообще для всего “исторического”, где действует свободная воля творений» [3, 467].

В качестве вывода: «смещение личности и природы — основной мотив софианского богословия о. С. Булгакова, определяющий всю его систему. Оно достигает своего предельного выражения в хаотическом понятии “Богочеловечества”, где неразлично смешиваются две природы Богочеловека с Его единой Ипостасью, образуя новый, природно-личный христоцентрический сгусток, вбирающий в себя и благодать Св. Духа, и человеческие личности, и Церковь, превращая все домостроительство нашего спасения в космический “богочеловеческий процесс” возвращения Софии тварной в единство Софии Божественной. Отсюда ложный космизм о. С. Булгакова, подчиняющий личность *природному* процессу обожения, упраздняя свободу» [3, 475].

Здесь не место подробно анализировать все детали этого «спора», но стоит обратить внимание на общую оценку: Бог христианской *веры* у Булгакова подменяется «Богом философов». Интересно, однако, что софиология критикуется и с чисто философской точки зрения — одним из наиболее ярких примеров чего в новейшей отечественной мысли является статья А.В. Ахутина «София и черт. Кант перед лицом русской религиозной метафизики». В основе софиологии, очевидно, находится восходящая к Платону метафизика мира идей как «умного места». Однако важна разница между *софио*-логией и *фило-софией*: следует ли первую видеть как истинное свершение первой, или важнее сохранить именно *не-обладание* «мудростью»: «Но разве может уютная бездомность философии противостоять жажде блаженного обитания в доме, как бы воздвигнутом самой мудростью?» [4, 479]. Метафизика (на чем в XX в. будет настаивать М. Хайдеггер — в частности, в своем толковании Канта, которому, видимо, следует и Ахутин) искажает изначальный смысл бытия, нередуцируемый к идеальности сущего: «Мы потому и соотнесены со *всем* бытием, с *самим* бытием, а не замкнуты в том, как сущее нам далось, открылось, что онто-

логически не тождественны с формой этой погруженности, *не совпадаем* с нею и в этом смысле *трансцендентальны* — по бытию, а не по «познавательной способности» [4, 475]. Поэтому «философская мысль — онтологический проблематизм — “отвлекает” человека от впадения в мир-миф, не дает человеку полностью вовлечься в *знаемый* мир, тем более безвыходный, чем более это *знание* софийно, сакрально» [4, 478].

Есть, разумеется, в современной мысли и сторонники софиологии. С.С. Аверинцев определяет Софию как «связующую аналогию» между божественным образом и дольным отображением, в силу чего она *одновременно* является и божественным началом — но постольку, поскольку оно светит дольному миру, нисходит к нему в любовном «истощении» (кенозис), устрояет и освящает его и, наконец, самооблекается в плоть; и «тварным» — но постольку, поскольку оно приемлет горний образ, горний закон, горний свет и по лестнице подобий восходит до Бога [5, 565—566]. Кроме того, существенным является и социально-исторический символизм, заложенный в данном учении: Богородица (София) есть «град», ибо «ее целомудрие связано с целостностью, неприступностью и упорядоченностью города» [5, 578]; стена города есть его «пояс» и одновременно его «венец» [5, 591].

Думая о причине радикального неприятия софиологической (а также и мариологической) проблематики современным мышлением, С.С. Аверинцев говорит, что подобную «тенденцию века», конечно же, легче всего списать на гедонизм и консьюмеризм, но на деле в его основе лежит, скорее, «некий метафизический изоляционизм, желающий отделить Творца от творения, творение от Творца, а нас — от Творца, от космоса и друг от друга» [5, 593—594]. При этом такая тенденция имеет вполне профессионально богословскую природу, когда имеет место «гиперортодоксальная эмфаза в подчеркивании теистического принципа трансцендентности (та самая эмфаза, которая охотно клеймит любое слово о Софии как неогностицизм, а любое слово о Марии как неоязычество)», а на вопросы типа «как Вездесущий может *присутствовать?*» и «как Сущий до времени и вне времени может входить в нашу экзистенциальную временность?» [5, 594] полагаются только отрицательные ответы. К слову, «консьюмеристская» позиция упомянута отнюдь не всуе: нет парадокса в том, что абсолютизация принципа трансцендентности приводит к абсолютизации же противоположного принципа имманентности, разве не в этом основной урок книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»?

Тем более важно не забывать, что понятие «консумация» имеет глубокие богословские корни и выраженный эсхатологический характер. Так, у Оригена можно прочесть, например, следующее:

«...Поэтому Он не только сделался послушным отцу даже до крестной смерти, но в совершении (consummatione) века, обнимая в Себе всех, покоренных Им Отцу и чрез Него приходящих ко спасению» [6, 254]. Консумация, таким образом, отсылает к самой границе времени, к стыку времени и вечности. Вот, кстати, указания ведущего критика «общества потребления» Ж. Бодрийяра: «Показательна сама этимология: “все потреблено” (tout est consommé) значит “все свершено”, но также, разумеется, и “все истреблено”» [7, 167]. Конечно, «критика консьюмеризма» давно стала общим местом экономической культуры так называемого позднего капитализма — как и критика самой этой критики как всякий раз «неэффективной» (часто по причине ее, напротив, гиперэффективности с точки зрения самой идеологии потребления — сама критика становится моментом полезности потребляемого блага). Бодрийяр неоднократно показывал, как наиболее радикальные, казалось бы, антиконсьюмеристские ценности формировали «новый дизайн» капитализма: «Чтобы восстановить целевые установки, чтобы реактивировать принцип экономики, нужно возродить дефицит. Отсюда — экология, позволяющая благодаря угрозе абсолютного дефицита восстановить этику энергосбережения. Отсюда энергетический и сырьевой кризис — настоящий дар небес для системы, которой зеркало производства являло одну лишь пустую форму, охваченную смятением. Кризис способен вернуть коду экономики его утраченную референцию, вернуть принципу производства ускользавшую от него серьезность. Мы вновь обречем вкус к аскезе, ее патетическую инвестированность, рождающуюся от нехватки и лишений» [8, 91].

Итак, значение софиологии для философии хозяйства — в попытке осмыслить истинную сущность экономического процесса, которая парадоксальным образом располагалась бы и в нем, и вне его. Возможно, мистическое созерцание Идеи как форма опыта данного осмысления может или даже должна быть подвергнута сомнению. Тем не менее пусть даже в качестве негативной аналогии принцип «софийности» с ходу отвергать не стоит. Вот продолжение рассуждения С.С. Аверинцева, направленного против поборников полной эвакуации трансцендентности из бытия-в-мире: «Но здесь мы должны еще раз засвидетельствовать нашу верность Откровению и сказать, что оно же, с другой стороны, учит как раз о парадоксе встречи между Трансцендентным и имманентным и об особой онтологической сфере, в которой эта встреча только и может произойти. Отчего Иаков восклицает: “как страшно сие место!” (Быт. 28:17)? Потому что это место в некоем непостижимом, но конкретном смысле — “дом” Того, Кто вездесущ; потому что в этом месте, “вратах неба”, небо — не физическое небо астрономов, но онтологически иноприродное небо Ангелов, — вплот-

ную подходит к пространству, в котором движемся мы. Стоит вспомнить, что “врата Неба” — в христианской традиции символ Девы Марии» [5, 594—595]. Следует напомнить, что в «Поэме» Парменида (исток философской традиции) речь идет также о Богине Истины, о вратах и своего рода «несокрушимом поясе» («шаре») *Бытия*, в своем Единстве одновременно и удерживающего (стало быть, полагающего) многообразие *сущих*, и не имеющего ни в одном из них своего «субъекта» (отчего и с большим усилием отличимого от «небытия»).

Экзистенциальное настроение ужаса, как известно, было задействовано Хайдеггером в аналитике человеческого бытия (*Dasein*) с целью опознания в пограничных ситуациях повседневной жизни условий возможности для выхода из состояния «неподлинности» (в описании которой легко прочитываются и «консьюмеристские» черты). Как показал А.Г. Черняков, в основе хайдеггеровского проекта лежит своеобразное прочтение Платона и Аристотеля: беря за основу аристотелевскую аналитику поступка (праксиса), он отвергает в конечном итоге «софийную» интерпретацию (созерцание «вечных первоначал» как основа практической жизни) и склоняется к платоновскому пониманию сверх-(а значит, и не-)эйдетического характера блага. Отсюда, «ужас как чистая форма страха открывает “ничто” блага», которое лишено собственного «что», т. е. не имеет формы, а потому и смысла в привычном понимании [9, 253]. Еще раз: важно видеть, что пусть даже в форме «негативной аналогии» София сохраняет свою действенность.

Переводчик, интерпретатор, в чем-то даже последователь Хайдеггера, при этом оригинальный русский мыслитель, В.В. Бибихин постоянно обращается к термину «софия» в своих лекциях, посвященных философскому осмыслению жизни и живой материи (последняя понимается как «лес», дословный перевод аристотелевского «гиле»). Место ужаса будто бы более «мягкое» «странность»: «Но странность общий способ действия софии» [10, 250]. Возможно, однако, странность в чем-то ужаснее самого ужаса или является условием его возможности, или самой его сущностью — или еще неоднозначностью, противоречивостью (разве не странно говорить «ужасно рад» или «ужас как люблю»?). Дело в том, что «лес» (которому *странным* образом оказывается тождественной София) — это как бы игра, в которую человек втянут и приблизиться к пониманию которой сможет, лишь отказав себе в роли субъекта, способного «познать» (рассчитать, спрогнозировать) ее исход. «Странность» Софии — в ее движении к «годности», которая неутилитарна, не задана через потребность. «...Аристотель прав, что природа играет по-крупному, спаривание оказалось природе, софии нужно для того чтобы была эта предельная, собственно смертельная игра, а не наоборот. Если говорить по Пушкину и Леонтьеву,

то не “сложное цветение” для жизни, а наоборот, жизнь как предлог, повод для “сложного цветения”. Природе как бы *не интересно было* получать овцу клонированием, она устроила игру смиренной овечки и упрямого барана. Ученому почему-то пока интересно» [10, 147].

Итак, «софийность», изначальная и итоговая истинность, «спасенность», присущая, пусть даже как с трудом различимый «момент», всякому опыту человеческого хозяйствования; «бытие» как граница, одновременно замыкающая, хранящая всякое сущее в рамках его «имманентной сущности» и размыкающая, открывающая таковое его «трансцендентному смыслу»; «страшное место», «экзистенциальное настроение ужаса» — и в то же время безудержный энтузиазм и воля к событию; критика метафизики платонизма и перманентное повторение «платоновского жеста» как единственно философского; оценка капиталистической современности как радикального испытания и несовершенного откровения, пусть и в предельно негативной, нигилистической форме; наконец, принципиальное тождество философии и экономики, практикование «бездомности» (странничества, странности) как подлинного «домостроительства» — вот те мотивы, что очевидным образом (незвизая на все, подчас крайне существенные, расхождения) объединяют в общем движении отечественную и западную традиции мысли.

Итак, «София в супермаркете»... Скажут: что за ересь, что может быть у них, «Софии» и «супермаркета», общего? Формула М. Уэльбека «мир как супермаркет» применительно к современности, однако, вряд ли требует комментариев — указание на ведущую роль фактора потребления в экономическом процессе давно стало общим местом. Однако латинское «супер-» отсылает к греческому «гипер-» (кстати, ведь бывают еще и «гипермаркеты!»), а это именно тот префикс, который в русском передается как «пре-», в том числе при определении Софии как «Премудрости Божией». В «Столпе и утверждении истины» П. Флоренский обстоятельно анализирует смысл данного префикса, сообщающего выраженному корнем явлению характер «изначальности», акцентируя при этом, что отношение «предсуществования» нужно понимать метафизически, т. е. прежде всего нетемпорально: «Те, кто говорил о хронологическом “предсуществовании” Церкви, личности и т. д., — неизбежно отнимали у них их духовность, их надмирность, их особую, высшую природу, низводили их из Вечности во время, хотя бы и очень давнее, хотя бы и бесконечно давнее, подчиняли законам тленного бытия и обесценивали то, “ради чего сотворен мир”. <...> Напротив, православные, говоря о “предсуществовании” Церкви, личности и т. д., имели в виду именно полноту реальности, в них содержащейся» [11, 340]. Соответственно и значение термина (или, если

угодно, метафоры) «супермаркет» может трактоваться в диапазоне от унивокального (синонимического) до эквивокального (омонимического), включая промежуточную стадию аналогии — от «все есть только один и тот же, взятый в одном и том же смысле, супермаркет» до «есть супермаркет и супермаркет». Выбрать же «супермаркет» (в чем, конечно, есть доля провокации) в качестве означающего для местопребывания, даже наиболее подходящего места жительства Софии, помог один конкретный образ.

В 2008 г. К. Муратова снимает картину «Мелодия для шарманки», которая, как и другие ее творения, сразу же вызвала самые полярные оценки. Можно сказать, что одной из идей фильма было показать состояние мира, в котором софийное начало неудержимо стремится к точке своего полного исчезновения. Очевидно, что здесь оспаривается основное положение софиологической картины мира, как оно формулируется, например, С.Н. Булгаковым: «Вполне внеидейного или антиидейного бытия не существует, ибо это было бы чистое, пустое ничто, небытие *до* мироздания. Таковое же мы можем мыслить лишь в качестве предельного понятия, края бытия, “тьмы кромешной”, дна ада, метафизического ничто, но невозможно даже в мысли допустить, чтобы этой пустотой продырявлен был созданный Богом в Софии, хотя и извращенный в своем антисофийном состоянии, мир. Бунтующее ничто, хаотическая бездна не в силах переплеснуть свои мертвые волны через утвержденную Богом плотину бытия. Онтологическая основа мира заключается именно в *сплошной*, метафизически непрерывной софийности его основы: ведь эта же земля проклятия будет раем, когда станет “новою землею”. Это не значит, конечно, чтобы этот переход свершился без катастрофического переворота, разделяющего разные зоны: однако самая эта катастрофичность предполагает и некую непрерывность основы» [12, 200—201].

Конечно, можно сказать, что фильм Муратовой есть плод исторической рефлексии над Священным Писанием и, следовательно, предполагает таковое в качестве своей основы; но в то же время, разве основой основ христианской картины мира не является трактовка истины как внутриисторического, хотя и имеющего сверхисторическое значение, *события*, когда «рефлексия» оказывается не просто «интерпретацией», но коренным преобразованием исходного образа бытия? Ключ к толкованию дается в самом начале фильма: в вагоне электрички, где едут главные герои — бегущие от участи быть разлученными, будучи направленными в разные детдома, брат и сестра, — продают рождественские открытки, где «Дары волхвов», «Бегство в Египет», «Избиение младенцев царем Иродом» и т. д. предлагаются на *свободный выбор* покупателя; дальнейшее развитие истории поиска братом и

сестрой после смерти их матери своих отцов имеет вид (насколько здесь можно говорить о виде, т. е. «эйдосе»?) перманентной катастрофы. Рождество непосредственно оказывается Голгофой, бегство в Египет — тождественным избиению младенцев, София (вначале мертвая мать, затем неспособная, несмотря на все усилия, элементарно накормить брата сестра⁷), Христос-Логос (ребенок, которому грозит оказаться в интернате для слабоумных), Бог-отец (уличный музыкант, исполняющий «Разлука ты, разлука...» в Успенском переулке) безвозвратно теряют друг друга, а Святой Дух (воздушные шарики, оказавшиеся причиной (!!!) того, что сын так и не обрел отца, хотя был в двух шагах от него, — путь Христа оказывается буквально *апорией*, даже не лабиринтом) отлетает в пустые небеса, оставляя в яслях мертвое тело, где его найдут пастухи-пролетарии (икотой одного из них заканчивается картина). Иными словами, мы имеем как бы полный коллапс времени (путь Христа заканчивается в пункте его мертворожденности), принципиально имманентный апокалипсис (именно так, вслед за В. Беньямином, может быть описан мир в эпоху капитализма: «В том и состоит историческая неслыханность капитализма, что религия больше не является преобразованием бытия, но есть его превращение в руины. Разрастание отчаяния до уровня религиозного состояния мира, от которого-де ожидается исцеление. Трансцендентность Бога пала. Но он не умер, он ввергнут в человеческий удел» [14, 101]) — или, если угодно, тотальную «консумацию» сущего *без* какой-либо перспективы спасения. София без Логоса, Логос без Софии.

⁷ Рассматривая женственность в качестве главного атрибута «четвертой ипостаси», Булгаков говорит: «И все это вместе: Дочь и Невеста, Жена и Мать, Триединство Блага, Истины, Красоты, Св. Троица в мире есть божественная София» [12, 188]. Но почему нет Сестры? Вспоминается знаменитый гегелевский анализ «Антигоны», где обосновывается принципиальное превосходство отношений брата и сестры над прочими: «Но брат для сестры есть покоящаяся равная сущность вообще, ее признание в нем чисто и свободно от примеси природного отношения; поэтому безразличия единичности и нравственной случайности последней в этом отношении нет; зато момент признающей и признаваемой *единичной самости* может здесь утверждать свое право, потому что он связан с уравновешенностью крови и свободным от вожделения отношением. Потеря брата поэтому для сестры незаменима, и ее долг перед ним — долг самый высокий» [13, 243]. Вопрос об Антигоне (кстати, девственнице, сознательно приносящей в жертву свое возможное в будущем замужество и материнство) как наиболее истинном воплощении Софии пусть пока остается открытым. Что до потенциальной инцестуозности, то инцест, как показали Делез и Гваттари в «Анти-Эдипе», есть эффект Закона, Означающего, здесь же речь — о благодати. В любом случае, формула «братья и сестры» представляется наиболее точным отображением софийности социальных отношений.

Кульминационная сцена фильма происходит как раз в супермаркете (на этот раз — в буквальном смысле этого слова), где сестра решается на кражу хлеба, чтобы накормить-таки брата (все предшествующие попытки, несмотря на окружающее «общество изобилия», не увенчались ни чем). Кража: нарушение заповеди, морального закона — безусловный характер таковых, как мы знаем, диктуется необходимостью провести однозначную границу между свободой и природой. Это так, но применимо ли «не укради» к условиям «мира как супермаркета»? К происходящему стоит присмотреться пристальней. Фоном для кражи хлеба становится другая кража, гораздо более масштабная, но, и это отнюдь не парадоксальным образом, практически «честная» — вот мы видим толпу гламурных персонажей, подъезжающих к супермаркету на крутых тачках и затем набивающих карманы (и не только карманы) чем ни попадя: вином, деликатесами, всякими гаджетами — после чего их предводитель (тайно, чтобы не нарушать «эффект реальности») расплачивается по чеку и договаривается с охраной об уничтожении видеозаписи. Конечно, Муратову можно обвинить в грубом приеме: банда сытых бездельников и маленькие сироты, голодные и замерзшие... Дело в другом: радикальный гиперболизм оказывается способным утвердить некое принципиальное различие, которое можно сформулировать так — «кража», которая продается в супермаркете в качестве услуги особого рода, остается ли кражей? Конечно, да, если она снабжена «эффектом реальности» (а она им снабжена, как мы видели); в то же время, будучи «честно» приобретенной, эта услуга означает очевидную нечестность кражи именно в качестве кражи. Радикально имманентный характер «мира как супермаркета» заранее предполагает сугубую симулятивность любой трансценденции, предусмотренность трансгрессии по принципу «все включено»; прав Ж. Делез, говоря, что различие можно только подарить или украсть, это метарыночные процедуры. Вот почему кража хлеба показана Муратовой на фоне фактически *украденной кражи*, невозможности «честной кражи», поскольку таковая приняла форму своей противоположности — предлагаемой VIP-клиентам услуги. Что указывает на это в фильме? Разумеется, замечания сотрудников, комментирующих изображение голодной девочки на экране монитора, которая не удерживается и пытается есть хлеб прямо в зале: «Это, наверное, от нервов!», «Смотри, прямо настоящая пожирательница хлеба!». В самом деле, возможно, это личная и чисто случайная ассоциация, но девочка в этот момент напоминает... Ганнибала Лектора (в блистательном исполнении Энтони Хопкинса), эстета и маньяка-людоеда из суперпопулярного блокбастера «Молчание ягнят». Представляется все же, что аналогия имеет смысл: избыточно-барочный, извращенно-

фантазматический образ Лектора и, если угодно, совершенно безобразное, безыскусное (во многих отзывах на фильм говорится об «очень плохой игре детей») присутствие на экране монитора (как бы редуцирующего всякую художественность картины, своего рода «окно в реальность») голодной девочки, на глазах у зрителя из человека превращающейся в зверя. Напрашивается цитата из Ж. Делеза и Ф. Гваттари: «Мы мыслим и пишем даже для зверей. Мы становимся зверем, чтобы и зверь тоже стал чем-то иным. Агония крысы или казнь коровы остаются присутствовать в мысли — не из жалости, но в качестве зоны взаимобмена между человеком и животным, где от одного что-то переходит к другому» [15, 142].

Символично, кстати, что объектом кражи выступает именно хлеб; кстати, было бы вполне психологически убедительным выбрать что-нибудь «менее насыщенное», скорее даже излишнее, чем необходимое — но дело, конечно, не в «рациональности». Дело в том, что хлеб, жито — это как бы живая (и животворящая) материя самого нашего бытия, мать-сыра-земля, софийная основа мира, если угодно. В «Философии хозяйства» Булгаков говорит: «Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только легкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. <...> В своей совокупности это потребление мира, бытийственное общение с ним, коммунизм бытия, обосновывает все наши жизненные процессы. Сама жизнь в этом смысле есть способность потреблять мир, приобщаться к нему, а смерть есть выход за пределы этого мира, утрата способности общения с ним, и, наконец, воскресение есть возвращение в мир с восстановлением этой способности хотя бы в бесконечно расширенной степени» [1, 114].

Булгаковская позиция может быть дополнена любопытным анализом бытия-в-мире, который осуществил Э. Левинас: «После Хайдеггера мы приучились видеть в мире совокупность орудий. <...> Но от внимания Хайдеггера, похоже, ускользнуло одно <...>, а именно: прежде чем стать системой орудий, мир является совокупностью пищи. <...> Неверно, может быть, говорить, будто мы живем, чтобы есть, но не более верно и то, что мы едим, чтобы жить. Конечная цель акта еды заключена в пище. Когда мы нюхаем цветок, конечная цель этого действия ограничена запахом. Мы прогуливаемся, то есть дышим свежим воздухом, не ради здоровья — ради свежего воздуха. Все это разновидности питания, которыми характеризуется наше существование в мире. Это существование экстатическое, выходящее из себя, но ограниченное предметом. <...> Нравственность — “пищи земной” — это первая нравственность и первое самоотречение. Не последнее, но че-

рез него необходимо пройти» [16, 56—57]. И еще: «...для того чтобы описать бытие-в-мире, этот немецкий философ прибег к онтологической конечности, которой он подчинил объекты в мире. Видя объекты как “материал” в том смысле, в котором мы говорим о солдатах “человеческий материал”, он включил объекты в заботу о существовании (заботу быть), что для него является самой постановкой онтологической проблемы. Но он тем самым не смог признать изначальный мирской характер бытия-в-мире и искренность интенций. Не все, что дано в мире, — это инструмент. Еда — это припасы для тыловых офицеров; дома и кров для них — это “материальная база”. Для солдата же его хлеб — шинель и кровать — это не “материал”, они не существуют для... но являются целью» [16, 113—114]. «Только во времена нищеты и лишений тень потусторонней конечности, омрачающей мир, ложится на объект желания. Когда мы едим, пьем и греемся, чтобы не умереть, когда еда становится горючим... мир так же кажется находящимся у конца, перевернувшимся и абсурдным... Желание, конечно, не самодостаточно... но в онтологическом приключении мир — это эпизод, далекий от того, чтобы заслужить имя упадка, он имеет свое собственное равновесие, гармонию и положительную онтологическую функцию: возможность вырваться из анонимного бытия. Даже в тот момент, когда мир, казалось, исчезает, мы все равно принимаем его всерьез и совершаем разумные действия... проклятый человек все еще выпивает стакан рому. Звать это повседневным и обличать как неподлинное — это значит не признавать искренность голода и жажды» [16, 114].

В «Мелодии для шарманки» как нельзя точно показано, что акт «незаконного» присвоения хлеба автоматически является и актом *жертвенного отчуждения* — ну, хотя бы от своей «нравственной самости»; хлеб здесь не просто инструмент, средство «питания жизни», но и не «самоцель», а именно *само бытие* — и поэтому есть нечто «сверх-рыночное», хотя бы и на полке супермаркета... Тем не менее, мы видим, что сестра давится хлебом, т. е. сама материя, бытие изменяют ее существованию, становятся поперек горла (в кадрах хлеб то за стеклом, то на асфальте, то в целлофане, но только не в месте своего истинного назначения: «маркет» все время «обволакивает», симулирует — обкрадывает? — «супер»).

Пойманная на «месте преступления» сестра, узнав об исчезновении брата, падает на колени и восклицает: «Почему ты покинул меня?»; после сказанного едва ли разлуку можно трактовать как наказание за нарушение заповеди — напротив, имеет место «Гефсимания» в чистом

виде⁸. В своей книге об апостоле Павле А. Бадью трактует вопрос о соотношении закона и благодати следующим образом: «Сократить множество предписаний закона, поскольку с этим множеством заповедей соотносится в форме объектов смертоносная автономия желания. Требуется единственная утвердительная и в то же время не объектная максима — максима, которая не была бы возбуждением бесконечности желания посредством трансгрессии запрета; сделать эту максиму такой, чтобы для понимания она нуждалась в вере» [17, 76]. «Объектность» максимы — это, конечно, чистая «маркетология». *«Грех — это жизнь желания как автономия, как автоматизм. Закон требуется для высвобождения автоматической жизни желания, автоматизма повторения. Именно закон фиксирует объект желания и приковывает к нему “волю” субъекта, какой бы она ни была. Этот объективный автоматизм желания, немислимый без закона, предопределяет субъекта к плотскому пути смерти»* [17, 68].

Очевидно, что закон современного «общества потребления» фиксирует субъекта именно на бесконечном многообразии различий, т. е. способность к дифференциации оказывается самым смыслом системы потребительной стоимости; всякая остановка на чем-то тождественном интерпретируется в негативных терминах ригидности, консерватизма, насилия и т. п. При этом именно в качестве чего-то перманентно исключаемого, откладываемого и т. п. «нечто тождественное» мыслится как сам «принцип реальности» системы, генератор всяческих фантазов (для «безопасного» потребления которых в рамках современной «культуриндустрии» припасен, к примеру, жанр хоррора, порождающий продукты в диапазоне от «Помидоров-убийц» до «Техасской рез-

⁸ «В напоминании апостола Павла, что общество тело, в названии “братья и сестры” нет *ничего* от сравнения. <...> По этой причине не эгоистично себя спасать. Спасение ближнего, т. е. сначала тела, это через всеобщую связь спасение сразу всех тел, всякое движение из-за связи сдвигает вообще всю материю» [10, 51]. «Мелодию для шарманки» сравнивают с «Девочкой со спичками» Андерсена — следует отметить, что там тоже ее поведение пытаются объяснить исходя из принципа «экономической рациональности»: в сожжении спичек увидели элементарное желание согреться, хотя на деле было стремление увидеть умершую бабушку — подведение под потребительную стоимость (тепло) символического жеста (праздничная «годность», по Бибихину). Другой пример: в одном из своих ранних рассказов А. Грин описывает ситуацию, когда в вагоне поезда пассажир, наблюдая за заснувшей в неудобной позе случайной попутчицей, долго мучился, не решаясь поправить ее свесившуюся руку — «проблема права собственности», что называется; когда он все-таки решился, в ответ на приносимые извинения проснувшаяся девушка сказала: «Вот пустяки. Стоило вам беспокоиться... Спасибо», — и через несколько мгновений уснула опять...

ни бензопилой» — или, для интеллектуалов, «авторского» кино в духе Д. Линча, М. Ханеке и т. п.). Возможно ли в формуле «хлеба и зрелищ» знак конъюнкции поменять на обратный — «хлеба, а не зрелищ» (в мире, где только зрелищное является «хлебным»)? Не к этому ли отсылает интерпретация сущности потребления в «Философии хозяйства» Булгакова? «Но это изначальное тождество или единство природы получает наглядное и, можно сказать, аподиктическое удостоверение в факте *потребления*, в котором снимается грань между живым и мертвым, одушевленным и неодушевленным. В нем природа имеет удостоверение в возможности всеобщего одушевления. Следовательно, при всем различии и своеобразии элементов природы, форм материи и ее состояний, при полном признании *principium individuationis et differentiae*, природа едина, и это единство просвечивает в основной функции хозяйства — в потреблении» [1, 119].

Бодрийяр, анализируя общество потребления, говорит о том, что фетишизм как момент самой *структуры* извращения находится в основании всякого желания [18, 87]⁹. Мир-как-супермаркет: «Здесь обнаруживается нечто подобное *желанию, извращенному* желанию, желанию кода, желанию, которое нацелено на систематичность знаков именно потому, что такая систематичность отрицает, блокирует и изгоняет все врожденные противоречия процесса реального труда, — все происходит так же, как в предмете-фетише фетишиста, когда структура извращения организуется вокруг некой *меты*, вокруг абстракции меты, которая блокирует, отрицает и изгоняет различие полов» [18, 89—90]. Еще раз: «купленное» ограбление супермаркета осуществляется именно толпой извращенцев («кража» и является означением желанности предметов, самого предметного мира, «легальные» характеристики которого уже не возбуждают желания) и представляет самый способ бытия рынка, исполнение его закона и упразднение всякой благодати, уничтожение *самой сущности* хлеба (флегматичный хозяин магазина, когда ему показывают запись, обращает внимание на то, что

⁹ Смысл потребления по Бодрийяру: безграничное потребление — противоречиво, как желание одновременного уничтожения и сохранения, т. е. *гарантированного наслаждения*. Как если бы ожидалась интрига, приключение, даже метанойя, но — заранее обеспеченная границами некоего псевдодоздоса (подлинный эйдос скорее есть внутренняя граница рода, т. е. то, что делает его являемым, видимым со стороны, ввергнутым в историю — ср. Жижек о фильме Р. Бенини «Жизнь прекрасна» как ужасе нерождения в символический порядок). Антихрист и есть этот псевдодоздос (фреска Синьорелли), раздвигаемый характер границ, «не-страшность» этого места (кофе без кофеина, безопасный секс, религия как «клубное благо» — вынос различия в фигуру «террориста»).

черный заканчивается раньше белого, т. е. внимание сосредоточено в первую очередь на кодифицированных различиях, «ассортименте») ¹⁰.

¹⁰ В этом смысле, сама философия также рискует стать одним из поставщиков на «рынке идей». В своей книге «Что такое философия?» Ж. Делез и Ф. Гваттари говорят, что сегодня философию пытаются превратить в «приятную духовную коммерцию», способную «порождать консенсус мнений и создавать этику коммуникаций» [15, 128]; «Но, к счастью для новоевропейской философии, она столь же мало дружна с капитализмом, как античная философия — с полисом. Философия доводит до предела относительную детерриториализацию капитала, она переводит его в план имманенции как движение бесконечности и уничтожает как внутренний предел, она обращает его против себя самого, взывая к новой земле и новому народу. Но тем самым она получает непропозициональную форму концепта, где уничтожаются и коммуникация, и обмен, и консенсус, и мнение. Это скорее ближе к тому, что Адорно назвал “негативной диалектикой”, и к тому, что Франкфуртская школа обозначала как “утопию”» [15, 129]. Что до революции, то она «автореференциальна, т. е. обладает самополаганием, которое и постигается через имманентный энтузиазм, а в состояниях вещей и жизненном опыте ничто не может его ослабить, даже разочарования разума» [15, 131]. Как соотносятся эти «новая земля» и «новый народ» с Софией? — Ясно одно: безразличному умножению (псевдо-)различий капиталистического рынка ими будет противопоставлено нечто иное, страстное и живое (самое Единое-как-иное?).

С рассуждений о современном капитализме начинает свою книгу об апостоле Павле А. Бадью: «Имеется свободная циркуляция лишь того, что поддается счету, — и, прежде всего, капиталов, того, с чем считаются. Свободная же циркуляция не поддающейся счету бесконечности, представляющей собой уникальную человеческую жизнь, находится под запретом. Безусловно, капиталистическая абстракция представляет собой сингулярность, но такую, которая не считается ни с какими особенностями, сингулярность индифферентную как к непрерывной бесконечности существования, так и к событийному становлению истин. С другой стороны, имеет место процесс фрагментации закрытых идентичностей и формирования культуралистской и релятивистской идеологии, сопровождающей эту фрагментацию» [17, 12]. Этой «глокализации» (анти-событийному характеру которой во многом поддалась и современная философия с ее культом «друговости», ставшая тем самым неософистикой) и противопоставляется Бадью универсализм истины: «Капиталистическая логика общего эквивалента и логика культурной идентичности общин или меньшинств образуют упорядоченное единство. Эта упорядоченность представляет собой принуждение по отношению ко всему процессу истины. Она органически лишена истины. С одной стороны, всякий процесс истины пребывает в разрыве с аксиоматическим принципом, который управляет ситуацией и организует в ней повторяющиеся ряды. Процесс истины прерывает повторение и, следовательно, не может поддерживаться абстрактным постоянством единиц счета. Истина всегда остается вне счета. Никакая истина, стало быть, не может поддерживаться гомогенизирующей экспансией капитала. Но, с другой стороны, процесс истины тем более не может корениться в идентич-

В авторских комментариях к фильму К. Муратова подчеркивала, что причина гибели детей — не чья-то злая воля, но лишь фрагментированность социума: нехватка времени, внимания, умения или желания вникнуть в ситуацию, взять ее под контроль. Не есть ли это метафора рынка — не просто как экономического института, но как принципа общественного устройства? Процесс перехода от одной равновесной ситуации к другой, так сказать, «избирательная софийность» — брат и сестра просто вытесняются с рынков, одного за другим, конъюнктура не в их пользу. Прекрасная иллюстрация к неолиберальному тезису о онтологической невозможности и этической несостоятельности принципов социальной справедливости (Ф. Хайек, Р. Нозик). На этом фоне тотального разлада Софии (вместо бибихинского леса-

ном. Ибо — если верно, что всякая истина возникает как сингулярная — ее сингулярность непосредственно доступна для универсализации. Универсализируемая сингулярность с необходимостью порывает с сингулярностью идентичности» [17, 12—13].

Следует отметить, что речь не идет о простом противопоставлении философии тождества и философии различия — как, к примеру, «классической» и «(пост)модернистской»; дело касается того *режима*, в котором эти высшие категории соотносятся друг с другом. Это же, кстати, касается и понятий имманентности и трансцендентности. К примеру, есть единство «имманентного плана», в котором умножаются различия, подчиняющиеся капиталистической рыночной аксиоматике, и есть *отличное от него* единство, скажем, «шизофренического», «революционного» или «софийного» (как бы ни протестовали против такого сближения!) процесса, иным образом производящего различия (например, «истинностные процедуры» и «родовые множества» Бадью). Вот показательная интерпретация духа христианства С. Жижекком: «По этой причине христианство, именно в силу Троицы, есть единственно верный монотеизм: урок Троицы в том, что бог полностью совпадает с разрывом между богом и человеком, что бог ЕСТЬ этот разрыв — таков Христос, не Бог потусторонней жизни, отделенный от человека неким разрывом, но сам разрыв как таковой, разрыв, одновременно отделяющий бога от бога и человека от человека. Этот факт также позволяет нам увидеть то ложное, которое присутствует в левинасовско-дерридеанской Инаковости: она является прямой противоположностью такому неизбежному (*inherent*) в разрыве в Едином удвоению Единого — утверждение Инаковости ведет к скучной монотонной одинаковости самой Инаковости» [19, 42]. Отсюда «свобода — это не блаженно-нейтральное состояние гармонии и равновесия, а сам насильственный акт, который нарушает такое равновесие. Буддистское (или индуистское, если на то пошло) всеобъемлющее сострадание должно быть противопоставлено христианской *не-терпимой, насильственной* Любви. Буддистская позиция — это, в конечном счете, позиция равнодушия, подавления всех страстей, тогда как христианская любовь — это сильная страсть к внесению Различия, разрыва в порядок бытия, наделяющая привилегированным положением и возвышения одного объекта за счет других» [20, 380].

автомата — «каменные джунгли» всеобщего «расписания») особенно симптоматично выглядят персонажи О. Табакова и Р. Литвиновой — пара, которая выражает желание усыновить «чудесного мальчика», но... муж спешит в командировку, а жена, не найдя «подарок» в условленном месте, автоматически переключается на прочий *шопинг*. Пара, олицетворяющая «эйдос» благотворительности, или *псевдовоскресения*: принципиальны здесь и случайность находки, и сентиментальность, и нехватка времени, и готовность препоручить исполнение акта третьим лицам... Но сей «хэппи-энд» (к счастью или к несчастью, по вине служебного персонала супермаркета — ангельской или демонической силы?) минует Христа-Никитушку...

Финалом картины, как уже говорилось, выступает приступ икоты, поразившей одного из нашедших мертвого младенца Иисуса «пастухов». Что это, чистый избыток Логоса по ту сторону Софии — или, наоборот, его нехватка, неспособность «выразить» позитивную потенцию мира? «Нерифмовка» и Софии и Логоса — друг с другом и сами собой? Указание на конец истории, сигнал зрителям расходиться — или намек на то, что «продолжение следует»? Икает тот из рабочих, кто вечно говорит невпопад; еще икают, наевшись хлеба всухомятку — или от смеха. Вот что С. Жижек говорит о сущности христианства: «Когда умирает Христос, вместе с ним умирает тайная надежда, заметная в его словах “Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?”, надежда на то, что ЕСТЬ отец, который покинул меня. “Святой Дух” — это сообщество, лишенное поддержки в большом Другом. Смысл христианства как религии атеизма — не в вульгарно-гуманистическом обожествлении человека, при котором обнаруживается, что человек — это тайна Бога (как рассуждал Фейербах и др.); христианство атакует религиозное ядро, которое выживает даже в условиях гуманизма, вплоть до сталинизма с его верой в Историю как “большого Другого”, определяющего “объективный смысл” наших поступков» [19, 303].

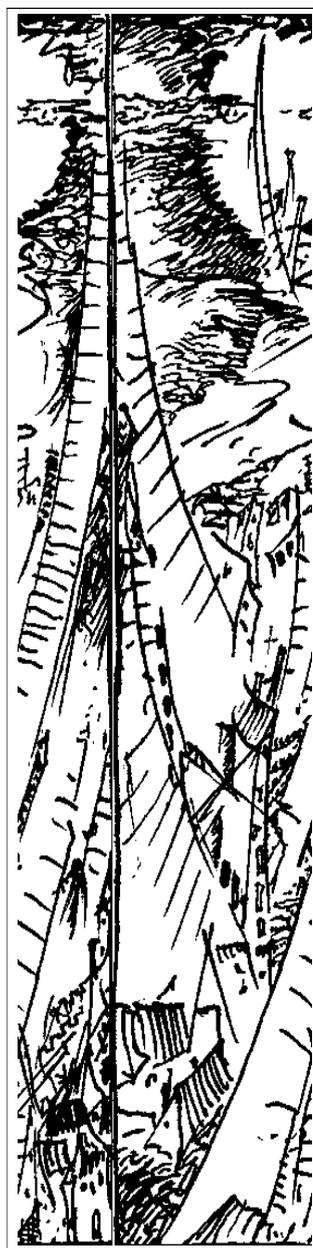
Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. Т. 2. М.; СПб., 1999.
3. Лосский В.Н. Богословие и Боговидение. М., 2000.
4. Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб., 2005.
5. Аверинцев С.С. София — Логос. Словарь. К., 2006.
6. О началах. Сочинение Оригена учителя Александрийского (III в.). Рига, 1936.

7. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995.
8. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
9. *Черняков А.Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001.
10. *Бибихин В.В.* Лес (hyle). СПб., 2011.
11. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2002.
12. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1999.
13. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб., 1992.
14. *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012.
15. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.; СПб., 1998.
16. *Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
17. *Бадью А.* Апостол Павел. Обоснование универсализма. М., СПб., 1999.
18. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2003.
19. *Жижек С.* Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009.
20. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.И. КОРНЯКОВ

Экономика гипоксии

Аннотация. Раскрывается как производительность живого труда ассимилируется социумом и что прекратило эту нормальную ассимиляцию. Показываются непереносимые потери этого прекращения.

Ключевые слова: производительность труда, цены, сверхприбыль, предприятие, экономия, издержки, технологические процессы производства.

Abstract. It is revealed as the productivity of labour is assimilated by the society and what stopped this normal assimilation. It is showed its unbearable losses of this stopping.

Keywords: productivity of labour, prices, superprofit, enterprise, economy, cost, technological processes of production.

Странную картину являла бы наша современная экономика внешнему (скажем, межпланетному) наблюдателю. Вот уже более полувека на экономическом корабле утрачиваются ходовые качества — это тревожно осознается, и идут кампаниями сменяющие друг друга ремонты. Но при этом занятые ремонтами субъекты экономики не обращают внимания на то, что сама двигательная установка работает на свисток. Бригады ремонтников в человойнике сменяют друг друга, пыль столбом, а работа двигателя впустую, невесь для чего, — неприкасаема, как заколдованная.

В СССР, в РФ все идет по этой схеме, начиная с отказа СССР во второй половине 1950-х гг. от сталинской экономики. Косыгинская реформа и другие новации, переход к капитализму, наконец, «Стратегия — 2020» — все по формуле, обратной шекспировскому «много шума из ничего»: ничего из многошумья.

Теперь впору приступить к разъяснениям. Общеизвестный двигатель экономики (и главный претендент на статус критерия общественного прогресса) — рост производительности труда. Хотя кое-кто из экономистов и ворчит, я не встречал каких-либо предложений специалистов насчет его полноценного заменителя. Речь-то идет о пополнениях самой материи экономики. Встретить таких специалистов, открывших другой, альтернативный производительности труда источник роста действительного богатства, вряд ли удастся чаще, нежели убежденных сторонников плоской формы Земли. Но зададимся «детским»

вопросом: как именно, каким образом (способом) в экономике «работает» данный двигатель? Точнее: как происходит ассимиляция экономикой производительности труда, ее усвоение социумом как своих становящихся «тела и крови»? В результате каких действий-преобразований производительность труда входит в «плоть» экономики, становится ее новой, ранее в ней не присутствовавшей материей?

Ассимиляция роста производительности в традиционной экономике. Все понятно-просто в традиционной экономике. Изменение рождается в весьма узких, хорошо просматриваемых рамках трех простых моментов труда как целесообразной полезной деятельности. В них всегда наличествует определенная *производительная сила* данного полезного конкретного труда — его «мощь» произвести то-то и столько-то (единиц изделий), создать намеченное трудовыми приемами, востребуемыми «фактурой» данных предметов, средств труда и данного изготавливаемого продукта. И определенная *производительность* — отношение этой «мощи» к затрате работниками своих рабочих сил: то-то и столько-то ценой столько-то рабочих часов, дней. Здесь, на простейшем уровне, становится ясно, что есть три корневых способа передачи социуму эффекта повышения производительности. Один — добавочная производительная сила. Два других — добавочной продукцией и сэкономленным временем. Они не параллельно-одновременно действующие, а альтернативные. Если передача идет добавочной продукцией, невозможно получить ее также и сэкономленным временем: оно уже истрачено на дополнительное производство. А если социум получает сэкономленное время, он уже не имеет добавочной продукции. Очевидно также, что может происходить «раздел» общего эффекта между разными. Однако в современном социуме ассимиляция экономикой и обществом эффекта повышения производительности труда происходит с огромными усложнениями.

Рост производительности труда, происходящий на индивидуальных предприятиях, ассимилируется обществом в настоящее время по двум направлениям или в двух зонах.

Первая зона ассимиляции производительности. Современный переход во вторую зону. Первая зона — это экономические действия по поводу роста выработки на самом предприятии, где повысилась производительность. На этом предприятии во-первых, может быть произведена дополнительная продукция. Но для нее нужно найти сбыт, что непросто — имеются сдерживающие ограничения. Во-вторых, фирма может высвободить некоторую часть работников текущего производства, использовать их на других работах или даже уволить. Как бы то ни было, социум получает заводской эффект в виде добавочной мощности, продукции и высвобожденного живого труда.

Однако заводской эффект производительности труда в современной экономике — это мизер относительно второго направления ассимиляции повышения производительности труда — через изменения в технологической цепочке обработки, к которой относится данное предприятие.

В итоге непрерывного развития *общественного технологического процесса производства* (ОТПП) нормой сегодняшней экономики стала принадлежность предприятия той или иной длинной технологической цепочке обработки (иногда — двум или нескольким). Сегодня не предприятие, а именно такая цепочка стала производителем конечного продукта. Отношение принадлежности предприятия такой цепочке исследованы теорией недостаточно. Мне представляется, что это особый, специфический тип отношений, не «схватываемый» разработанными наукой понятиями. Более всего здесь применима трактовка православной Троицы в гениальной иконе А. Рублева как синтеза неотделимости и неслиянности. Предприятие как отдельный-изолированный объект экономически не существует, ибо его производство и продукция на 100% входят в «организм», в «обмен веществ», созидающий определенное конечное изделие, абсолютно не изолируем от него, примыкает к нему всеми своими фибрами. Вне этого соучастия в создании определенного конечного изделия в современном предприятии в типическом случае не остается ничего. Ни говорить, ни мыслить этим предприятием в каких-то других сторонних (относительно всей цепочки) аспектах бессмысленно. Полнейшая неотделимость от «своей» цепочки. И в то же время — отдельность, неслиянность ни с цепочкой, ни с какими-либо ее звеньями. Отдельная самостоятельность и в то же время органическая часть более высокого целого. Функционирование в составе цепочки каждого предприятия абсолютно обязательно для нормального функционирования всей цепочки. А если исходить из современного уровня техники-технологий, то такой же обязательностью для всей цепочки заводов обладает труд отдельного работника каждого завода. Другой иллюстрацией может быть сложный биологический организм и его органы — например, человеческий. К примеру, мозг человека. Его можно соотносить лишь с определенным организмом, вне системы организма он не обладает никаким существованием-функционированием. Будучи всегда неслиянным с организмом, он всегда неповторимо-индивидуален.

Современное производство являет собой ОТПП как сложнейшую систему взаимосвязанных технологических цепочек, в которой каждая цепочка функционирует в таких же отношениях неотделимости-неслиянности со всем ОТПП, в каких со «своей» цепочкой находится индивидуальное предприятие. Это раскрывает, что произошла объек-

тивация (термин С.Н. Булгакова) современного работника и его производительности (через свою принадлежность определенной технологической цепочке ОТПП) в масштабе всей экономики.

Из этих теоретических подходов следует, что главной сферой общественной реализации какой бы то ни было деятельности отдельной фирмы, в том числе в повышении производительности живого труда, является не предприятие, а технологическая цепочка и через нее — вся экономика. Как ни странно, сейчас этот путь, судя по научной литературе и по политике властей, никого не интересует. В чем именно он состоит?

Из предприятия, в котором повышена производительность живого труда, в ту сферу, принадлежностью которой является данное предприятие и в которой призвана состояться-реализоваться главная экономическая и социальная отдача указанного повышения, ведет всего один путь, тропа, нить. Это — снижение отпускной цены соответственно снижению издержек.

Такой же точно путь пролегал и в старом капитализме классической эпохи. Но тогда о поддержании-обеспечении этого пути никому (в том числе и государству, и предпринимателям) не приходилось беспокоиться, озабочиваться. Он весьма надежно обеспечивался автоматически действовавшими механизмами рынка. Когда на заводе применялось новшество и увеличивалась производительность-выработка, на нем уменьшались издержки на производство продукции того же самого физического объема, но рынок жестко сохранял отпускную цену прежней: он устанавливал ее сразу для всех производителей данного товара. Возникала избыточная прибавочная стоимость, которая в конкретных отношениях выступала сверхприбылью. Но потом конкуренция вынуждала к применению того же новшества второго, третьего, а далее и основную массу капиталистов данной отрасли. У каждого понижались издержки. Поэтому общественная (средняя) стоимость продукции уменьшалась, а с нею понижалась и рыночная отпускная цена. Разность между денежными значениями стоимости и отпускной цены данной продукции исчезала (объективный статус общественной стоимости поддерживался связью денег, особенно кредитных, с золотом). Данные механизмы, с одной стороны, позволяли предпринимателям временно попользоваться ростом производительности (на их же предприятиях) для получения добавочного дохода, что и было в тот период основным стимулом к ее повышению. С другой стороны, те же механизмы избыточной прибавочной стоимости способствовали развертыванию экономической и социальной ассимиляции роста индивидуальной-локальной производительности труда всем капиталистическим производством и всем обществом. На этом пути именно вся экономи-

ка, все общество получает, может получать главный эффект роста производительности труда в виде уменьшенной цены. Причем это уменьшение цены ничего бы не значило, если бы не последующие процессы материализации приростов производительности в экономике и социуме.

Первый процесс ассимиляции производительности. Первый процесс заявляет о себе прямо по ходу развертывания экономического движения по указанному выше единственному пути. В современном социуме этот путь в связи с гигантским развитием ОТПП чрезвычайно удлинился: исследования «цепочек приращения стоимости» столкнулись с тем, что даже для относительно простых, казалось бы, продуктов речь стала идти о сотнях стадий обработки. Но он также и уплотнился: с развитием отношений неотделимости-неслиянности каждое повышение выработки у самого удаленного (от выпуска конечного изделия) работника является (в сущностном аспекте) участием во всем производстве всей технологической цепочки. Установившаяся сущностная целостность процесса постепенно реализуется-завершается последовательным движением конкретных отношений. Допустим, на инициативном предприятии № 1 рост выработки выразился в снижении издержек на 1000 денежных единиц, что повлекло соответственное уменьшение отпускных цен, и в итоге завод № 2 приобрел продукцию завода № 1 с экономией в эти же 1000 ед. Поэтому заводу № 2 его продукция обошлась на 1000 тех же единиц дешевле. Так же и с заводами № 3 ... № 10 и до предприятия цепочки, выпускающего конечное изделие, — тоже с экономией тех же 1000 ед.

На всех предприятиях — не номинальная, а совершенно реальная экономия овеществленного труда: функционируют средства производства, которые стали стоить дешевле. В силу этого образуется крупнейшая общественная экономия. Ее суммарные размеры зависят от двух параметров. Во-первых, от исходной величины экономии издержек вследствие повышения производительности труда на предприятии № 1. Во-вторых, от стадийности. Чем больше стадий, тем выше сумма этой вторичной экономии овеществленного труда (динамической ренты) в масштабах каждой цепочки, а для совокупности повышений индивидуальных производительностей — в масштабах ОТПП. В нашем примере при десяти стадиях экономия будет 10000, при 20 — 20000.

Такова плодотворность (щедрость) производительности живого труда в наше время. На всего-то единицу, потребовавшую усилий (и при недопущении ее проглатывания частным собственником) 10—20 и более единиц абсолютно подарочных безо всяких усилий. Надо обладать выраженной враждебностью к судьбам своей экономики, страны, чтобы сознательно пресекать объективный процесс образования этого

как бы дарового, не требующего никаких ни жертв, ни просто напряжений ресурса развития социума, кратно превышающего то, что в виде сверхприбыли «съел» частный предприниматель завода № 1. Реальное богатство льет дождем. Тем более что к нему объективно положены (можно сказать, самой Природой) крупные сверхподарки социуму, почему-то не принимаемые в расчет некоторыми исследователями. Вынужден еще раз сказать о них. Дело в том, что на единицу обычной, нормальной первичной экономии издержек в I подразделении кольцом Маркса («производством средств производства для средств производства») накручивается еще три, а в масштабах обоих подразделений — все четыре сверхдобавочные сверхподарочные такие же единицы сверхэкономии. Для масштаба использованного числового примера это 3000 и 4000 тех же условных единиц. Правда, не в одном, а в ряде кругов. Но на базе все одного и того же повышения производительности живого труда в № 1. Зато опять же бесплатно и прямо-таки не за что (за устройство, структуру общественного производства). Но этот эффект обязателен для масштабов всего общественного производства. Когда же рассматривается отдельная технологическая цепочка, он не может заметно сказаться.

Что могут этому противопоставить сторонники сегодняшней экономики с неснижающимися ценами, т. е. с перекрытой тропой ассимиляции роста производительности труда? Сторонники пресловутой рыночной экономики?

Ради одного только первого процесса социуму наших дней есть все смыслы немедля, не теряя ни минуты бросится на реформирование экономики. Но имеются еще второй, третий, четвертый...

Второй, третий, четвертый процессы. Второй процесс — это перестройка на предприятиях, участниках технологической цепочки, на которые привнесено (показанным выше способом) удешевление производства. Трудно себе представить, чтобы это событие проходило на предприятиях незамеченным их благодуществующими-дремлющими работниками и менеджментом. Как правило, на таких предприятиях возникают-проходят те или иные встречные акции рационализации и модернизации их производств. Даровые, как бы «подарочные», ресурсы почти всегда инициируют заинтересованное изыскание, мобилизацию, присоединение и использование собственных источников для более широких мероприятий совершенствования техники, технологий и организации производства. Приходит в развивающееся технико-технологическое движение обширная сфера предприятий промежуточных и конечных продуктов — участников-звеньев длинных технологических цепочек обработки.

Третий процесс — это уже итог полного прохождения той же экономией издержек (первым процессом) всех своих наперед детерминированных движений в составе ОТПП с материализацией в ценах конечных товаров. Конечные изделия — те, которые выбывают из экономики в сферу личного потребления и окончательного использования. Это предметы личного и общественного непроизводительного потребления, на практике включающие произведенное оружие. Средства труда не являются конечными изделиями: представленный в них общественный труд возобновляет участие в процессах производства и общем движении затрат-результатов труда.

Затраты живого труда данного года обязательно материализуются в конечных изделиях, но не сразу, а на протяжении ряда будущих лет. С другой стороны, в любом определенном году покидают экономику в облике конечных изделий затраты труда многих прошлых лет. Современная информатика так или иначе позволяет высветить конечное отношение: повышение производительности живого труда в конкретной точке ОТПП — удешевление вполне определенных конечных продуктов. В экономике дороговизны предприятиям безразлично, на кого свалятся повышенные ими цены. Другое дело — в экономике снижающихся цен. Здесь знание, на ценах каких конечных изделий «аукнется» понижением данное повышение производительности труда, может инициировать позитивный экономический интерес.

Таким образом, экономика внутренне тяготеет предстать в глазах всех членов общества тем, чем она действительно является — средством обеспечения их жизни. Труд каждого предстал бы в его социально-экономическом значении для жизни общества. Перед социумом раскрылись бы новые горизонты мотивации и стимулирования труда всего общественного производства.

Новые возможности открылись бы и в аспекте определения, выявления не только социальной, но и экономической эффективности производства. Когда на предприятии знают, уровни цен каких промежуточных и конечных изделий общественного производства определяются трудом их работников, представление об эффективности их труда получило бы впечатляющий предметный облик.

Четвертый процесс ассимиляции социумом повышений производительности живого труда — долговременное многолетнее образование всей совокупностью повышений производительности живого труда самого, по-видимому, крупного-мощного из народнохозяйственных процессов — открытого К. Марксом цикла оборотов основного капитала, обеспечивающего его обновление *in nature* очередным поколением средств труда.

За длительный многолетний период времени в роли предприятия № 1 перебивают, и не раз, все предприятия — звенья соответствующих технологических цепочек. Смогут быть произведены новые средства труда, каждое из которых сосредоточит собой многие технологические цепочки обработки. Они станут предпочтительнее (по производительности и эффективности) функционирующих средств труда текущего производства. На этой основе должна происходить нормальная органическая смена одного поколения техники-технологий общественного производства другим, следующим. В РФ этот объективный механизм самообновления производственного аппарата сейчас утрачен, усиливается массовое устаревание несменяемой техники производства. Без возврата к нормальному воспроизводству основного капитала через циклы оборотов основного капитала стране не выжить.

Резюме. Итак, современная экономика объективно устроена так, чтобы ассимиляция повышений производительности живого труда проходила в ней, главным образом, не в границах тех предприятий, на которых они поимели место. Эти повышения объективно должны трансформироваться в (см. первый процесс) громадные даровые экономии овеществленного труда, снижения издержек в широком общественном масштабе, многократно превышающем сбережения живого труда на инициативных предприятиях. Прямая ассимиляция на предприятиях — все более жалкий мизер, свисток в сравнении с эффектом общественным. Да еще другие общественные ассимиляции (второй, третий, четвертый процессы, рассмотренные выше).

У капитализма классической эпохи не было проблем с ассимиляцией его экономикой и социумом повышений производительностей живого труда. Функционировали обе зоны такой ассимиляции. Регулярно-систематически предприниматели временно «вкушали» избыточную прибавочную стоимость, но далее она через обязательное уменьшение отпускной цены самоликвидировалась, и процесс ассимиляции нормально переходил в общехозяйственную зону, в которой обретал многолетний характер и завершался очередным обновлением *in nature* основного капитала. Однако сегодня отпускных цены не уменьшаются. Сегодня единственный путь к ассимиляции производительности живого труда общехозяйственной зоной — снижение отпускных цен соответственно росту производительности живого труда — прекращен, закрыт напрочь. Если сравнить повышение производительности с дыханием социального организма, то у современного общества оно перетянута, перекрыто, перерезано. И российское, и современные западные общества живут-функционируют в состоянии трагически усиливающейся экономической гипоксии.

Вползание в экономическую гипоксию, в прекращение ассимиляции роста производительности живого труда — основной факт социально-экономической действительности нашего общества. У нашего социума как бы перерезаны сосуды, он лишается жизненных сил, истекает ими и пока что спасается сырьевым экспортом. Он сейчас принципиально уже не может опереться на рост производительности труда, даже если бы добился такого (хотя пока ничего серьезного для этого все еще не предпринято): ему попросту нечем его ассимилировать. Перспективы таких экономик не вызывают сомнений: общая неостановимая стагнация и сминание. Причем данная ловушка удушения-обескровливания почему-то до сих пор вот уже примерно полвека даже не замечается ни экономистами, ни государством. Так, ей не уделяют ни наималейшего внимания участники обсуждения модных сегодня неоллиберализма, неолиберализма, неолиберализма, других новейших теоретических веяний.

Возможно, один из самых поразительных феноменов в том, что предприниматели страны словно бы из кожи вон лезут — лишь бы удушить собственную экономику. Добившись повышения выработки и получив снижение издержек (на выпуск продукции того же самого физического объема), они и не помышляют действовать соответственно научной логике этого замечательного факта: назначить соответственно пониженную цену. Куда там! Никаких мыслей о том, что своим произволом прерывают естественнейший процесс последующей грандиозной экономии овеществленного труда, совершенствования производства в I подразделении, течение цикла оборотов основного капитала... Один только глотательный инстинкт, причем сразу, здесь и сейчас! Что мало не на «ура» воспринимается наукой и обществом. Экономическая гипоксия явно спеленала уже и миропонимание, мышление, волю нашего социума. Получается, следуем строфе стихотворного эпиграфа участника цусимской битвы к знаменитому роману: «Вперед, на погибель, вперед!».

Любое реформирование экономики соответственно любой из ее теоретических моделей обречено, пока не раскупорено нормальное кровообращение народного хозяйства. Его можно вернуть единственным способом — переходом к экономике снижающихся цен, созданием сквозной заинтересованности всего производства в уменьшении отпускных цен соответственно снижению издержек как выражения роста производительности труда. Конечно, в обрамлении ряда реформирующих мероприятий, о которых я не раз говорил, писал.

И.В. ЕФИМЧУК

Капитализация активов — поиск ресурсов развития

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перехода к новому режиму накопления капитала, приводится критический анализ идеи де Сото о капитализации жилой недвижимости для обеспечения экономического роста отсталых стран.

Ключевые слова: экономическое развитие, капитализация недвижимости, реальные активы, виртуальные активы.

Abstract. The problems of transition to the new regime of capital accumulation are considered in the article, the critical analyses of de Soto's idea of residential real estate capitalization to ensure economic growth in developing countries.

Keywords: economic development, real estate capitalization, real assets, virtual assets.

В середине XIX в. представитель старой исторической школы Б. Гильдебрандт в разработанной им на основе способов обмена трехстадийной периодизации общества назвал высшей стадией кредитное хозяйство. Кредит как механизм, снимающий нехватку денег и предоставляющий всем желающим доступ к капиталу, в его представлении выступал источником неограниченных возможностей одновременно и для экономического развития, и для справедливой социальной организации, сглаживающей различия между богатыми и бедными. В процессе развертывания индустриального хозяйства развитые страны, а затем и весь мир столько раз сталкивались с финансовыми пузырями, надутыми чрезмерными кредитными вливаниями в экономику без учета ее реальных ресурсов, что эйфория по поводу безграничных возможностей кредитного хозяйства заметно убавилась. Хотя в конце XX в. в экономической науке появился яркий последователь идей Б. Гильдебрандта, предлагающий с помощью кредита решить и проблемы экономического развития стран периферии, и проблемы сокращения социальной дифференциации — перуанский экономист Э. де Сото.

Целостная концепция де Сото включает в себя три положения.

1. Необходимость как можно более простого, дешевого и быстрого оформления в собственность людей, в большинстве своем горожан в первом поколении, той незаконной недвижимости, которую они самовольно возвели на неиспользуемой государственной земле. Этот тезис, относящийся к развивающимся странам, переживающим последние десятилетия массовую волну переселения недавних крестьян в города, абсолютно рационален и не вызывает никаких вопросов. Отдельные

ситуации, в которых может возникнуть серьезный конфликт между частными и общественными интересами, являются исключением из общего правила и в каждом случае требуют конкретного решения.

2. Возможность получения кредитов под залог недвижимости, оформленной в собственность самовольных застройщиков. Не каждый новый собственник воспользуется такой возможностью, но для желающих владение даже самыми дешевыми материальными активами может повысить шансы на доступ к кредитным ресурсам.

3. Обещание экономического бума, который последует за легализацией недвижимости, оформлением ее в частную собственность и последующей капитализацией. С точки зрения де Сото, именно такой механизм привел к процветанию страны Запада, и он же обеспечит подъем остального мира.

Еще недавно эти идеи находились на пике популярности, а книга, в которой они были изложены, превозносилась как величайшее достижение современной экономической мысли: «замечательная», «потрясающая», «наиважнейшая», «первоклассная» и «новая программа изменений, способная принести пользу всему миру» [1, 10—11]. Правда, рекомендации де Сото оказались реализованными не в отсталых странах, которым он предлагал легализацию и капитализацию жилой недвижимости в качестве механизма стимулирования экономического роста, а на передовом крае капитализма — в Соединенных Штатах. У американцев не было необходимости осуществлять первую часть плана (легализацию), они сразу приступили ко второй (капитализации) и наглядно продемонстрировали всему миру, чем способна закончиться «новая программа изменений» по рецептам де Сото.

Трудно понять, чего больше — наивности или благих намерений — было в программе профессионального экономиста мирового уровня, который искренне утверждал, что «отсутствие частной собственности объясняет, почему граждане стран «третьего мира» и бывшего соцлагеря не имеют возможности заключать прибыльные соглашения с иностранцами, почему они не имеют доступа к кредиту, страхованию и другим полезным услугам. «...Поскольку они не рискуют утратить собственность, в качестве участников соглашений их могут серьезно воспринимать только родня и хорошие знакомые. Соответственно граждане развитых стран могут вступать практически в любые соглашения, но платой за это является принятие обязательств. А надежность обязательств обеспечивается недвижимостью, которая может быть взята в залог, конфискована и т. п., которая, иными словами, может гарантировать законные интересы другой стороны» [1, 63]. «Граждане развитых стран» уже более столетия не рискуют и не собираются рисковать жилой недвижимостью, отказавшись от ее использования как

обеспечения в предпринимательской деятельности. Для этого была придумана такая организационно-правовая форма бизнеса, как общество с ограниченной ответственностью (Ltd-company), которая сегодня является самой распространенной именно по причине ее удобства и максимальной безопасности для предпринимателя. Что касается экономического бума, который должен последовать за массовой капитализацией жилья, то он действительно состоялся, но, во-первых, практически полностью носил потребительский характер, и, во-вторых, закончился надуванием финансового пузыря на американском рынке недвижимости, его громким «схлопыванием» и последующим развитием мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг.

В полном соответствии с рекомендациями де Сото американцы сделали жилую недвижимость «товаром-сокровищем, главная функция которого состоит не в удовлетворении потребности населения в жилье, а в сохранении и приумножении той стоимости, которая находится в распоряжении» [2, 7—8]. При этом новые домовладельцы рассматривали «растущую капитализацию своей недвижимости как источник дополнительного дохода — за счет ее нового залога, сдачи свободной жилплощади в наем или путем ее реализации на рынке жилья» [2, 10]. Объем кредитных средств, которые американские домохозяйства могли получить, заложив недвижимость на рынке, вырос с 627 млрд дол. в 2001 г. до 1,4 трлн в 2005-м. В результате всего за шесть лет американцы получили около 5 трлн дол., которые были потрачены на потребление, и спровоцировали рост спроса по всему миру [3, 22].

Эйфория потребительского бума в долг под залог жилой недвижимости закончилась так, как и должна была завершиться по всем экономическим законам. Если права собственности нужны не для того, чтобы их иметь, а для того, чтобы их тут же заложить в надежде на будущее обогащение, то собственникам необходимо было учитывать и риск возможного разорения, о котором они, похоже, даже не задумывались. После падения цен на недвижимость и «схлопывания» финансового пузыря на ипотечном рынке наступило отрезвление. «По некоторым оценкам, с момента начала экономического кризиса, жилье потеряли более 5 млн. домовладельцев — граждан США, которые мечтали воплотить в жизнь Американскую мечту, и до 2015 г. к их количеству прибавится еще около 15 млн» [4, 58]. Можно только порадоваться за владельцев домов в Перу, Египте, на Филиппинах и в других странах, которые хотя бы не испытывают на себе процедуру конфискации жилья, отчужденного за долги¹.

¹ Это не отменяет второй стороны проблемы, в отношении которой де Сото абсолютно прав — необходимости легализации возведенного жилья. Его

Еще до ипотечного кризиса США всему миру был продемонстрирован пример того, что капитализация (и даже перекапитализация) жилой недвижимости не является условием, автоматически обеспечивающим экономический рост. По данным, приводимым У. Боннером и Э. Уиггином, стоимость недвижимости в шести крупнейших городах Японии в 1990 г. сравнялась с величиной ее ВВП, максимально раздувая банковское кредитование. «Японцы, известные несравненным умением сберегать, за годы бума стали чемпионами по жизни в кредит, так что задолженность выросла до 130% дохода... Число кредитных карточек на руках у населения утроилось... С 1985 по 1990 г. сумма банковских кредитов выросла на 724 млрд. долл. За этот же период небанковские компании потребительского кредита увеличили выдачу займов на 700%» [5, 124]. В том же г. 1990 г. финансовый пузырь на фондовом рынке лопнул, а японское чудо закончилось вялотекущей депрессией, растянувшейся на два десятилетия. Преодолеть последствия спада не удалось ни сверхдешевыми кредитами (ставка рефинансирования доходила до 0,1%, а коэффициент монетизации ВВП длительное время превышал 200%), ни масштабной программой общественных работ.

Вероятно, знаменитый перуанский экономист искренне полагает, что достаточно заложить такой надежный актив, как недвижимость, чтобы обеспечить приращение капитала и тем самым стимулировать экономический рост. Японский отрицательный опыт наглядно показал, что при отсутствии реальных ресурсов можно сколько угодно накачивать экономику кредитами, но это не стимулирует устойчивый рост, а тем более экономическое развитие. Предложение де Сото оформить в собственность бедняков возведенное ими нелегальное жилье гуманно и экономически целесообразно. Но даже если все новые владельцы недвижимости ринутся в банки закладывать свою собственность и получать под нее кредиты, они скорее стимулируют виток инфляции, а не экономическое развитие. Затем, после падения цен, в течение короткого времени (одного-двух среднесрочных циклов) значительная часть заложенных домов перейдет в собственность кредиторов. Вопрос в том, зачем финансовым организациям даже не только дома бедняков, но и гораздо более приличные здания, построенные нелегально. Американский ипотечный кризис показал, что банки не могут эффективно распорядиться недвижимостью, на которую падает спрос, и вынуждены оставлять ее во владении должников, чтобы не допустить разрушения и значительного обесценивания строений.

обитателям будет не легче, если вместо того, чтобы отнять дом за долги, его просто снесут как незаконное строение.

Все сказанное необходимо вовсе не для того, чтобы с высоты сегодняшнего опыта критиковать идею, высказанную более десяти лет назад. Наоборот — для того, чтобы привлечь внимание к проблеме, обозначенной де Сото, поскольку она заслуживает очень серьезного внимания, но в более широком ракурсе. Сегодня весь глобальный мир переживает сложный и болезненный процесс перехода на новый долгосрочный режим накопления капитала, способный дать толчок будущему развитию экономики, желательнее на возможно более длительную перспективу. В современной ситуации речь идет о поиске и привлечении не просто любых активов, пригодных для капитализации, а, прежде всего, таких реальных активов, которые способны обеспечить экономическое развитие.

Тривиальный вывод о том, что «одно лишь увеличение масштабов кредита не дает гарантий устойчивого и долгосрочного экономического роста» [6, 7], давно уже сделан профессионалами. Но масштабы и влияние финансовой сферы в современной хозяйственной системе настолько велики, что они затеяют азы экономических знаний — развитие осуществляется не за счет денег, а за счет вовлечения в процесс производства новых ресурсов (либо старых ресурсов, высвобождаемых из прежних комбинаций) благодаря внедрению более эффективных технологий. Можно создать сколько угодно денег и квазиденежных инструментов, извлечь за счет монополии на их эмиссию огромный сеньораж или рентный доход, перераспределить в свою пользу значительные объемы реального богатства, и остаться на том же уровне развития, который был достигнут ранее². Заслуга денежных потоков (и реальных, и виртуальных) в том, что они приводят в движение все остальные ресурсы, перенаправляя их из старых, низкорен-

² «Согласно статистическим данным Института международных расчетов (Базель, Швейцария), в 2010 г. объем мирового рынка вторичных финансовых инструментов достиг почти двух квадриллионов долл., что более чем в 30 раз превышает объем мирового ВВП. Как считают финансовые аналитики, рента, снимаемая банками “большой девятки” с рынка вторичных финансовых инструментов, составляет от 0,1% до 1% объема этого рынка, т. е. от 2-х до 20 трлн долл.» [7, 62]. В конце XIX в. М. Вебер называл доход, получаемый владельцами ценных бумаг (особенно государственных), данью, которой облагаются все работающие на предприятиях-эмитентах (все плательщики налогов в государстве) [8, 349]. Для периода бурного экономического роста индустриального хозяйства «дань» — понятие не корректное, им нельзя обозначать прирост дохода, распределяемый на акции и облигации. В современных условиях этот термин подходит как нельзя лучше, поскольку доходы от деривативов имеют исключительно рентную природу — это дань со всего общества, которую перераспределяют в свою пользу финансовые монополии.

табельных вариантов использования в новые, более эффективные. Точнее и полнее всего этот процесс охарактеризован Й. Шумпетером. Но если реальные деньги со стопроцентной ликвидностью всегда обслуживали движение уже имеющихся реальных благ, то все квазиденежные инструменты предназначались для оформления самых разнообразных кредитных операций и создавались под будущие доходы.

Первоначально кредитные отношения возникли благодаря сезонному характеру сельскохозяйственных работ — обедневшие крестьяне занимали у богатых соседей посевной материал под будущий урожай. Это был в основном натуральный кредит, слабо опосредованный деньгами. С момента появления письменности самой первой долговой ценной бумагой стала обыкновенная расписка произвольной формы, в которой указывалась величина займа, срок его возврата, а также абсолютная или относительная величина процента. Но вернуть натуральный или денежный кредит с процентом заемщик мог только при условии, что через установленный срок он получит в своем хозяйстве прирост не меньший, чем установленная норма процента.

Финансовый (денежный) кредит возник из потребностей дальней торговли — но это опять же были займы под будущие товары, которые купцы собирались доставить из экзотических стран. Для человечества в целом дальняя торговля была всего лишь перераспределением созданного им богатства, но для каждого отдельного региона в ту эпоху преимущественно замкнутого автаркического развития возвращение кораблей или караванов с товарами означало прирост реальных благ, удовлетворяющих потребности его населения. Имеющиеся активы служили страховкой для кредиторов, но покрывались займы за счет доходов от привезенных товаров. Истоки всей современной финансовой системы специалисты относят к XIII—XV вв., эпохе итальянских городов-государств, дальняя торговля которых породила переводной вексель, а войны — государственные облигации. Считается, что «вместе со свободной передачей долгов между частными агентами появляется возможность продажи в счет будущего платежа и возможность покупки без немедленной оплаты» [9, 147]. Подобная возможность возникает задолго до появления находящихся в свободной продаже финансовых инструментов — по сути, с момента проведения первой сделки между заемщиком и заимодавцем. Но долговые финансовые инструменты «на предъявителя», во-первых, делают кредитные отношения широко распространенными и, во-вторых, позволяют извлекать выгоду из разницы курсов в настоящем и будущем, т. е. распространяют финансовые отношения за пределы непосредственно породившей их кредитной сделки.

Возможность свободного оборота («перевода», перепродажи) квазиденежных платежных средств сделала прозрачные отношения между заемщиком и кредитором гораздо менее понятными, закамфлировала тот простой факт, что изначально и переводной вексель, и государственная облигация выдавались под будущий прирост дохода: поступление товаров, победу в очередной войне и раздел трофеев. Риск возможной потери не только будущего прироста, но и уже существующего богатства, конечно, учитывался, но рассматривался как приемлемый. Неоднократный переход этих долговых ценных бумаг из рук в руки с периодическим падением и повышением курсовой стоимости в зависимости от обстоятельств уже в то время позволял сооружать над первичными финансовыми инструментами пирамиды долгов, не сопоставимые с современными, но весьма внушительные для периода первоначального накопления капитала.

В индустриальном хозяйстве ничего не изменилось, за исключением одного принципиального обстоятельства — основным источником богатства в обществе стала не торговля, а промышленность. Именно туда устремились кредитные потоки. Кредитование по Й. Шумпетеру — это торговля деньгами «из воздуха» под будущие товары и услуги, которые будут созданы экономикой. Ситуацию не изменило и широкое распространение недолговой ценной бумаги — акции, — появившейся из потребностей расширения дальней торговли, освоения колоний и ставшей идеальным финансовым инструментом для привлечения капитала под развитие промышленности. Выпуск акций так же, как и всех остальных квазиденежных инструментов, имеет смысл, только если эмитент обещает инвестору будущее увеличение его богатства: рост курсовой стоимости или получение дивидендов. Но длительный, устойчивый, а не взрывной, спекулятивный рост финансового капитала возможен только при условии, что будет увеличиваться объем реального богатства, создаваемого индустрией.

К. Виксель первым показал, что в основе банковского процента лежит естественная норма процента как денежное выражение чистой производительности капитала в реальном секторе экономики. Если не будет приращения реальных благ, никакие залоги и обеспечения, ни материальные, ни нематериальные, не обеспечат «связывание» виртуальных кредитных денег, их производительного использования и увеличения богатства. Чтобы кредитная экспансия не превращалась в спекулятивные финансовые пузыри, необходим не столько залог из настоящих ресурсов (прежде всего любых видов недвижимости) как гарантии сохранения существующего на данный момент состояния кредитора, сколько будущие ресурсы, которые обеспечат реальное наполнение кредитных инструментов.

Проблемой каждого нового этапа экономического развития (цикла накопления капитала, равного по продолжительности двум Кондратьевским циклам), становится поиск актива, способного стать ресурсом развития. Наверное, самое оригинальное решение в XVII в. нашли голландцы — они капитализировали тюльпаны. Такого специфического актива экономика не знала ни до, ни после бума «тюльпаномании». Но тюльпаны — это продукт сельского хозяйства, такой его подотрасли, как цветоводство. Голландия стала первой буржуазной, торговой национальной экономикой посреди экономик сельскохозяйственных, вписавшись в переходный период между двумя хозяйственными системами: аграрной и индустриальной. Возможно, поэтому ее капитализируемый актив оказался сельскохозяйственным.

В большинстве государств реальным обеспечением денег и квазиденег, обеспечивающим переход к ранней индустриализации, была земля: крестьянские земли, отнятые при «огораживании» в Англии; поместья французских аристократов и католической церкви, экспроприированные Великой французской революцией. Начиная с промышленного переворота, капитализируемым активом (с помощью эмиссии акций или банковского кредитования) становились основные фонды промышленных предприятий. Существующий актив служил необходимым залогом для страховки от возникающих рисков, но он не менял сущность кредитных отношений — их устремленности в будущее. Если бы объемы производства не росли экспоненциально, современная высокоразвитая система кредита никогда не смогла бы сформироваться.

Активом, составлявшим реальное содержание и обеспечение денег и квазиденежных инструментов на протяжении всего периода существования индустриального хозяйства, были не уже имеющиеся материальные ценности, не недвижимость, а углеводородное топливо. Нельзя не согласиться с выводом авторов теории техноценозов Л. Бадаля и В. Криворотова [10] о том, что основной используемый энергоресурс является базой ведущей мировой валюты и мощи политического доминанта эпохи. Уголь был непосредственным капитализируемым активом британского фунта стерлингов, а нефть — американского доллара. Косвенно углеводороды были основой и вторичной кредитной эмиссии, которая приводила в движение все остальные ресурсы и соединяла их с энергетическими для увеличения выпуска продукции (товаров и услуг). Фактически запасы энергоресурсов являются тем высоколиквидным активом, который капитализирует государство-лидер, создавая развитую инфраструктуру их добычи, транспортировки и переработки в мировом масштабе, и на которой расцветает высокоразвитая диверсифицированная финансовая система. Но эти запасы,

во-первых, должны быть в наличии — как гарантия будущего прироста реального, а не эфемерного денежного богатства; во-вторых — рентабельными, что определяется, прежде всего, достигнутым уровнем технологического развития.

Черда финансовых пузырей конца XX — начала XXI в. наглядно продемонстрировала, что современная экономика страдает не от отсутствия существующих активов, пригодных для капитализации. Таких активов вполне достаточно. Низколиквидных, не слишком интересных финансовой системе — больше, чем ей необходимо, а высоколиквидные заложены и перезаложены как поместья российских дворян на закате эпохи аграрного хозяйства. Современной экономике отчаянно не хватает будущих активов (или активов будущего), способных при их использовании принести не спекулятивный, перераспределенный, а реальный, приращенный доход за счет роста общественного богатства.

Поиск таких активов, пригодных для капитализации под развитие, не прекращается и в реальном, и в финансовом секторах экономики. Иногда он заканчивается нетривиальными решениями, например, такими, как Киотский протокол, оформивший механизм глобальной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Протокол фактически капитализировал будущее — угрозу надвигающегося глобального потепления. Именно опасность возможного в ближайшем будущем изменения климата стала тем активом, который позволил выпустить необходимые финансовые инструменты и организовать их оборот, а вовсе не сами квоты на выбросы. Если бы не была грядущей угрозы (на сегодня даже не доказано окончательно — реальной или надуманной), никого бы не волновали выбросы газов, названных парниковыми, и никто бы ни стал за них платить. С конца XX в. формируется механизм капитализации возобновляемых источников энергии (ВИЭ), подаваемых как альтернативная энергетика будущего, с помощью так называемых «зеленых сертификатов». Он пока еще слабо развит и к тому же встречает сопротивление со стороны сектора углеводородной энергетике, перешедшего в активное наступление после внедрения технологий добычи сланцевого газа и открывшейся перспективы их дальнейшего совершенствования. Углеводородное топливо опять подается как основа будущего развития, причем неограниченного во времени благодаря запасам материнских пород и использованию технологий глубокого бурения.

Вряд ли вызовет сомнения вывод, что углеводороды останутся ведущим активом, обеспечивающим развитие на период грядущего, ше-

стого Кондратьевского цикла³. Его повышательная волна прогнозируется специалистами по циклической динамике с начала 2020-х по 2040-е гг. Оценка на более длительную перспективу проблематична, поскольку информация о неисчерпаемых запасах нефти и газа глубокого залегания исходит в основном от заинтересованной стороны и нуждается в подтверждении. Технологии использования таких запасов не менее дороги, чем технологии использования ВИЭ — в этом отношении они находятся приблизительно в равном положении; на сегодня не известно, какая сторона возьмет вверх. Так же неопределенна перспектива наращивания добычи сланцевого газа. С одной стороны, его запасы в отдельных странах велики и могут обеспечить добычу на длительный срок: в США — до 100, в Китае — до 200 лет [12, 38, 40]. С другой стороны — современные технологии добычи сопровождаются значительными экологическими экстерналиями, не учитываемыми добывающими компаниями из-за отсутствия в отрасли единых экологических стандартов. Интернализация таких внешних эффектов может значительно увеличить цену сланцевого газа, снизив его конкурентоспособность по сравнению с другими видами углеводородного топлива. Более того, к середине столетия высока вероятность появления принципиально новых технологий и альтернативных энергоресурсов, способных вывести человечество на качественно новую траекторию развития. На сегодня риски, связанные с их экспериментальной отработкой слишком высоки, чтобы привлечь масштабный финансовый капитал. Не случайно большую роль в финансировании поиска в этом направлении играют средства государств.

В специальной литературе встречаются предложения сделать капитализируемым активом будущего патенты, лицензии, ноу-хау — интеллектуальную собственность человечества, новые идеи и изобретения, способные при их успешной реализации обеспечить прирост общественного богатства. Предлагаются новые финансовые инструменты, способные стимулировать разработку лекарств, способствовать реализации экологических и социальных проектов, развитию периферийных государств. «В случае лекарственных средств подразумеваются, например, специальные права на потоки платежей роялти, которые представляются разработчиками лекарств инвесторам, вкладываю-

³ Неслучайно, как только лопнул финансовый пузырь на рынке недвижимости, на фондовых рынках США сразу начался рост цен на нефть, достигший максимума в июле 2008 г. Нефть как была, так и остается одним из основных биржевых товаров, обеспечивающих значительный оборот финансовых инструментов, а объем рынка так называемой «бумажной» нефти превосходит мировой рынок реальной нефти более чем в 10 раз [11, 50].

щимся в разработку препаратов. Также можно упомянуть донорские облигации, обеспечением которых выступают будущие пожертвования различных частных благотворителей и фондов. Например, экологические проекты подразумевают выпуск целевых облигаций или использование схемы “долг в обмен на финансирование экологических проектов” и т. п.» [13, 64].

Механизм капитализации инноваций уже создан в специфической форме венчурного капитала. Его ограниченный характер обусловлен слишком высокими рисками, связанными с внедрением новых идей. Наибольшие шансы стать интеллектуальным активом будущего имеют био- и нанотехнологии⁴. Но и они пока еще находятся на стадии отработки, не привлекающей массивной кредитной экспансии со стороны банков и фондовых рынков. Последними технологическим инновациями, сопровождавшимися мощными финансовыми вливаниями, стали информационные компьютерные технологии, развитие которых в конце XX в. закончилось надуванием очередного пузыря на фондовом рынке высокотехнологических компаний, лопнувшего во время кризиса 2001—2003 гг. Этот пузырь, в отличие от ипотечного, был технологическим и инфраструктурным в полном соответствии с теорией технико-экономических парадигм К. Перес. Точно так же, как канальная мания конца XVIII в., или железнодорожная лихорадка середины XIX в., или интернет-мания начала XXI в. сопровождались перепроизводством инфраструктуры соответствующего технологического уклада сверх потребности реального сектора экономики, переинвестированием и перекапитализацией отрасли⁵. Но раздуванию финан-

⁴ Технологии VI уклада могут встать «закрывающими» в полном смысле этого слова, причем не только для предыдущего уклада, но и для всего индустриального хозяйства. С одной стороны, они позволяют создать сверхпрочные, фактически «вечные» конструкционные материалы, срок эксплуатации которых превышает продолжительность жизни человека (не исключено, что и нескольких поколений). С другой стороны, сегодня активно разрабатываются недолговечные биопластики, которые разлагаются на безопасные составные части, легко ассимилируемые природой. Оба направления создают потенциальную возможность для резкого снижения антропогенной нагрузки на среду и включения человечества в биосферные циклы, о чем уже несколько десятилетий как о недостижимой утопии мечтают экологи. При реализации такого «закрывающего» индустриальную парадигму сценария остается открытым вопрос: как и каком направлении будет осуществляться развитие?

⁵ «В 2001 г. из всего оптоволоконного кабеля, зарытого на территории Европы и США, лишь 1—2% было подключено. Когда назначенные судом правопреемники обанкротившихся телекоммуникационных компаний

сового пузыря на рынке доткомов предшествовали 2—2,5 десятилетия сначала медленного, постепенного, а затем бурного развития информационно-коммуникационных технологий. Ситуация с нано- и биотехом принципиально иная — сегодня они находятся на том же уровне развития, что и ИКТ в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Поэтому поиск инвесторов для этих отраслей «граничит с подвижничеством» [15, 30], а пирамида квазиденежных финансовых инструментов надстраивается над потребительскими активами и долговыми обязательствами, включая ипотечные и автокредиты. При этом в разгар ипотечного бума в США свыше 60% объема продаж финансового сектора обеспечивали торговля недвижимостью и ее аренда [6, 9].

В момент фазового перехода, когда последующий аттрактор еще полностью не определился, очень сложно капитализировать реальные ресурсы будущего развития. Даже если они уже выявлены, то на начальном этапе не рентабельны. Зато в этот период как никогда высоки риск и неопределенность. «В то время как в индустриальном обществе “логика” производства богатства доминирует над “логикой” производства риска, в обществе риска это соотношение меняется на противоположное» [16, 14]. В хозяйственной системе, приближающейся к пределу своих производственных возможностей, темпы прироста реального богатства стремятся к нулю. Не удивительно, что в полном соответствии с выводами У. Бека, «выгода от технико-экономического “прогресса” все больше оттесняется на задний план производством рисков» [16, 14]. Наиболее ярко ситуацию неопределенности и порождаемых ею рисков в инвестиционной сфере иллюстрирует разбухание рынка производных финансовых инструментов. С 1995 по 2010 г. общий объем всех контрактов на рынке деривативов вырос в 65,3 раза и превысил величину мирового валового продукта в 8 раз [17, 3]. Но и потребительское кредитование все в большей степени смещается в «серую» зону рискованных операций, обусловленных неопределенностью будущего.

За отсутствием реальных ресурсов можно с не меньшей, а иногда и с гораздо большей выгодой использовать виртуальные. Непредсказуемость будущего и для каждого отдельного человека, и для больших социальных групп всегда несет в себе положительный (надежды) и отрицательный (опасения) потенциал. Этот виртуальный потенциал, который через какой-то промежуток времени может стать вполне реальным, становится выгодным активом. Как и в случае с угрозой глобального потепления, капитализируются страхи. Например, опасение

пытались вернуть деньги, распродавая активы, они сумели восполнить примерно 1% исходной стоимости прокладки сетей» [14, 143].

заболеть или получить травму заставляет людей делать взносы в страховые медицинские фонды, а страх окончательно потерять трудоспособность заставляет лечиться в кредит. Не меньшую выгоду можно извлечь из капитализации надежды — все образовательные кредиты имеют смысл только потому, что будущий специалист надеется получить приличную зарплату, из которой можно будет погашать долги, сделанные во время учебы. Насаждаемая в современном мире коммерциализация социальной сферы позволяет перенаправить финансовые потоки из бюджета государства под контроль банковской системы. Последняя совсем не прочь использовать образование и здравоохранение в качестве очередной сферы кредитной экспансии, активами которой служит отнюдь не залоговое имущество заемщика или его поручителей, а неопределенность будущего, несущего в себе опасности потерь и надежды на приобретения.

На стадии экономического роста активами являются производственные ресурсы, под которые выдаются кредиты или выпускаются ценные бумаги (в том числе и ресурсы интеллектуальные, воплощаемые в технологиях). Такие вложения носят инвестиционный характер и способствуют приумножению общественного богатства. На стадии стагнации активом может быть любой залог, даже с низкой ликвидностью, поскольку он обеспечивает не приращение, а перераспределение уже имеющихся благ. На этом этапе кредитуются не столько инвестиции, сколько потребление. Доминирование государственных займов и частного потребительского кредита в общем объеме финансовых инструментов служит подтверждением исчерпания предыдущей модели развития и поиска новых траекторий движения мировой экономики. Несомненно, что активы будущего существуют уже сегодня, с ними активно работают новаторы, причем не только ученые и бизнесмены, но и венчурные финансисты. Однако «веер возможностей», который раскрывается в периоды фазовых переходов, не позволяет сразу определить технологических лидеров завтрашнего дня, повышая вероятность ошибки и риски капиталовложений.

Крайняя точка зрения: «Никакого “будущего” нет — есть лишь множество возможных вариантов развития событий, покрытых пеленой неопределенности, а вовсе не прозрачной накидкой риска» [18, 362]. При таком подходе гораздо безопаснее надуть финансовые пузыри на основе уже апробированных ресурсов прошлого Кондратьевского цикла или универсального страховочного актива — недвижимости. Но возможности финансовых спекуляций уже выбраны практически полностью. Мировая экономика стоит на пороге кризиса, в ходе которого будет определяться траектория нового этапа развития и обеспечивающего его режима накопления капитала, завершающих

жизненный цикл индустриального хозяйства. Этот последний индустриальный Кондратьевский цикл станет подготовкой гораздо более масштабного перехода, чем долгосрочный кризис в рамках длинной волны. От предпочтений финансовых структур во многом зависит, что приведут в движение деньги и ценные бумаги: «закрывающие» активы настоящего или «открывающие» активы будущего. Считается, что «финансовая система, которую мы сейчас имеем, абсолютно не пригодна для обслуживания нулевого роста. Она вся заточена на положительный рост» [19, 45]. Но расти можно по-разному. Можно так, как растет любой орган в развивающемся человеческом организме, внося необходимый вклад в его нормальное развитие и функционирование. А можно так, как растет раковая опухоль, поедая здоровые клетки и приводя в конце концов к гибели организма. Именно такой сценарий гипертрофированного роста рентных доходов правящей элиты за счет всего «социального организма» всегда приводил к гибели аграрные цивилизации. Будущее индустриального хозяйства и всей современной человеческой цивилизации точно также определяется выбором одной из двух существующих «моделей роста».

P.S. Финансовая система в индустриальном мире взяла на себя роль, которую в аграрных обществах традиционно играла религия, — посредника между настоящим и будущим. Этим простым, хотя и не бросающимся в глаза фактом объясняются все действия по разрушению и дискредитации церкви, начиная европейских политических революций и до современных кампаний по разоблачению «грехов» католических и православных священников. «Боевые действия» по искоренению великих мировых религий ведутся по всем фронтам, включая создание и широкую пропаганду многочисленных сект и эрзацрелигиозных учений, приводящих к размыванию и дроблению сферы влияния традиционной церкви. Адепты совершенного рынка и горячие (на словах) поклонники свободной конкуренции на деле очень сильно не любят конкурентов.

Литература

1. *Де Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004.
2. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Грядущая финансовая турбулентность // США—Канада: Экономика. Политика. Культура. 2008. № 3.
3. *Кокиаров А.* Атлант упал // Эксперт. 2009. № 35.
4. *Дафнер Е.В.* Развитие текущего кризиса на рынке недвижимости в США // США—Канада: Экономика. Политика. Культура. 2011. № 8.

5. *Боннер У., Уиггин Э.* Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XXI века. Челябинск, 2005.
6. *Давыдов А.Ю.* Американская модель экономического роста: финансовые аспекты // США—Канада: Экономика. Политика. Культура. 2007. № 6.
7. *Васильев В.С.* Политико-финансовая операция «управляемый дефолт» // США—Канада: Экономика. Политика. Культура. 2011. № 10.
8. *Вебер М.* История хозяйства. Биржа и ее значение. М., 2007.
9. *Аглиетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием М., 2006.
10. *Бадалян Л., Криворотов В.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М., 2010.
11. *Масленников А.О.* Регулирование рынка энергетических деривативов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2.
12. *Кокшаров А.* Перспектива сланца // Эксперт. 2012. № 20.
13. *Стрелец И.А., Столбов М.И.* Роль финансовых инноваций в распространении экономической нестабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6.
14. *Масленников А.О.* Регулирование рынка энергетических деривативов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2.
15. *Москаленко Л.* Лекарство для инноваций // Эксперт. 2012. № 17.
16. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
17. *Шишков Ю.В.* «Невозможное триединство» в эпоху финансовой глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 5.
18. *Фергюсон Н.* Восхождение денег. М., 2010.
19. *Рубченко М.* Без баланса (интервью с член-корр. РАН И. Пospelовым) // Эксперт. 2010. № 29.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, В.Г. ШЕЛЕПОВ

Особенности взаимодействия агентов рынка финансовых услуг в условиях неопределенности и трансцендентности внешней среды

Аннотация. В статье представлены результаты исследования практической применимости карт Т. Кохонена для детерминации нестандартных событий внешней среды функционирования заемщика в целях локализации неопределенности и изыскания направлений снижения кредитного риска. Новые технологии управления кредитным риском

необходимы как для обеспечения развития реального производства в контуре экономического развития, так и для обеспечения допустимого уровня риска по портфелю клиентов для банков. Предлагается концептуальная модель позитивного взаимодействия корпоративного сектора, банковских институтов и государства в области институционального моделирования бизнес-среды, поскольку новые интеллектуальные технологии оценки кредитоспособности могут служить источником информации для принятия решений.

Ключевые слова: риски, кредитоспособность, локализация неопределенности, нестандартное событие, искусственные нейронные сети, карта Кохонена, институциональное моделирование, инновационное развитие.

Abstract. The article presents the results of research of a practical applicability of self-organizing map of T. Kohonen for determination of substandard events of an external environment of borrower functioning of the with a view of localization of uncertainty and research of directions in order to decrease a credit risk. New technologies of credit risk management are necessary not only for provision of development of real production in a framework of economic development, but also for provision of an admissible risk level of a portfolio of banks clients. The article offers the conceptual model of positive interaction of a corporate sector, bank institutions and a state in the field of an institutional modeling of a business environment as new intellectual technologies of the credit rating can be the source of information for decision making.

Keywords: risks, credibility, localization of uncertainty, substandard event, artificial neural networks, self-organizing maps of Kohonen, institutional modeling; innovative development.

Российским банкам как экономическим агентам рынка финансовых услуг необходимо повышать качество роста за счет диверсификации активов и финансового результата: крупным частным банкам следует сосредоточиться на высокомаржинальных сегментах (кредиты наличными, кредитные карты, кредиты для малого и среднего бизнеса, для инновационно ориентированных компаний), а малоформатным — развивать синдицированное кредитование крупных клиентов, ипотеку и прайвет-банкинг.

В условиях усиления неопределенности экономики и трансцендентности тренда развития появилась необходимость в глубоком анализе и обобщении данных при оценке кредитоспособности корпоративных клиентов. Для решения задач разработки стратегии развития в условиях неопределенности коммерческие банки должны моделировать решения, представляющие оптимальную комбинацию транзакци-

онной и аналитической систем. Для оценки финансового состояния корпоративных клиентов банки должны разработать внутреннюю методику, предоставляющую набор форм для расчета рейтингов и подготовки кредитных заключений.

Оценка динамики развития рынка финансовых услуг и его главных участников, прежде всего коммерческих банков, показала, что в ближайшие два-три года без активной господдержки банковский сектор сохранит прирост на уровне 15—20%, при этом, вследствие высокой концентрации рисков, российским банкам понадобится срочная докапитализация. Чтобы снизить риски, повысить качество выдаваемых ссуд и прозрачность процессов, а также сократить сроки принятия решений, необходимо усовершенствовать саму методику расчетов, централизовать и регламентировать процесс оценки финансового состояния заемщиков (корпоративных клиентов).

В условиях финансовой глобализации процесс улучшения качества активов затормозился, неопределенность экономики возросла, а неблагоприятная ситуация с платежеспособностью клиентов может привести к тому, что финансовую устойчивость могут потерять даже крупные банки. Для обеспечения роста коммерческие банки продолжают брать на себя дополнительные риски. В случае усугубления ситуации в экономике страны через несколько лет это может закончиться новой волной банковского кризиса.

В одной из своих последних работ профессор В.Г. Белолипецкий отмечал: «Перенакопление капитала... привело к тому, что экономически не выгодно стало финансировать инновационные продукты. При этом производства, нацеленные на тиражирование традиционных продуктов, неизбежно вели к перепроизводству» [1].

Стратегия управления кредитными рисками как целевой сегмент банковской деятельности предполагает установление целей банка и выбор средств их достижения в рамках определенного временного периода. Она должна строиться по следующей схеме: выбор продолжительности временного периода (краткосрочное, среднесрочное и долгосрочное планирование); установление целей управления системой кредитных рисков — конечных (стратегических) и промежуточных (тактических); разработка мероприятий по управлению кредитными рисками, направленных на достижение промежуточных и окончательных целей; создание и/или совершенствование системы мониторинга за ходом выполнения стратегических планов.

Современные системы оценки кредитоспособности заемщика должны учитывать не только текущее состояние компании, но и быть ориентированы на прогнозирование уровня финансовой устойчивости на весь срок кредитования. Новые технологии управления кредитным

риском необходимы как для развития реального производства, так и для обеспечения допустимого уровня риска по портфелю клиентов для банков. Нами предлагается концептуальная модель позитивного взаимодействия корпоративного сектора, банковских институтов и государства в области институционального моделирования бизнес-среды, поскольку новые технологии оценки кредитоспособности клиентов могут служить источником информации для принятия решений.

Управление кредитным риском представляет собой организованную определенным образом последовательность действий, разделяемых на следующие этапы: выявление факторов кредитного риска; оценка степени кредитного риска; выбор стратегии (принятие решения о принятии риска, отказе от выдачи кредита или применении способов снижения риска); выбор способов снижения риска; контроль изменения степени кредитного риска.

С этих позиций для обеспечения финансовой устойчивости банка представляется необходимым использовать более сложные прогностические системы, проектируемые на базе компиляции данных о внешней среде (функционал искусственных нейронных сетей) и о внутренней среде заемщика (функционал нечеткой логики). Использование искусственных нейронных сетей позволяет выявлять новые рисковые события во внешней среде заемщика. В настоящее время искусственные нейронные сети используются для получения вывода об уровне финансовой устойчивости заемщика по результатам анализа данных финансовой отчетности [2; 3].

В настоящем исследовании предлагается использовать искусственные нейронные сети для анализа изменений внешней среды в той ее части, которую не охватывают группы методов анализа внешней среды (рис. 1).

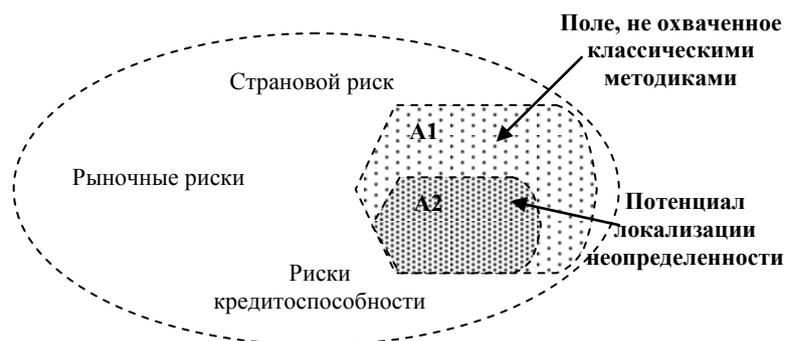

Рис. 1. Схема локализации неопределенности внешней среды заемщика

Поскольку наибольшее воздействие на жизнеспособность и стратегию развития финансовых институтов оказывают именно случайные, непрогнозируемые, нестандартные события, которые лежат в поле $A1$, постольку основной задачей совершенствования методик анализа внешней среды заемщиков должны становиться сокращение и локализация неопределенности (до $A2$), поскольку это позволит определять вектор финансовой устойчивости заемщиков, а также детерминировать новые факторы, оказывающее влияние на уровень деловой активности и финансовой их устойчивости.

Основной задачей локализации неопределенности становятся определение и кластеризация нестандартных событий, поэтому представляется обоснованным использование функционала искусственных нейронных сетей. Искусственные нейронные сети используются для решения проблем, которые не могут быть четко сформулированы. Искусственная нейронная сеть — это параллельно распределенная структура обработки информации, состоящая из отдельных элементов (нейронов), которые соединены между собой связями.

Искусственные нейронные сети строятся на использовании бинарных элементов $i=1..n$, каждый из которых может принимать выходные значения только $n_i=0,1$. При этом 0 — состояние покоя, 1 — активное состояние. Изменения состояния сети имеют место в дискретные моменты времени $t=0, 1, 2...$. Новое состояние некоторого нейрона определяется воздействием всех других нейронов на него и выражается линейной комбинацией их выходных значений. Иначе говоря, в приложении к оценке кредитоспособности появляется возможность учитывать влияние нестандартных событий (прецедентов).

Нейронная сеть позволяет обрабатывать прецеденты обучающей выборки с более сложным (чем прямоугольники) видом сегментов. Геометрическая форма сегментов будет существенно зависеть от внутренней структуры нейронной сети, которая может быть настроена с учетом характера взаимосвязей между учитываемыми факторами. Такая сегментация необходима для того, чтобы вовремя распознать изменения в состоянии конкретного заемщика, а также уровень кумуляции нестандартных событий (прецедентов) в данном кластере клиентов (например, в отрасли). Если их количество будет нарастать, то экспертам банка следует обратить на это нестандартное событие пристальное внимание: оценить типы рисков, которые могут быть продуцированы этим нестандартным событием, уровень риска, который может нести это новое нестандартное событие (явление, признак) и моделировать его влияние на уровень риска банка при помощи существующих методов.

Нейронные сети подразделяются на сети без обратных связей и сети с обратными связями. Преимуществами искусственных нейронных сетей без обратных связей являются простота их реализации и гарантированное получение ответа после прохождения данных по слоям. Недостатком этого вида сетей считается минимизация размеров сети, так как нейроны многократно участвуют в обработке данных. Меньший объем сети облегчает процесс адаптации этих технологий.

Преимуществами искусственных нейронных сетей с обратными связями является сложность обучения, вызванная большим числом нейронов для алгоритмов одного и того же уровня сложности. Недостатки этого вида сетей — требуются специальные условия, гарантирующие сходимость вычислений.

Выбор структуры нейронной сети обуславливается спецификой и сложностью решаемой задачи. Для решения некоторых типов задач разработаны оптимальные конфигурации.

В большинстве случаев выбор структуры нейронной сети определяется на основе объединения опыта и интуиции разработчика.

Однако существуют основополагающие принципы, которыми следует руководствоваться при разработке новой конфигурации:

- возможности сети возрастают с увеличением числа ячеек сети, плотности связей между ними и числом выделенных слоев;
- введение обратных связей наряду с увеличением возможностей сети поднимает вопрос о динамической устойчивости сети;
- сложность алгоритмов функционирования сети (в том числе, например, введение нескольких типов синапсов — возбуждающих, тормозящих и др.) также способствует усилению мощи искусственной нейронной сети.

Вопрос о необходимых и достаточных свойствах сети для решения того или иного рода задач представляет собой целое направление нейрокомпьютерной науки. Так как проблема синтеза нейронной сети сильно зависит от решаемой задачи, дать общие подробные рекомендации затруднительно.

Очевидно, что процесс функционирования нейронной сети, т. е. сущность действий, которые она способна выполнять, зависит от величин синаптических связей, поэтому, задавшись определенной структурой нейронной сети, отвечающей какой-либо задаче, разработчик сети должен найти оптимальные значения всех переменных весовых коэффициентов (некоторые синаптические связи могут быть постоянными).

Сети, называемые картами Кохонена (Self-Organizing Maps, SOM), — это одна из разновидностей нейронных сетей, однако они принципиально отличаются от рассмотренных выше, поскольку используют

неконтролируемое обучение: при таком обучении обучающее множество состоит лишь из значений входных переменных, в процессе обучения нет сравнения выходов нейронов с эталонными значениями. Можно сказать, что такая сеть учится понимать структуру данных. Эта способность нам интересна, поскольку задачей совершенствования систем банковского риск-менеджмента ставится именно исследование нестандартных событий.

Идея сети Кохонена принадлежит финскому ученому Тойво Кохонену (1982). Основной принцип работы сетей — введение в правило обучения нейрона информации относительно его расположения.

Самоорганизующиеся карты могут использоваться для решения таких задач, как моделирование, прогнозирование, поиск закономерностей в больших массивах данных, выявление наборов независимых признаков и сжатие информации. Наиболее распространенное применение сетей Кохонена — решение задачи классификации без учителя, т. е. кластеризации. Сеть Кохонена представляет собой два слоя: входной и выходной. Элементы карты располагаются в некотором пространстве, как правило, двумерном (рис. 2).

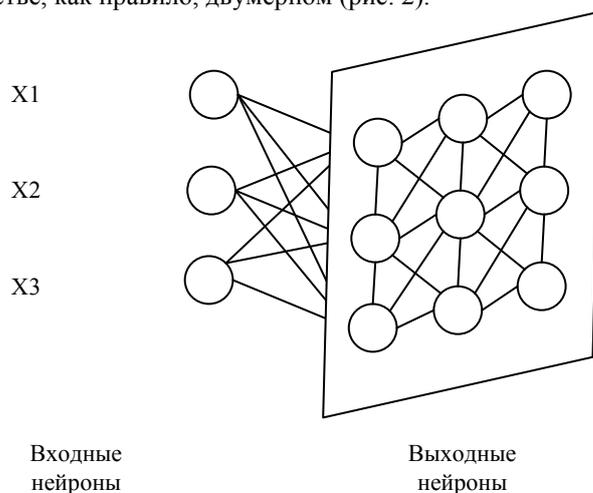

Рис. 2. Сеть Кохонена

Сеть Кохонена обучается методом последовательных приближений. В процессе обучения таких сетей на входы подаются данные, но сеть при этом подстраивается не под эталонное значение выхода, а под закономерности во входных данных. Начинается обучение с выбранного случайным образом выходного расположения центров.

В процессе последовательной подачи на вход сети обучающих примеров определяется наиболее схожий нейрон (тот, у которого скалярное произведение весов и поданного на вход вектора минимально). Этот нейрон объявляется победителем и является центром при подстройке весов у соседних нейронов. Такое правило обучения предполагает «соревновательное» обучение с учетом расстояния нейронов от «нейрона-победителя».

Обучение при этом заключается не в минимизации ошибки, а в подстройке весов (внутренних параметров нейронной сети) для наибольшего совпадения с входными данными. Вследствие работы алгоритма центр кластера устанавливается в определенной позиции, удовлетворительным образом кластеризующей примеры, для которых данный нейрон является «победителем». В результате обучения сети необходимо определить меру соседства нейронов, т. е. окрестность нейрона-победителя. Окрестность представляет собой несколько нейронов, которые окружают нейрон-победитель.

Сеть формирует топологическую структуру, в которой похожие примеры образуют группы примеров, близко находящиеся на топологической карте. Полученную карту можно использовать как средство визуализации при анализе данных. В результате обучения карта Кохонена классифицирует входные примеры на кластеры (группы схожих примеров) и визуально отображает многомерные входные данные на плоскости нейронов.

Уникальность метода самоорганизующихся карт состоит в преобразовании n -мерного пространства в двухмерное. Применение двухмерных сетей связано с тем, что существует проблема отображения пространственных структур большей размерности. Благодаря использованию этого метода можно определить, какие нестандартные события имеют наибольшие значения для рассматриваемого показателя.

Трехмерная карта — это карта кластеров, матрица расстояний, матрица плотности попадания и другие карты, которые характеризуют кластеры, полученные в результате обучения сети Кохонена. При использовании описанного алгоритма построения нейронной сети у банка появляется возможность отслеживать изменение в состоянии заемщиков, определять новые факторы и признаки кредитоспособности, а значит, сокращать неопределенность, продуцирующую экспансию риска.

Использование нейронной сети Кохонена оправдано для исследования внешней среды заемщиков в целях определения нестандартных явлений, способных оказать воздействие на финансовое состояние компании. Результаты обработки информации должны анализироваться экспертами и аналитиками банка, поскольку определение характера воздействия нестандартных событий, иллюстрируемых нейронами-

победителями, на компанию (или несколько компаний) — это задача интеллектуального анализа.

Служба стратегического анализа банка может формировать отчет об уровне комфортности бизнес-среды, поскольку именно банк будет агрегировать данные, как о финансовом состоянии компаний, так и о качестве внешней среды. Интегрируя эти данные, банк может выступать институциональным модератором бизнес-среды в условиях неопределенности [4].

В результате банк получает решение, представляющее собой оптимальную комбинацию транзакционной и классической аналитической системы, направленной на поддержку принятия управленческих решений. По своему функционалу это система оценки рисков корпоративных заемщиков, включая крупных и средних корпоративных заемщиков, имеющих инновационно ориентированный бизнес. С одной стороны, система используется как хранилище данных (создается и наполняется информацией кредитное досье), с другой – в режиме реального времени производятся расчеты по клиентам, выполняется оперативный мониторинг.

Литература

1. Белолипецкий В.Г. Актуализация инновационного образования в условиях кризиса // *Философия хозяйства*. 2010. № 3.
2. Богославский С.Н. Область применения искусственных нейронных сетей и перспективы их развития. М., 2003.
3. Дебок Г., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт. М., 2001.
4. Киричевский М.Л. Финансовые риски. М., 2012.

ГУЛИЕВ ТУРАЛ РАГИБ ОГЛЫ

Семейный бизнес в контексте формирования национального механизма устойчивого экономического развития (на примере Азербайджана)

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы семейного бизнеса, семейного предприятия, семейного менеджмента. Поднимаются вопросы отражения семейного предпринимательства в научных исследованиях, в правовой системе страны.

Ключевые слова: семейный бизнес, семейное предприятие, семейное предпринимательство, семейный менеджмент, бизнес-семья.

Abstract. The article considers the problems of family business, family enterprise, and family management. The questions of representing family enterprises in scientific researches and in state legal system are raised.

Keywords: family business, family enterprise, family ownership, family governance, business family.

Формирование механизма устойчивого развития в постсоветских странах охватывает широкий круг институциональных, макроэкономических, межотраслевых и микроэкономических вопросов, среди которых обращают на себя внимание проблемы эффективности предпринимательской политики и здоровой конкурентности бизнес-среды, а также прозрачности механизмов их формирования. За минувшие двадцать лет в этой области накопился значительный положительный концептуальный, аналитический и практический опыт; явно обозначается ряд этапных особенностей на всех сегментах проводимых преобразований.

Одним из своеобразий (парадоксальных особенностей) нынешнего этапа развития является заметное угасание споров вокруг *малого и среднего предпринимательства (МСП)*; в некоторых странах наблюдается даже заметная девальвация (карикатуризация) самого понятия МСП. В плане прикладных действий это, прежде всего, относится к вопросам потенциала и роли МСП в формирующихся рыночных экономиках, в повышении конкурентоспособности той или иной страны и в инновационных механизмах. В этой связи выглядит привлекательным достаточно идеологизированный миф о МСП, в котором это явление трактуется исключительно в негативном плане. Можно сказать, что среда сомневающих в МСП и даже противников многофакторной экономической и социальной роли этого сектора несколько расширилась.

В обстановке мирового финансового и экономического кризиса, нарастающей политической конкуренции в пространстве СНГ и обусловленных ими поисков более реалистичных моделей или векторов обновления действующих моделей развития очевидно, что указанные тенденции в научной и практической проблематике МСП не случайны. Однако и позиции сторонников МСП еще достаточно сильны. В этой связи целесообразно изучить и оценить опыт *семейных фирм (family firms)*⁶ в самом широком их понимании.

⁶ Для нынешних условий, сложившихся в экономике Азербайджана, как и в пространстве СНГ в целом, более подходящим является выражение «семейное предпринимательство», чем «семейные фирмы» (СФ). Дело в том, что в количественном отношении предпринимательские субъекты, формирующиеся

Представляется, что сегодня политика предпринимательства в Азербайджане, включая стратегию развития МСП, не сконцентрирована на семейном бизнесе (СБ), семейном предпринимательстве (СП). Фактически серьезные научные исследования и дискуссии еще не коснулись проблематики СП. Мы не располагаем серьезной аналитической, статистической и методической информацией, работами, содержащими объяснения, определения таких понятий, как «семейный бизнес», «семейное предпринимательство», «семейное предприятие», «семейная фирма», «семейная собственность», «семейное управление», «семейный менеджмент», «семейный контроль» и т. д. Кроме того, не создана критериальная база (показатели) для определения границ между семейным и несемейным (НСБ) бизнесом, или предпринимательством.

Правовая система Азербайджанской Республики не содержит специальных законодательных норм, направленных на фиксирование статуса и регулирование семейного вектора предпринимательства. Наконец, проблематика СБ не включена в образовательные программы университетов и прочих специальных учебных заведений даже по специальностям бизнеса или менеджмента. Аналогичная ситуация имеет место и в механизмах создания и распространения общих (просветительских) знаний по предпринимательству, в том числе в целях открытия (start-up) собственного дела.

При этом одним из очевидных результатов самых общих наблюдений и основанных на них оценок можно считать отсутствие усилий местных академических, политических и бюрократических кругов, направленных на продвижение понимания значимости (востребованной информационной среды) СБ для адекватной оценки потенциала рыночной экономики и ее предпринимательской составляющей.

Между тем именно в современной американской научной и политической литературе (в том числе в политических платформах партий

и действующие как физические лица, преобладают над юридическими формами предпринимательских субъектов. Поэтому употребление здесь понятия «СБ» представляет вовсе не смысловую или терминологическую, а вполне определенную функциональную нагрузку. Однако из данного обстоятельства не следует, что роль семейного фактора в предпринимательских структурах (типа физических лиц) больше, чем юридических лиц. Приемлемое объяснение этого вопроса лежит в плоскости дифференциации роли указанного фактора, прежде всего с учетом этапов формирования и функционирования предпринимательских структур. Одним словом, есть основание для использования СБ как азербайджанского варианта СФ. Подобный тезис, конечно, не содержит намека на превращение СБ в альтернативу СФ.

в выборных кампаниях) СП определяется как «движущая сила экономики США»⁷. Подобный подход к оценке семейного вектора предпринимательства вовсе не является преувеличением и не составляет альтернативу другим движущим силам американской экономики. Сказанное соответствует реалиям (фактам) экономической истории многих развитых стран, сохраняющих и актуализирующих собственные предпринимательские традиции.

Задача здесь достаточно однозначна, хотя и непривычна для нашего традиционного политико-экономического и социологического мышления. Суть ее состоит в соответствующем отражении, оценке и определении роли СБ, в том числе относительно структур, образующих блок НСБ. Именно в этой плоскости и в сегодняшней азербайджанской экономике СБ играет преобладающую роль по сравнению с НСБ. Поэтому в данном случае речь идет об освоении уже существующего и известного, хотя еще и непонятого, факта или явления⁸.

Следует подчеркнуть, что сегодняшние предпосылки понимания СБ (в методологическом, теоретическом и методическом отношениях) вышеуказанными кругами не способствуют оживлению и формированию каких-либо перспективных или стратегических точек зрения на характер эволюции СБ. Вполне естественным в этой связи выглядит отсутствие не только индексов по СБ в статистике по предпринимательству и налогам, но даже понимания самой ситуации.

Обращает на себя внимание отсутствие необходимой информационно-методической базы для сравнительного (сопоставительного) анализа состояния СБ в Азербайджане и в других странах. Между тем доли СБ в общем числе зарегистрированных предпринимательских единиц (юридических лиц) составляют: в США — 90%, Испании —

⁷В США проводятся масштабные исследования по СП. Институт семейных фирм (Family Firms Institute), специализирующийся на глобальных вопросах СБ, формирует практические, академические и прочие знания для различных заинтересованных кругов.

⁸ Вопрос об эмпирическом доказательстве факта преобладания СБ в предпринимательских или бизнес-структурах не является антагонистом вопроса о целесообразности аналитического анализа этого явления. Видимо, на начальном этапе (или в первом десятилетии) формирования предпринимательского сектора потребности в подобном аналитическом анализе из практики не вырастали. Однако уже сегодня ущербность такого подхода (понимания) ощущается. Это чревато концептуальными, политическими, социальными и практическими последствиями. Кроме того, масштабные аналитические исследования в данной области должны носить междисциплинарный характер. Рассматриваемая проблема по сути относится к числу пограничных, лежащих между экономическими и социологией, экономическими и антропологией и т. д.

80, Италии — 95, Турции — 95 и Швейцарии — 85%. Типичными разновидностями СБ являются такие транснациональные компании, как BMW, «Fiat», «Ford», «Motorola», «Washington Post», «Hundai», «Samsung», «Tata», «Toyota» и т. п. Кроме того, в этих странах налажена система исследований, например: СБ в Германии, СБ в Италии, СБ в Индии, СБ в Турции, СБ в Японии и т. д.⁹

Думается, что в существующей сегодня среде первоначальные попытки определения (эмпирическая оценка) СБ в Азербайджане находятся преимущественно в плоскости гипотез и анализа доступной неполной статистики. Иначе говоря, отсутствие прямой официальной статистики по состоянию СБ страны не исключает возможностей некоторых аналитических оценок данного явления как существенного элемента и важного фактора экономики. Стало быть, предмет обсуждения в данном случае состоит не в самом СБ, а в способах исследования этой проблемы. Отсюда следует целесообразность активизации, как уже говорилось, метода гипотезы. Благодаря указанному методу, можно добиться определенных результатов — это будет нужным и полезным, но далеко не исчерпывающим ответом.

Опираясь на вышеуказанные рассуждения, следует разграничить два относительно обособленных и представляющих широкий интерес вопроса о месте и роли СБ: а) как много предприятий в стране являются СБ; б) как много семей в стране относятся к группе предпринимательских (бизнес)-семей (ПБ).

Спектр предприятий, являющихся СБ

Характеристика бизнеса, или предприятия, в качестве СБ содержит не только фактор семейных ценностей в формировании бизнеса или предпринимательства, но и некоторую внутреннюю противоречивость самого явления СБ. Процесс проецирования семейственности в бизнесе предопределяет неравномерность становления СБ в определенных рамках (или не в полном объеме). Прежде всего, наблюдается асимметричность в становлении СБ под углом зрения формирующих его элементов (частей): собственность — управление — менеджмент —

⁹ Сегодня не только в развитых странах (США, Германии, Японии и т. д.) проводятся масштабные исследования по СБ. В этой области наблюдается активизация усилий в новых индустриальных странах и новых экономических центрах в развивающихся странах. В качестве примера можно указать на «Family Business Review», привлекающий повышенный интерес. В Турции же подобные исследования сконцентрированы под названием «Aile Sirketlerinin Sorunlari». Известны также разработки данной проблемы индийскими, китайскими, малазийскими исследователями. Наблюдаются и тенденции к становлению региональных и международных форм обсуждения проблем СБ.

контроль. Данное явление может быть оценено как общая тенденция в становлении СБ. Наряду с этим, сильно выраженная асимметричность формирования СБ составляет его важнейшую отличительную черту в пространстве СНГ, что происходит под влиянием весьма различных обстоятельств. Здесь внимание привлекает, прежде всего, широкий спектр взаимоотношений (связей) в системе «государство — экономика» и ее активной части «политическая власть — собственность». Именно практика СНГ свидетельствует о громадном потенциале политической власти и исполнительских структур в плане модификации СБ. Под воздействием подобных сил происходят разнонаправленные сдвиги в СБ. Что же касается типизации этих многообразий, то такая работа выходит за узкие концептуальные рамки.

В Азербайджане, по некоторым оценкам независимых организаций, доля МСП в ВВП возросла с 11% в 2005 г. до 15% 2010 г., а его доля в занятости составила 17 и 25% соответственно. Данная оценка существенно не отличается от результатов исследований местных институтов, включая официальные, хотя в концептуальном плане здесь сохраняются принципиальные разногласия. По данным официальной статистики, в стране насчитывается в области предпринимательской деятельности более 80 тыс. юридических лиц и более 300 тыс. физических лиц. Собственные наблюдения и анализ характера процесса открытия (start-up), а также проведенные нами поверхностные обобщения позволяют констатировать, что подавляющее большинство указанных предпринимательских субъектов относится к категории и МСП, и СБ. Таким же образом следует констатировать и то, что подавляющее большинство крупных предприятий в стране является СБ. При этом соотношение МСП и СБ, с одной стороны, и крупных предприятий и СБ — с другой, нельзя ставить в один ряд. Разграничение их особо значимо для пространства СНГ. Здесь можно ограничиться указанием на то, что в данном пространстве формирование и развитие крупных предприятий и МСП содержат в значительной степени элементы, свойственные параллельным процессам. Другими словами, в силу ряда обстоятельств в отдельных секторах экономики стран СНГ в указанном процессе ареал параллельных связей по сравнению с интеграционными связями относительно шире, чем в развитых рыночных экономиках. Подобная тенденция нередко заметно усиливается с учетом явления, фиксируемого как «зависимые предприятия».

Наряду с вышеназванными обстоятельствами, небольшое количество семей в зависимости от политического и правового режима, моделей рыночной экономики и экономической политики, состояния (качества) гражданского общества прямо и косвенно оказывает давление (влияние) на крупные предприятия с государственной собственностью

и государственным участием. Конечно, по правовому признаку принадлежности средств производства (капитала) государственному субъекту государственная собственность определяет подобные предприятия как государственные. Вопрос о формировании (или о новых тенденциях) государственной собственности и на этой основе государственных предприятий сохраняет свою актуальность для некоторых стран СНГ в условиях переходной экономики и с значительным приватизационным сегментом. Однако данное обстоятельство само по себе не обуславливает адекватность механизма их функционирования как государственных. Защитная система государственной собственности и «бытие» государственных предприятий как реальных хозяйствующих (рыночных, предпринимательских и т. д.) субъектов могут обнаруживаться в различных координатах (разъединенных плоскостях) правового поля и экономического пространства. Думается, что с точки зрения управления, контроля, следовательно, и экономической реализации указанные предприятия могут не быть государственными. Мировая экономическая история изобилует самыми разнообразными формами в данной области. В этой связи уместно разграничение: официальные и неофициальные, реальные и теневые семейные предприятия (в предпринимательстве или в бизнесе).

Подобная дифференциация в СБ, свойственная пространству СНГ, в широком плане отражает две главные тенденции. С одной стороны, имеется довольно заметная ниша, где новый феномен в СБ очевиден. Необходимым основанием для этого служит зависимость, названная в литературе по вектору «власть — собственность (частная собственность)». В классическом варианте формирования рыночной экономики затрагиваемый здесь процесс проходил по вектору «частная собственность — власть». Дело в том, что в указанном пространстве вектор «власть — собственность» не выступает однородным явлением. Иначе говоря, проблема «крышевания» (roofing) остается довольно серьезной. Хотя явление так называемого «крышевания»¹⁰ имело место и в советский период экономической истории (особенно начиная с 1960-х гг. на базе явления цеховиков), но как значимый элемент трансформа-

¹⁰ Влияние «крышевания» на СБ носит многовекторный характер. Однозначная оценка данного явления понятиями «позитивно» или «негативно» («хорошо» или «плохо») не представляется плодотворным. Наряду с общими представлениями и концептуальными (методологическими) «площадками», следует принять в каждом отдельном случае во внимание и факторы государственной политики, моделей экономики, типов зависимого развития, формировавшиеся и превратившиеся иногда в характер и нормы стиля поведения и т. д.

ционной экономики это явление представляет собой один из атрибутов постсоветского развития. Видимо, в концептуальном и аналитическом планах нет основания для ограничения ареала распространения данного явления сферой остаточных или деформированных экономических форм. При этом следует обратить внимание на двойственную природу крышевания: способствуя (по меньшей мере на нынешнем этапе становления рыночной экономики) в селективном формате росту предпринимательских или бизнес-структур, в то же время оно оказывает разрушительное действие на институциональную основу рыночной экономики (например, деформируется механизм здоровой конкуренции) и механизм роста реальных основ для саморазвивающихся предпринимательских структур¹¹.

Спектр семей, являющихся БС

Данный вопрос, разумеется, не только затрагивает количественный вектор, но и содержит важные качественные аспекты. Понятие БС во внешнем его понимании высвечивает влияние предпринимательской деятельности на семейный менталитет и эволюцию семейных ценностей под влиянием бизнес-успехов и провалов. Однако в более широком плане речь идет об эволюции семьи как БС. Здесь наблюдаются как созидательные, так и деструктивные тенденции. Следовательно, становление БС представляет собой вовсе не механическое соединение семейных ценностей и предпринимательских качеств, а многогранный процесс формирования своеобразной модели (системы моделей) семьи. Это может в определенной мере быть названо процессом погружения семьи в природу БС. Такой процесс так или иначе содержит расширение рамок (границ) и повышение уровня целостности семьи за счет не «собственно-семейных ингредиентов» (элементов, ценностей и т. д.). Данное явление обладает реальными признаками семейного хозяйства (семейной экономики) и даже их усиливает. Однако в экономической науке выражение БС и понятие «семейная экономика» находятся в различных познавательных плоскостях, формирующихся на

¹¹ Понятие «саморазвивающееся предпринимательство» («саморазвивающееся предприятие») употребляется в данной работе как рабочая альтернатива моделям «крышевания». Суть проблемы в формирующихся рыночных экономиках (подобная проблема может иметь место в иных экономических моделях) состоит в понимании и оценке путей легализации государственного содействия становлению бизнеса и ограничении масштаба теневой деятельности в данной области. В этой плоскости «саморазвивающееся предприятие» может в принципе быть как независимым, так и зависимым. На практике же в случаях независимых предприятий механизм «крышевания» обычно приобретает иные проявления и даже частично «узаконивается».

различных основах и имеющих лишь ограниченно сопоставимые контуры. Последнее обстоятельство еще не нашло своего предметного отражения.

Спектр названных тенденций довольно широко дифференцируется в зависимости от различных составляющих предпринимательства. Например, в зависимости от потенциала или масштабов экономического и социального влияния (веса) малого и среднего предпринимательства, крупных предприятий и транснациональных компаний (ТНК), даже от организационно-правовых форм предприятий или отраслевой структуры экономики (предпринимательства)¹², бизнес-климата и т. д. внутреннее устройство БС заметно варьируется. Некоторые наблюдения показывают, что в различных сегментах малого предпринимательства в Азербайджане образ жизни (отчасти сельский образ жизни, аграрный образ жизни и т. д.) сохраняет значительный потенциал на образ предпринимательства и в качестве носителя данной деятельности — на предпринимателя. Можно констатировать, что параллельно (или в соответствии) с этим в некоторых сегментах экономики предпринимательство оказывает видимое влияние на реальную трансформацию семьи в БС. Таким образом, образ жизни подобных семей в значительной степени сращивается с их бизнес-жизнью. Иначе говоря, бизнес-жизнь семей «вторгается» в их обычную или собственно человеческую жизнь, но в ней не растворяется. В данной плоскости граница между семьей и бизнес-единицей (структурой) носит внутренний характер (внутренний круг, inner circle).

Вышеуказанные обстоятельства позволяют указать на глубокие различия в ментальных признаках между БС и НБС. В таких случаях значение общих исторических (генетических), социально-культурных, географических и прочих схожих факторов значительно девальвируется. Однако подобная тенденция не представляет всеобщую значи-

¹² Здесь ограничимся указанием на одно важное обстоятельство, вырастающее из эмпирических реалий нашей республики, как и некоторых других регионов постсоветского пространства. Так, согласно официальной статистике, доля сельского населения составляет 47%. Это само по себе означает, что аграрная экономика, аграрный или сельский образ жизни и т. д. определяют или оказывают так или иначе влияние на большинство векторов экономических и социальных структур азербайджанского общества. Помимо отмеченного, за пределами собственного аграрного сектора экономики и уклада жизни выходцами (различными их поколениями) из данной сферы сохраняются и воспроизводятся конституционные атрибуты. К тому же благоприятная среда для их дальнейшего продления уже создана. Сказанное без каких-либо усилий можно распространить и на СБ.

мость. Данный вопрос содержит определенный интерес и в плане развития экономической, социальной и культурной интеграции общества.

Известны случаи, когда разница в доходах между БС и НБС весьма велика. В этой связи следует вспомнить один факт из экономической истории. Начиная со Средних веков и до советского периода в Азербайджане существовал официальный институт «бекства» (господин, хозяин, привилегированный, местный босс, титулованный и т. д.), охватывающий разношерстную публику, часть из которой по своему образу жизни обладала многими атрибутами крестьянства или сельской жизни. Иначе говоря, в образе жизни данной части сохраняются (присутствуют) исторические (генетические), социально-культурные и прочие «следы». Подобная особенность имеет позитивную научную и положительную практическую значимость в определенном сегменте (определенных сегментах) БС.

Определение понятия СБ

Следует отметить, что нами еще не сформулирована собственная позиция по определению данного понятия. Думается, что в широком плане наш сегодняшний исследовательский арсенал также не располагает достаточным методологическим и концептуальным потенциалом для формирования более корректного и удачного определения СБ по сравнению с тем, что уже имеется и активно внедряется в зарубежной литературе. При такой ситуации задача состоит в выборе приемлемого для удовлетворения сегодняшних потребностей рабочего варианта понятия СБ. Другими словами, следует использовать один или несколько вариантов определения СБ.

Для удачного решения поставленной задачи следует принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, понятие должно так или иначе содержать не только определенность собственности как семейной, но и по меньшей мере, готовность (необходимость, желание, возможность и т. д.) ведения управления, менеджмента и контроля. Во-вторых, понимание политиками, исследователями и предпринимателями в странах СНГ роли и значения каждого из этих элементов общего механизма функционирующих СБ сильно искажено. В-третьих, даже удовлетворительная концептуальная оценка и достаточное понимание практического назначения рассматриваемого понятия сами по себе не гарантируют успешной реализации механизма действующих предприятий. В-четвертых, местные исследователи продолжают занимать пассивную позицию по отношению к изучению и системному восприятию условий внедрения продвинутых вариантов определения СБ. В-пятых, любой вариант выбора («заимствования») рассматривае-

мого понятия должен быть нацелен на повышение действенности (или на усиление потенциала) семейного фактора предпринимательства.

Представляется, что следующий подход к определению СБ в большей степени соответствует имеющимся представлениям и условиям функционирования СБ в пространстве СНГ: 1) одна или несколько семей владеют значительной частью капитала предприятия; 2) члены семьи сохраняют существенный контроль над компанией, что зависит от распределения капитала и права голоса среди несемейных акционеров с возможными правилами и законными ограничениями; 3) члены семьи занимают высшие позиции менеджмента (top management positions).

Факторы, способствующие открытию (start-up) и первой генерации СБ

Подобные факторы вытекают из весьма различных обстоятельств, условий и процессов. В этом ряду стоят социально-культурная ситуация в стране, характер политического режима, степень предсказуемости и устойчивости приоритетов экономической политики (управленческих решений), характер налоговых и регуляционных правил, элементы традиций и сложившихся «правил игры» в бизнес-среде и т. д. Очевидно, что часть таких факторов имеет исторические, демографические и собственно семейные корни. Другая их часть вытекает (отражает) из позитивной динамики постсоциалистической трансформации, институционального строительства системы рыночной экономики и предпринимательства, формирования нового бизнес-климата и правил «свободной руки» (free hand). Третья часть вызвана различного рода деформациями на базе конкретных моделей формирующегося рынка, взаимоотношений по вектору «государство — предпринимательство», нагрузки регулирования (цена регулирования в ее широком понимании), общественного сектора, масштабов связей по схеме «политики — бюрократы (управленцы) — финансовые группы (финансово-промышленные группы)»¹³:

- масштабность и устойчивость семейных связей, благоприятствующих семейному членству и семейному выбору (выбору из членов семьи) для предпринимательской деятельности;

¹³ Подобная схема допустима и по линии «политики — бюрократы (управленцы) — МСП (включая различного рода союзы МСП). Здесь обнаруживается весьма пестрая картина, обусловленная не только целями и реальными масштабами политики по МСП, но ситуацией в секторе МСП и действенностью союзов субъектов данного сектора.

- высокая значимость и важность главы семьи¹⁴, способствующая налаживанию контактов и становлению прочных отношений с кредиторами, поставщиками и покупателями;
- наличие реального семейного ареала (пространства или среды), облегчающего и ускоряющего принятие стратегических решений по развитию бизнеса;
- доверительные отношения между членами семьи, расширяющие путь (вероятность) к свободному обсуждению (критическим высказываниям, суждениям и предложениям, а также более терпимым и снисходительным их оценкам) и принятию решений по различного рода вопросам риска не только стратегического характера, но и текущей финансовой и рыночной деятельности;
- дух собственника, способствующий сокращению некоторых категорий издержек (расходов), особенно на этапах организации (запуска) и становления предприятий и превращения их в значимый субъект рынка;
- слабая институциональная база рыночной экономики и предпринимательства, а также институтов государственного регулирования экономики;
- слабая защитная система прав собственности (частной собственности) и конфликтная ее институциональная база;
- относительно значительная распространенность теневой экономики и живучие проявления ее распространения по вертикали власти;
- относительно широкий ареал «вынужденного предпринимательства» и адаптивность формируемых им ценностей.

Препятствия на пути организации (запуска) и первой генерации СБ

На процесс организации и формирования семейного бизнеса оказывают воздействие явления социально-культурного, этнического, институционального, политического, управленческого и др. происхождения и характера. Некоторые из них могут быть дифференцированы следующим образом:

¹⁴ Этот феномен, обычно оцениваемый как атрибут (часть) «восточного менталитета» (мусульманского и т. п. менталитета) несомненно содержит ряд важных ценностных нагрузок и преимуществ. Вместе с тем здесь заложены и серьезные препятствия на пути эволюции СБ, включая механизмы смены поколений. Парадоксальным является то, что даже известные и наблюдаемые в этой области трудности не превращаются в предмет серьезного обсуждения и изучения.

- интеграция семейного достоинства (ценностей, традиций) и бизнес-престижа, взаимная их перестановка;
- слияние собственно семейного решения (механизма принятия решения для функционирования семьи) и механизма принятия бизнес-решений;
- слияние семейных интересов и бизнес-интересов;
- размытость границ между семейными расходами (расходами для содержания семьи) и бизнес-расходами, особенно в условиях (под влиянием) так называемого фактора (модели) двойной (теневой) бухгалтерии;
- живучесть конфликтных ситуаций между семейными обязанностями и бизнес-обязанностями и ограниченность стремлений по формированию эффективного механизма их решения;
- гладкое перерастание (превращение, развитие и т. д.) семейных провалов в бизнес-провалы;
- конфликтная ситуация между определенностью членов семьи как собственников и качеством (степенью) реализации ролей (функций, потенциала и т. д.) членов семьи в бизнес-деятельности;
- диспропорции между стремлениями приращения позиции собственника и предпочтениями приращения и роста бизнес-навыков;
- распространенность заимствования финансовых ресурсов фирмы членами семьи без каких-либо материальных гарантий, что нередко открывает дорогу к проблемам непогашенных долгов и обусловленным ими конфликтными ситуациями;
- несоответствие или конфликтная ситуация между кровным родством, родством по закону, приближенностью к семье, с одной стороны, и знаниями, способностями, умением и бизнес-искусством — с другой.

Характер трудностей генерации СБ

В Азербайджане подавляющее большинство СБ являются структурами первой генерации.

Данное высказывание нуждается не в доказательстве, а в научном (частично в целесообразном) объяснении. Между тем в настоящее время практически отсутствуют какие-либо знания о СБ второй или третьей генерации. Наши представления о процессе генерации СБ вообще носят ограниченный, несовершенный и хаотичный характер. К тому же попытки должным образом оценить значение этой проблемы не наблюдаются. В этой области гипотетически преобладает упрощенческий подход.

Некоторые традиционные ценности позволяют констатировать, что процесс генерации не может быть гладким. Согласно одной восточной поговорке, «есть и пить с родственниками позволительно, но вести с ними совместный бизнес не следует». Фактически такая же идея заложена в другой восточной поговорке, согласно которой «верность родственников испытывается в совместном бизнесе». Следовательно, на первый взгляд, рамки положительной традиции СБ в рассматриваемом сегменте механизма его функционирования особенно в созидательном плане носят ограниченный характер.

В экономическую историю Азербайджана не вошло понятие «династического предприятия». Видимо, предстоящие исследования, включая поиски междисциплинарного порядка, могут внести необходимую ясность в данную область. Кроме того, в любом случае в азербайджанской деловой культуре смена поколений со всеми ее положительными и негативными сторонами займет более заметное место, чем сегодня. Актуализация вопроса о подготовке преемника достаточно очевидна применительно и к СБ.

Определенные признаки новых тенденций в области «семьи создания» (family creation) наблюдаются как во «властвовладетельстве», так и в «предпринимательстве». В этом контексте актуальным становится вопрос «малой семьи» (small family) и «большой семьи» (large family). В качестве углубления рассматриваемого процесса следует обратить внимание также на контуры возникновения «группы семей» (group families or families group).

В качестве необходимой концептуальной предпосылки затронутой задачи нужно иметь в виду сложность: а) достижения (создания) механизма сотрудничества политических, бюрократических, академических и бизнескругов в этом узле; б) формирования положительного отношения всех участников к установлению прозрачности в информационной, аналитической и операционной плоскостях.

С.А. СЫСОЕВ

Капитал и антикапитал: пролог

Аннотация. О глобальном экономическом кризисе сегодня говорят все. Но данные статистики показывают, что «мир корпораций» в 2008—2009 гг. не только не рухнул, но и уверенно двигался вперед. При выбранных границах анализа капитал корпораций остается капиталом, так как он приносит доход. Антикапиталом становится инсти-

туциональный капитал, так как формальные и неформальные институты социально-экономической системы не препятствуют обострению противоречий между капиталом и трудом, капиталом и обществом, капиталом и природой.

Ключевые слова: капитал, корпорация, выручка, активы, занятость, антикапитал.

Abstract. Time is rapidly running forward in modern civilization. Sometimes it turns out that familiar objects and concepts are different in practice. And we have to study them once again. Western countries have recently associated capital with an asset that generates income. In our countries capital has been associated with such categories as «progress», «industrialization», «development». In practice, a striking metamorphosis has taken place — the capital has become a phenomenon of which we have a vague notion.

Keywords: capital, corporation, revenue, assets, employment, anticapital.

Ежедневно в сотнях газет и журналов по всему миру выходят статьи, авторы которых предсказывают новую волну кризиса. К сожалению, анализ статистических данных это подтверждает, и капиталу вновь суждено сыграть в этом кризисе не последнюю роль.

Для многих экономик мира 2009 г. был годом значительного падения объемов производства. Так, в Германии ВВП по сравнению с 2008 г. сократился на 5,1%, в Финляндии — на 8,4, в России — на 7,8%. В 2009 г. в Республике Беларусь Всемирный банк зафиксировал рост ВВП на 0,2%¹⁵, в Израиле — на 0,8, в Индии — на 9,1, в Китае — на 9,2% [2]¹⁶. В таблице 1 представлена динамика ВВП по ряду стран мира в 2000—2010 гг.

Представленные в табл. 1 данные показывают, что симптомы кризиса ощущались в мировой экономике задолго до 2008 — 2009 гг. Например, в 2002 — 2004 гг. стагнация наблюдалась в экономике Германии, ВВП которой в 2002 г. по сравнению с 2001 г. остался на одном уровне, а в 2003 г. снизился на 0,4%. Невысокие темпы роста ВВП

¹⁵ Сохранение темпов роста ВВП не помешало Белоруссии в 2010 — 2011 г. девальвировать свою валюту почти в 3 раза [1].

¹⁶ Здесь и далее данные, касающиеся макроэкономической ситуации в конкретной стране, получены из статистической базы Всемирного банка [2].

наблюдались в Европейском союзе в 2002 и 2003 гг., в 2001 — 2003 гг. в США и Японии¹⁷.

Таблица 1

Динамика ВВП в ряде стран мира в 2000 — 2010 гг., в %

Страны	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Австрия	3,7	0,9	1,7	0,9	2,6	2,4	3,7	3,7	1,4	—3,8	2,3
Белоруссия	5,8	4,7	5,0	7,0	11,4	9,4	10,0	8,6	10,2	0,2	7,6
Германия	3,1	1,5	0,0	—0,4	1,2	0,7	3,7	3,3	1,1	—5,1	3,7
Греция	4,5	4,2	3,4	5,9	4,4	2,3	5,5	3,0	—0,2	—3,3	—3,5
Европейский союз	3,9	2,2	1,3	1,4	2,5	1,9	3,3	3,2	0,2	—4,3	2,1
Израиль	9,2	0,0	—0,7	1,5	5,0	5,1	5,7	5,3	4,3	0,8	4,7
Индия	4,0	5,2	3,8	8,4	8,3	9,3	9,3	9,8	4,9	9,1	8,8
Исландия	4,3	3,9	0,1	2,4	7,8	7,2	4,7	6,0	1,3	—6,7	—4,0
Италия	3,7	1,9	0,5	0,0	1,7	0,9	2,2	1,7	—1,2	—5,1	1,5
Канада	5,2	1,8	2,9	1,9	3,1	3,0	2,8	2,2	0,7	—2,8	3,2
Китай	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	—7,8	4,0
США	4,2	1,1	1,8	2,5	3,6	3,1	2,7	1,9	0,0	—3,5	3,0
Финляндия	5,3	2,3	1,8	2,0	4,1	2,9	4,4	5,3	0,3	—8,4	3,7
Франция	3,7	1,8	0,9	0,9	2,5	1,8	2,5	2,3	—0,1	—2,7	1,5
Япония	2,9	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9	2,0	2,4	—1,2	—6,3	4,0
Мир в целом	4,3	1,7	2,0	2,7	4,1	3,5	4,0	4,0	1,4	—2,3	4,2

Источник: Всемирный банк [2].

Замедление темпов роста ВВП в США, Европейском союзе и Японии в начале XXI в. происходило на фоне высокого уровня безработицы (табл. 2).

Таблица 2

Уровень безработицы в ряде стран мира в 2000 — 2010 гг., в %

Страны	Годы											
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Австрия	3,7	3,5	3,6	4,0	4,3	4,9	5,2	4,7	4,4	3,8	4,8	4,4
Белоруссия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Германия	8,1	7,7	7,8	8,6	9,3	10,3	11,1	10,3	8,6	7,5	7,7	7,1
Греция	9,1	11,1	10,2	10,3	9,7	10,5	9,9	8,9	8,3	7,7	9,5	12,5
Европейский союз	10,7	9,1	8,5	9,0	9,0	9,1	8,9	8,2	7,1	6,9	8,9	9,6
Израиль	6,9	8,8	9,3	10,3	10,7	10,4	9,0	8,4	7,3	6,1	7,5	6,6
Исландия	4,9	2,3	2,3	3,3	3,4	3,1	2,6	3,0	2,3	3,0	7,2	7,6
Канада	9,5	6,8	7,2	7,7	7,6	7,2	6,8	6,3	6,0	6,1	8,3	8,0
Китай	2,9	3,1	3,6	4,0	4,3	4,2	4,2	4,1	4,0	—	4,3	—
Россия	9,4	10,6	9,0	7,9	8,2	7,8	7,2	7,2	6,1	6,3	8,4	7,5
Финляндия	15,3	9,7	9,1	9,0	9,0	8,8	8,4	7,6	6,8	6,3	8,2	8,4
Франция	11,8	10,2	8,6	8,7	8,6	9,2	8,9	8,8	8,0	7,4	9,1	9,3
Япония	3,2	4,8	5,0	5,4	5,2	4,7	4,4	4,1	3,9	4,0	5,0	5,0

Источник: Всемирный банк.

Например, в Германии в 2000—2005 гг. уровень безработицы повысился с 7,7 до 11,1%. Высокий уровень безработицы в 2000 — 2010 гг. создавал социальную напряженность в Греции, Франции, Финлян-

¹⁷ В Европейском союзе в 2002 и 2003 гг. ВВП рос на 1,3 и 1,4% соответственно, в США темпы роста колебались от 1,1 до 2,5%, в Японии — от 0,2 до 1,4% в год [2].

дии и в целом в Европейском союзе, а также в Израиле и в активно привлекающей мигрантов Канаде. В России, по данным Всемирного банка, уровень безработицы в 2000—2008 гг. снизился с 10,6 до 6,3%. В 2009 г. безработица в России выросла до 8,4%, а в 2010 г. составила 7,5%. Всемирный банк не предоставляет статистических данных о безработице в Белоруссии. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, уровень безработицы в стране в 2011 г. и в начале 2012 г. составлял 0,7% от экономически активного населения [3]. Однако скрытая безработица является серьезной проблемой, особенно в небольших городах, а в каждом крупном российском городе можно встретить не одну бригаду белорусских строителей.

Данные о снижении темпов экономического развития в системообразующих экономиках мира, наряду с высоким уровнем безработицы в ряде развитых стран, говорят о том, что всплеск кризисных явлений в 2008—2009 гг. был не просто обвалом индексов на ведущих мировых биржах и падением спекулятивных цен на энергоносители, а индикатором того, что мировая экономика вступила в новый, мало кем исследованный, этап затяжного социально-экономического и институционального кризиса.

Падение ВВП, высокий уровень безработицы сопровождается в ряде стран быстрым ростом государственного долга (табл. 3).

Таблица 3

Динамика долга центрального правительства в 2000 — 2009 гг., в % от ВВП

Страны	Годы										
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Австрия	61,8	65,6	65,8	68,2	67,0	66,7	67,5	63,8	60,4	65,5	70,5
Белоруссия	16,9	15,0	11,4	12,3			6,6	6,6	8,9	10,7	18,0
Германия			38,0	39,2	40,9	42,9	44,6	43,5	40,8	43,1	47,6
Греция	110,3	125,0	127,9	128,9	124,3	128,1	134,5	128,1	125,3	126,7	142,0
Европейский союз	67,0	58,1	51,1	51,6	48,8	47,9	47,7	46,6	42,8	46,8	58,2
Индия	48,0	56,0	60,0	63,5	63,0	61,5	61,2	59,1	56,5	56,6	53,7
Исландия		60,5	62,7	58,9	56,7	50,4	39,4	44,4	43,0	82,8	105,3
Канада	80,2	60,5	58,9	56,4	53,3	48,4	47,0	44,0	40,1	44,6	53,1
Россия			49,0	41,4			16,7	9,9	7,2	6,5	8,7
США			32,4	43,5	46,2	47,0	47,3	46,4	46,7	55,2	67,0
Финляндия	75,0	55,2	49,8	47,5	49,3	47,9	44,0	41,2	37,2	36,0	
Франция	56,3	60,7	59,8	63,6	68,4	70,6	72,6	68,3	67,1	72,8	83,5
Япония								151,3	149,6	157,8	174,4

Источник: Всемирный банк.

Представленные в табл. 3 данные свидетельствуют, что проблема значительного государственного долга в Греции не нова. В 1995 г. долг госсектора составлял 110,3% от ВВП, в 2000 г. — 125,0, в 2009 г. достиг 142,0%. Высокий уровень греческого госдолга на протяжении последних пятнадцати лет говорит, что ответ на вопрос останется

страна в зоне евро или в составе ЕС не так уж и важен. Вопрос в другом, почему неэффективная (или весьма эффективная для определенной группы людей) экономическая и институциональная модель смогла просуществовать так долго.

Неоднозначно выглядит увеличение государственного долга в США и в Японии. С одной стороны, значительный размер государственного долга в странах — крупнейших мировых экономиках — дестабилизирует всю мирохозяйственную систему. С другой стороны, во многих странах доллар и иена являются резервными валютами, а также могут иметь хождение (официально и неофициально) наравне с национальной валютой. Покрывая свой государственный долг ценными бумагами или денежной эмиссией, например, США получают возможность приобретать товары и природные ресурсы по всему миру и даже вести военные действия¹⁸.

Перейдем к анализу корпоративного сектора. Проанализируем, как кризис 2008 и 2009 гг. отразился на крупнейших мировых корпорациях. В качестве источника информации о финансовых показателях корпораций мы использовали данные рейтинга Global 2000, который ежегодно составляется журналом «Forbes». Анализ данных показал, что ряд известных мировых промышленных компаний достаточно неплохо «пережил» волну мирового кризиса (рис. 1).

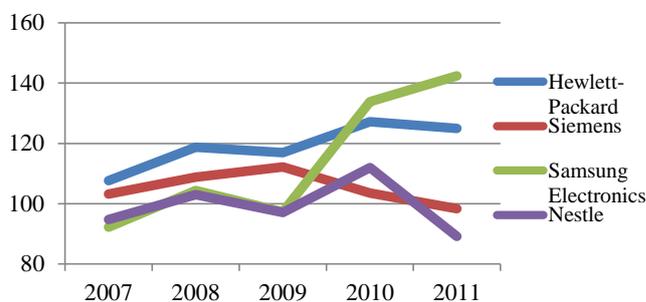

Рис. 1. Динамика выручки промышленных корпораций в 2007 — 2011 гг., млрд дол. [4]

¹⁸ Также необходимо отметить, что в рассматриваемом периоде долг постепенно возрастал до критического уровня в Австрии, Франции, постепенно снижался в Финляндии, Индии, Канаде.

В рассматриваемом периоде выручка Hewlett-Packard в целом возрасла: в 2008 г. по сравнению с 2007 г. выручка выросла на 10,2%, в 2010 г. — на 8,8% и составила 127,2 млрд дол.¹⁹. В то же время в годы «торможения» роста (2009 и 2011 гг.) выручка не снижалась больше, чем на 1,5 — 1,7%. В свою очередь выручка «Samsung Electronics» возрастала в течение всего рассматриваемого периода за исключением 2009 г. Суммарно за 2007 — 2011 гг. выручка корпорации выросла в 1,5 раза и в 2011 г. составила 142,4 млрд дол. Снижение выручки пищевого гиганта «Nestle» началось только в 2011 г. (выручка снизилась с 112 млрд дол. в 2010 г. до 89,2 млрд дол. в 2011 г.) [4].

Несмотря на колебания выручки, все четыре рассматриваемые промышленные компании в 2007 — 2011 гг. увеличили свои активы. Так, активы «Hewlett-Packard» выросли в 1,4 раза, активы «Siemens» — в 1,1 раза, активы «Samsung Electronics» — в 1,5 раза, активы «Nestle» — в 1,2 раза.

Получив относительно легко данные о динамике финансовых показателей крупнейших корпораций (используя годовые корпоративные отчеты и информацию рейтинговых агентств), исследователь сталкивается с серьезными проблемами при оценке динамики финансовых показателей отдельных секторов мировой экономики. Так, журнал «Forbes» по 2007 — 2009 гг. дает разбивку крупнейших мировых корпораций по секторам экономики. В 2010 г. разбивка корпораций по секторам экономики отсутствует. Это чрезвычайно затрудняет анализ, так как требует внесения «вручную» данных о выручке и активах по 2000 корпораций и отдельной сортировки компаний по каждому сектору экономики. В 2011 г. журнал «Forbes» изменил список секторов, по которым группируются корпорации, например, банки были разделены на крупные и региональные. Изменилось также и количество компаний, входящих в тот или иной сектор экономики. Все это значительно затрудняет возможность сопоставления данных по отдельным секторам экономики за ряд лет.

Нам было интересно, как «пережили» «глобальный экономический кризис» корпорации нефтегазового, банковского, страхового, финансового и строительного секторов. Интерес к этим секторам обусловлен несколькими причинами. Во-первых, банки, страховые и финансовые компании сами по себе не создают никакого «полезного» для общества материального продукта, а предоставляют услуги по управлению финансовыми потоками, рисками (явными и вымышленными). Поэтому для более глубокого понимания современной мирохозяйственной си-

¹⁹ Здесь и далее данные, касающиеся деятельности корпораций, получены из рейтинга Global 2000 журнала «Forbes» [4].

стемы необходимо рассмотреть, как этот «обслуживающий» материальные потоки сектор «вел себя» в условиях стагнации ведущих национальных экономик мира.

Во-вторых, большинство крупнейших мировых компаний не предоставляют в открытом доступе данные о численности своего персонала. Отчасти это оправдано тем, что конкурирующая компания, располагая данными о численности персонала, может, используя, например, показатель выручки на одного работника, проанализировать эффективность работы компании-конкурента. В то же время, обладая данными о динамике численности персонала и выручки, можно прийти к выводам, что для современной финансовой корпорации или банка численность занятости влияет скорее на величину издержек компании, чем на размеры выручки, прибыли и активов. Последние зависят скорее от «настроения» игроков на финансовых рынках по всему миру.

В-третьих, цены на конечную продукцию в нефтяном и строительном секторах формируются со значительной долей спекулятивной составляющей и обладают, как и услуги банков, финансовых и страховых компаний, весомой «виртуальной»²⁰ компонентой.

Проиллюстрируем последний тезис несколькими примерами: данными о динамике цен на нефть на мировом рынке и величиной оборота Лондонской фондовой биржи. Ниже представлены данные о динамике цен на нефть на мировом рынке в 2007 — 2012 гг. (рис. 2).

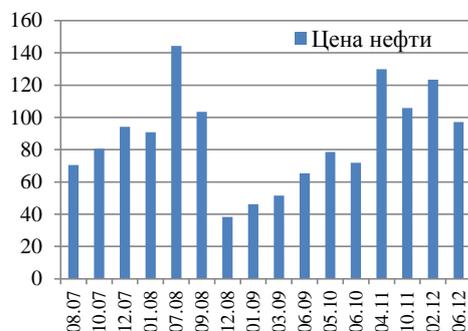

Рис. 2. Динамика цен на нефть в 2007 — 2012 гг., дол. за один баррель: investorchronicle.co.uk [5]

²⁰ Вымышленной или узаконенной определенной группой людей и материализованной в деньгах (ценность которых, зачастую, тоже виртуальна).

На рисунке 2 видно, что цена нефти в рассматриваемом периоде росла до июля 2008 г. Затем, достигнув значения в 144,4 дол. за баррель, цена нефти начала снижаться и в декабре 2008 г. достигла своего минимального значения в 38,4 дол. за баррель. В 2009 — 2011 гг. цена нефти постепенно возрастала и в апреле 2011 г. достигла 129,9 дол. за баррель. В дальнейшем цена на нефть снижалась и вновь возрастала. С учетом того, что опубликованная в открытых источниках информации себестоимость добычи одного барреля нефти составляет 20 — 25 дол. (а скорее всего, она еще ниже), можно представить размеры спекулятивного дохода при цене 110 — 120 и даже 80 дол. за баррель [6].

В таблице 4 представлена динамика оборотов Лондонской фондовой биржи. Примечателен тот факт, что оборот компаний, прошедших листинг в Великобритании, в 2008 г. по сравнению с 2007 г. выросли в 2,5 раза — с 242,3 млрд фунтов стерлингов в 2007 г. до 601,9 млрд фунтов стерлингов в 2008 г. Мировая финансовая нестабильность способствовала и росту доходов как самой биржи, так и ее игроков.

Таблица 4

**Динамика оборота Лондонской фондовой биржи,
млрд фунтов стерлингов**

Тип компании	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Компании, прошедшие листинг в Великобритании	125,9	188,1	296,3	242,3	601,9	545,8	347,7	375,3
Компании, прошедшие международный листинг	81,7	92,6	223,3	227,6	175,8	234,3	275,7	220,7

Источник: Лондонская фондовая биржа [7].

Перейдем к анализу финансовых показателей крупнейших банков, страховых, финансовых компаний, компаний строительного и нефтегазового секторов. В таблице 5 представлены данные о суммарной выручке, размере активов и количестве банков, входящих в рейтинг Global 2000 журнала «Forbes»²¹.

²¹ За 2010 г. подсчет показателей не производился в связи с тем, что журнал не осуществил разбивку корпораций по секторам экономики.

Таблица 5

**Динамика суммарной выручки и активов банков, входивших
в список Global 2000, в 2007 — 2011 гг., млрд дол.**

Наименование показателя	2007	2008	2009	2011
Выручка	3 439	3 363,8	3 504,3	3 307,5
Активы	58 291	62 795,0	67 217,4	72 376,5
Количество банков в рейтинге	315	307	308	178

Источник: [4].

Представленные в табл. 5 данные показывают, что суммарная выручка крупнейших мировых банков в 2007 — 2011 гг. колебалась на уровне 3 300 — 3 500 млрд дол. В свою очередь суммарные активы за период кризиса выросли на 24,2% — с 58 291 млрд дол. в 2007 г. до 72 376,5 млрд дол. в 2011 г.

Рост суммарных банковских активов происходил на фоне уменьшения количества банков, попавших в рейтинг журнала «Forbes». Если в 2007 г. в рейтинг журнала входило 315 банков, то в 2011 г. — только 178. При расчете средней выручки и средних активов, приходящихся на один банк, можно заметить, что банки не просто «пережили» «кризисные» годы — они существенно поправили свое финансовое положение (табл. 6).

Таблица 6

**Динамика выручки и активов, приходящихся в среднем на один
банк рейтинга Global 2000, в 2007 — 2011 гг., млрд дол.**

Наименование показателя	2007	2008	2009	2011
Средняя выручка	10,9	11,0	11,4	18,6
Средние активы	185,1	204,5	218,2	406,6

Источник: [4].

Как видно из приведенных данных, средняя выручка и средние активы практически удвоились — средняя выручка возросла с 10,9 млрд дол. в 2007 г. до 18,6 млрд дол. в 2011 г. Средние активы выросли с 185,1 млрд дол. в 2007 г. до 406,6 млрд дол. в 2011 г. Доля суммарных активов банков в общем объеме суммарных активов всех компаний списка Global 2000 выросла с 48,9% в 2007 г. до 54,2% в 2009 г.

В 2007 — 2011 гг. аналитики журнала «Forbes» уменьшали количество финансовых корпораций, входящих в рейтинг Global 2000 (табл. 7).

Таблица 7

Динамика суммарной выручки и активов финансовых корпораций, входивших в список Global 2000, в 2007 — 2011 гг., млрд дол.

Наименование показателя	2007	2008	2009	2011
Выручка	1 556,0	1 395,8	994,4	1060,7
Активы	16 973,0	16 649,7	11 156,6	16 735,0
Количество финансовых корпораций в рейтинге	180	176	153	102

Источник: [4].

Из таблицы 7 видно, что количество финансовых корпораций в списке Global 2000 сократилось с 180 компаний в 2007 г. до 102 в 2011 г. При этом суммарные активы практически не изменились! В 2007 г. они составили 16 973 млрд дол., в 2011 г. — 16 735,0 млрд дол. Средняя выручка на одну финансовую компанию выросла с 8,6 млрд дол. США в 2007 г. до 10,4 млрд дол. в 2011 г. Средние активы выросли с 94,3 млрд дол. США до 164,1 млрд дол.²²

Несмотря на падение цен на нефть, компании нефтегазового сектора также успешно справились с последствиями «кризиса». Если в 2009 г. суммарная выручка претерпела снижение, то суммарные активы, несмотря на сокращение количества компаний в списке Global 2000, росли (табл. 8).

Таблица 8

Динамика суммарной выручки и активов корпораций нефтегазового сектора, входивших в список Global 2000, в 2007 — 2011 гг., млрд дол.

Наименование показателя	2007	2008	2009	2011
Выручка	3 761,2	4 687,1	3 621,0	5 275,0
Активы	3 704,8	4 053,0	4 257,9	5 175,4
Количество корпораций нефтегазового сектора в рейтинге	123	126	115	100

Источник: [4].

²² Такая же ситуация была характерна и для страхового сектора. Средняя выручка страховых компаний выросла с 20,4 млрд дол. в 2007 г. до 24,6 млрд дол. в 2011 г. Средние активы страховых компаний выросли с 150,7 млрд дол. в 2007 г. до 161,0 млрд дол. в 2011 г.

Представленные данные свидетельствуют, что количество нефтегазовых компаний в списке Global 2000 сократилось с 123 в 2007 г. до 100 в 2011 г. При этом суммарная выручка выросла с 3 761,2 млрд дол. до 5 275,0 млрд дол., активы возросли с 3 704,8 млрд дол. в 2007 г. до 5 175,4 млрд дол. в 2011 г.²³

Динамика финансовых показателей ведущих мировых строительных компаний и компаний, занятых производством строительных материалов, показывает, что ни кризис ипотечного кредитования в США, ни выселение тысяч американцев из домов из-за невозможности рассчитаться по кредитам не смогли остановить поступательный рост выручки и активов корпораций строительной отрасли (табл. 9).

Таблица 9

Динамика суммарной выручки и активов корпораций строительного сектора, входивших в список Global 2000, в 2007 — 2011 гг., млрд дол.

Наименование показателя	2007	2008	2009	2011
Выручка	862,7	963,5	1048,6	1133,1
Активы	1157,6	1284,6	1366,6	1406,1
Количество строительных корпораций в рейтинге	78	74	84	69

Источник: [4].

Согласно приведенным в табл. 9 данным, суммарная выручка компаний строительного сектора из списка Global 2000 выросла с 862,7 млрд дол. в 2007 г. до 1 133,1 млрд дол. В свою очередь активы возросли с 1 157,6 млрд дол. в 2007 г. до 1 406,1 млрд дол. в 2011 г. В свою очередь средняя выручка компании строительного сектора выросла с 11,1 млрд дол. в 2007 г. до 16,4 млрд дол. в 2011 г., средние активы возросли с 14,8 млрд дол. в 2007 г. до 20,4 млрд дол. в 2011 г.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, современная социально-экономическая система разделилась на два мира: «мир корпораций» и «остальной мир». Мир корпораций живет по своим законам, о которых не прочитаешь ни в одном современном учебнике экономической теории. Корпорации потребляют природные ресурсы и знания, которые создаются не без помощи «остального мира». Наконец, мир корпораций постепенно ста-

²³ В рассматриваемом периоде средняя выручка на одну корпорацию нефтегазового сектора выросла с 30,6 млрд дол. в 2007 г. до 52,8 млрд дол. в 2011 г., суммарные активы возросли с 30,1 млрд дол. в 2007 г. до 51,8 млрд дол. в 2011 г.

новится «нейтральным» в формировании спроса на труд — выручка и активы могут расти и без увеличения занятости.

Во-вторых, категория «кризис» претерпела за последнее время существенную интеллектуальную инфляцию — согласно статистическим данным корпорации вполне неплохо пережили «глобальный финансовый кризис» 2008—2009 гг. Что касается «остального мира», то в ряде стран о стагнации можно было говорить еще в 1995 г.

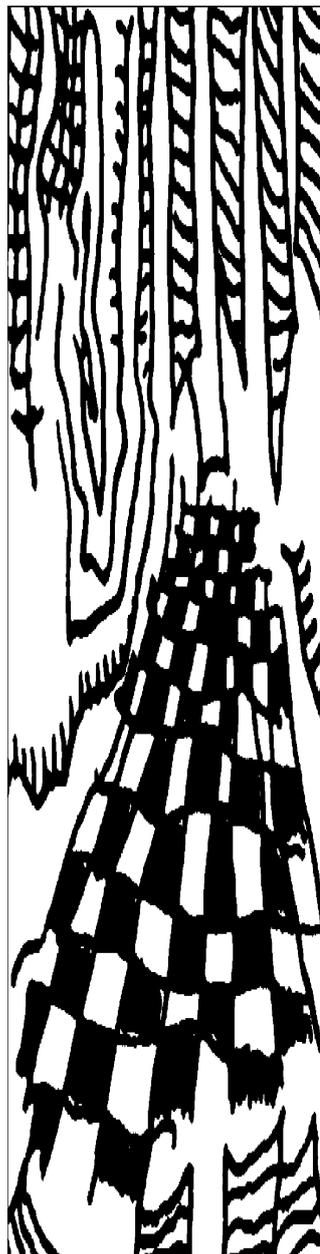
В-третьих, капитал корпораций пока остается капиталом, так как приносит доход. Антикапиталом становится институциональный капитал — совокупность формальных и неформальных институтов, регламентирующих хозяйственную деятельность корпораций, их взаимодействие с обществом и государством. «Антикапитальность» институционального капитала проявляется в обострении противоречий не только между трудом и капиталом, но и капиталом и обществом, капиталом и природой, капиталом и государством.

Литература

1. Средний официальный курс белорусского рубля по отношению к иностранным валютам. Национальный банк Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/Rates/AvgRate/>.
2. World Bank Data. The World Bank Group. [Electronic resource]. Access mode: <http://data.worldbank.org/>.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>.
4. The Global 2000. Forbes. [Electronic resource]. Access mode: http://www.forbes.com/lists/2010/18/global-2000-10_The-Global-2000_Rank.html/.
5. Investors Chronicle. The Financial Times. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.investorschronicle.co.uk/>.
6. Забрала «дочку». Ведомости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/250773/zabrala_dochku.
7. The London Stock Exchange [Electronic resource]. Access mode: <http://www.londonstockexchange.com/home/homepage.htm>.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

О софийности сказки

Аннотация. В статье представлена философская рефлексия феномена сказки. Автор исследует поведение Иванушки-дурачка, а также обращается к сказке А.С. Пушкина «Золотой петушок» и к сказке о Снегурочке.

Ключевые слова: сказка, мудрость, ум, Иванушка-дурачок, А.С. Пушкин.

Abstract. In article the philosophical reflection of a phenomenon of a fairy tale is presented. The author investigates behavior of the Ivanushki-little fool, and also addresses to A.S. Pushkin's fairy tale "Golden Cockerel" and to a fairy tale on the Snow Maiden.

Keywords: a fairy tale, wisdom, mind, the Ivanushka-little fool, A.S. Pushkin.

Сказки появились давно, как только люди стали осознавать для себя важность священных предметов. Сначала их на Руси именовали «кошуна», затем баснями, потом выдумками. Раньше их слушали, теперь их смотрят.

Чем больше происходит десакрализация современной культуры, тем меньше мы нуждаемся в своем уже-сознании. Тем чаще мы совершаем немотивированные поступки и почти совсем не задумываемся над тем, что мы делаем. Сказка — это наше уже-сознание, благодаря которому мы можем узнавать событие еще до встречи с ним. Она напоминает нам об абсурде как способе существования сакральных предметов. О том, что они есть и чудесным образом сказываются на нашей жизни.

Сказка мудра и нетороплива. Она обращена не к логосу, а к софийному парадоксу, к мудрости. Сказка не отражает мир, она его создает, пример тому — сказка о Снегурочке.

Снегурочка

Это сказка о крестьянине Иване и его жене Марье. О том, как хорошо они жили, ладно. Жили они, жили, да и не заметили, как состарились, а детей у них не было. Вот и решили они под Новый год слепить дочь из снега. И слепили, а она ожила. Иван с Марьей, конечно, обрадовались, но потом пришло лето, и Снегурочка растаяла.

О чем эта сказка? О том, что есть вещи, которые существуют, если мы очень хотим, чтобы они были. О призрачности наших надежд, о самообмане и реальности, которая раскрывает обман.

Сказки существуют не столько для детей, сколько для взрослых. «Золотой петушок» — одна из таких сказок.

Золотой петушок

Написал эту сказку Пушкин. Это его последняя сказка. О чем она? О власти и о смерти, которая сопряжена с властью.

Жил-был царь Дадон. Жизнь у него была бурной, насыщенной, но к старости ему захотелось пожить спокойно, без суеты. Ему бы передать царские дела одному из своих сыновей, а он этого не сделал. Он стал искать обходные пути, чтобы и царем быть, и особенно не утруждаться, и нашел. Скопец-звездочет подарил ему Золотого Петушка, с тем чтобы тот кукарекал в минуты опасности. Но подарил с условием выполнить его желание, а какое — не сказал.

И вот опасность настала, Петушок закукарекал. Царь снарядил в поход одного своего сына. Прошло время. Но никаких известий от него царь не получил. Тогда он отправил в поход второго сына, но и этот сын пропал. В конце концов, сам царь пошел в поход. Что он увидел? А увидел он свое побитое войско и сыновей, пронзивших мечами друг друга. Виной же тому была шамаханская царица. Перед этой царицей не устоял и царь. Забыв про сыновей, повез он эту царицу к себе домой, а по пути встретил скопца-звездочета, который ему сказал: «Царь-батюшка, выполни обещание, отдай мне царицу». Вспылил царь, услышав это, и ударил жезлом звездочета на смерть. Да Петушок не дремал, слетел он со своего места и клюнул царя в висок. И тот душу богу отдал.

В чем смысл этой сказки? В том, что шамаханская царица — это не просто прекрасная женщина, это женский образ вечно юного очарования власти, персонификация скрытого желания человека повелевать. Слепленные властью, которая никогда не боится греха, погибли царь Дадон, оба его сына и скопец-звездочет. Трупы есть, а где шамаханская царица? Ее нет. Она исчезла, растворилась, как дым. Ведь это видение, фантазм. Что стало с царством — неясно. Пушкин об этом ничего не сказал.

Сказка не любит людей, умных людей. Ее герой — Иванушка-дурачок.

Иванушка-дурачок

У старика и старухи было три сына. Двое умных, третий — Иванушка-дурачок. Умные овец в поле пасли, а дурак ничего не делал.

Лежал на печи и мух давил. Марксисты говорят, что Иван потому дурак, что у него незавидное имущественное положение. Он третий по счету среди братьев, а третьему наследство не полагается. Но сказка ценит умных братьев-наследников иначе, чем Иванушку-дурачка. Кому она дает слово? Не умным братьям, а дураку. Почему? Потому что говорить — значит, соединять воображаемое и язык. Речь Ивана не проста. Это речь с неопределенными значениями. В ней смыслы бегают за словами и не могут их никак догнать.

Иванушка-дурачок все делает как бы во сне, по наитию. Однажды отправили его братья в город за покупками. Он купил что нужно и поехал домой. По дороге видит — обгорелые пни стоят. Эх, думает, ребята-то без шапок. Озябнут сердечные. Взял да горшки на них одел.

В нем нет ничего лишнего. Иванушка-дурачок ничего не делает. Поэтому он не делает и ошибок. Это человек, у которого нет ни переднего плана ума, ни заднего. Он думает вслух. У него выражаемое не отличается от выраженного. К примеру, везет он домой покупки — целый воз. А лошадь плохая, еле ноги передвигает. А что, — думает Иван, — у лошади четыре ноги и у стола четыре. Так что стол сам как-нибудь до дома добежит. Снял его с телеги и оставил на дороге.

Иванушка-дурачок пребывает в состоянии еще-не-ума, т. е. до ума ему остается еще совсем немного, чуть-чуть, одно слово, но он все-таки не дотянул до него. И все же кто умнее умного? Иванушка-дурачок. Есть в нем что-то первобытное. Какая-то повседневная бесхитрость. Но бесхитростный Иванушка хитрее хитрого в своей наивности.

В естественной обстановке Иванушка не просто дурак, а дурак набитый. Его бьют, чтобы он под ногами не путался. Силой нормального хода вещей он выставляется на всеобщее обозрение как предмет посмешища. Всякий может над ним пошутить, показать над ним свое превосходство. Почему? Потому что есть вещи, которые ты не можешь не знать, а Иванушку это правило не касается.

Кто может быка продать березе? Дурак. Был у Иванушки один бычок, да продал он его березе и деньги с нее спросил. Быка воры украли. Дурак в наказание березу срубил. В березе — дупло, а в дупле — клад, зарытый разбойниками. И вот Иванушка-дурачок при деньгах, да дураку деньги достались.

Там, где достаточно здравого смысла, простого рассудка, там Иванушка только жить мешает. Несуразность его речей раздражает, неадекватность действий возмущает. И хотя Иванушка-дурачок — существо жалкое, иногда грязное и сопливое, многое ему прощают.

Но если мир сошел с ума, если в нем смешалось то, что было, с тем, чего не было, вот тогда-то Иванушка-дурачок и попадает в свою сти-

хию. Когда это происходит? Когда нужно сходить на тот свет к покойнику, спросить его, где деньги лежат, а затем вернуться в этот мир, взять их и бездарно спустить на ветер. Он силой абсурда достигает результата, который вряд ли достигим для нормального человека.

Только Иванушка-дурачок может пойти туда, сам не зная, куда, и принести то, сам не зная, что. И будет вести его не здравый смысл, не категории рассудка, а вещая старуха. И дело не в том, что Иванушка живет не своим умом, хотя он и живет не своим умом, а в том, что он и чужим умом не умеет жить. Вещая старуха — это сверхумный ум, который лично никому принадлежать не может. В лице Иванушки-дурачка мудрость торжествует над умом.

В.П. ОКЕАНСКИЙ

Метафизические аспекты будущей России¹

Аннотация. Реконструируются традиционные символические пропорции соотнесения метафизической реальности и возможностей футурологии; показывается исходная вовлеченность русского мира в катастрофическую макроисторию современного человечества, а также актуализируется возможность поиска самобытного культурно-цивилизационного пути.

Ключевые слова: Апокалипсис, Хаос, Пустыня, дьяволиада, размах, кротость, женственность, греза, смысл.

Abstract. Reconstructed traditional symbolic proportions correlate metaphysical reality and possibilities of futurology, showing the initial involvement of the Russian world in dire macro-history of modern humanity, as well as the ability to search updated distinctive cultural and civilizational path.

Keywords: Apocalypse, Chaos, Desert, demonology, scope, gentleness, femininity, dream, sense.

Современному профану, безудержно фантазирующему о будущем, последнее представляется куда более реалистичным, нежели потухающее в забвении прошлое и неуловимая плазма текущего момента. В безысходном противоборстве с этим всеподавляющим постантропологическим типом иногда появляются редкостные философы-экстремалы, «эпикурейцы длительности» — вроде набоковского берг-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России.

сонианца Ван Вина — утверждающие, что «будущего нет» [1]. На исходе Нового времени, разрубленному в ученых кабинетах на эпохальные куски, и — по прустовскому диагнозу — «утраченному времени», взыскуемому в руинах сакральности и трущобах повседневности, предстоит ныне обрести образ живой монументальной целостности через соотнесение с отраженными в его катастрофической подвижности непреходящими смыслами — в итоге, несомненно, получится Апокалипсис.

Футурологические утопии отмечены чертами псевдохоллистичности — на деле в них имеет место редукция метафизики через предельную актуализацию неосуществленного времени и его хаотических фантомов. Опора на сбывшееся, напротив, открывает некую внутреннюю логику темпорального раскрытия той или иной сути. Сколь бы различными ни выступали совокупные образы Киевской, Новгородской, Владимиро-Суздальской, Московской Руси, Петровской, Советской и современной России — необходимо прежде всего раскрывать ту общность судьбы, которая на всех поворотах истории позволяла бы говорить о единстве живой сущности и логике ее проявления-раскрытия.

При всей концептуальной важности дающего фору восходящему неоевразийству (А.Г. Дугин) территориального аспекта на первом месте оказывается все-таки Высший Замысел о предначертанном пути, деятельном сопряжении человеческого фактора и конкретной области земли. Поэтому метафизика приоткрывается не совокупностью человеческих прогнозов и гипотез, кроме того — не теоретическим обобщением исторически осуществленного, но самым предельным осуществлением «того, что задумал Бог о России в вечности» (Н.А. Бердяев) — Его метафизической идеей о «России вечной» (Ю.В. Мамлеев). Это требует расширения сознания и подъема над всегда проблематической современностью.

Мы можем спокойно принять, что Россия в своем историческом времени никуда от этого Замысла не уйдет, сколь бы ни оказывалось странным и труднодостижимым ситуативное положение дел. Рабство пораженной человеческой воли в многофакторной области совокупного геоцентрического детерминизма — только затянувшаяся болезнь, но отнюдь не безальтернативная перспектива. Сотериологическая альтернатива — небесное путеводительство.

Главная символическая проблема, неизбежно поднимающаяся в контексте вышеуказанных соображений, — исторически наследуемая от Нового времени безблагодатная «картина мира» (М. Хайдеггер), выражающаяся в судьбоносном феноменальном обнулении смысловой иерархии сущностных энергий: такое расширение сознания вниз, со знаком «минус», привело к тому, что все прежде воспринимаемое в

качестве структурно-устойчивого и смысло-воспроизводимого обернулось ныне везде и во всем торжествующим Хаосом. Открылось, что любая приватная топология принципиально хаосогенна, а любая упорядоченная хронология — выражение глобального кризиса. Последний же оказывается лишь темпоральным проявлением хаотической зыби, базисной неустойчивости существования, неким тревожным и невнятным «шумом бытия» (А. Бадью).

Таким образом, лобовое культурно-историческое столкновение с проблематикой Бездны, похоже, оказывается судьбоносным уделом мыслящей России — в этом совпали бы сегодня разные авторы: Тютчев и Бердяев, Мамлеев и Дугин... Последний, развивая заложенные традиции, с педантичностью метафизического инженера последовательно разрабатывает стратегию необратимого погружения «к прама-терям», в «первобытную тьму», которая «чернее ночи».

Можно отчасти согласиться с ним в том, что и сама Св. Русь — это уже был символический «вечер» и закат древней православной традиции, на что по-своему указывали и другие авторы [2, 81—106], иными словами — ярко прорисовываемое сквозь века движение к приближающейся из будущего «мировой ночи»: «...и в темной политической мистике Смутного времени (сопряженной с чередой Самозванцев), и в бутафорских, но грандиозных инсценировках Апокалипсиса зловещим императором Петром I, и в гротеске пародийного русского Просвещения времен Екатерины, и, наконец, в тревожной и психоделической русской литературе — Гоголь, Достоевский, Чехов, Сологуб, и в построенной на парадоксах философии — Хомяков, Соловьев, Розанов, Бердяев и т. д., зрели ростки “красного космизма”, цветы Русского Зла, посеянные щедрой “виртуальной инициацией” Русского Православия, но давшие цветы не вверх, к солнцу русской святости, к духовному Солнцу Сергия Радонежского, Нила Сорского и Серафима Саровского, но вниз, к “Черному Солнцу” Полуночи, к Демону Сорат, чье число равно 666, к лицу Бездны» [3, 27].

На допросе осенью 1922 г. И.А. Ильин ответил «красным космо-стам» в близком духе: «Считаю Советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет», — но там же он охарактеризовал и специфические условия «зарождения новой советской науки»: «Высшая школа прошла при Советской власти через целый ряд реформ; боюсь, что в результате этих сломов от высшей школы останется одно название. На высшее учебное заведение Советская власть смотрела все время не как на научную лабораторию, а как на политического врага» [4, 25]. Не повторяется ли эта ситуация в новых вариациях и на рубеже тысячелетий, когда, по словам крупнейшего

советского ученого-германиста, «русский народ тянут к такой организации экономики, которая не отвечает устройству русской жизни»? [5, 34].

Дело зашло уже столь далеко в этом направлении, что создается впечатление некоего сознательно универсализированного и управляемого перевода человечества в XX столетии от Рождества Христова от культурного к цивилизационному этапу его существования. Этот переход сопровождается метафизическими издержками и хорошо известным у нас «горем от ума», обрушивающимся на самых лучших людей России: «В России (в мире) никто не думает, не мыслит и даже не помнит ничего. Нищий бредет. Холодный стынет. Пушкин нищий и неприкаянный. Есенин, Блок, Ахматова, Цветаева, Саша Соколов. Кем дано слово нищему? А ведь оно ему дано, как-то чудом, и эта чудесность слова из ничего — оправдание нищему» [6, 457].

Но мысляще-словесные твари давно уже обречены безгласным тоталитетом-еврокомитетом-управдомом на открытие окружающих пустынь — осуждены брести сквозь песчаные вихри колышашегося хаоса по «растущей Пустыне» (Паскаль, Ницше). Появляются, однако, и новые странные объекты — колючки информационных полей. Несъедобны. Ядовиты. Адовы топосы... Как в старину! «Силы Бога и дьявола, — отмечал не слишком сильно преувеличивая вышецитируемый автор, — в этом мире давно расходились так, что церковь жметя в углу, в лучшем случае мечтает остаться “культурной величиной”. Христос, конечно, с Ницше, Джойсом и Хайдеггером... а не с ней» [6, 542].

В дополнениях к «Диалектике мифа», онтологически реабилитирующей само понятие мифа, Лосев развертывает свою феноменальную апокалиптологическую дьяволиаду и ярко показывает, как западный мир, обретая планетарный характер, «гибнет в новом язычестве и еретичестве» Об этом великолепно пишет В.В. Биbihин в «Материалах к исихастским спорам»: «У А.Ф. Лосева учение Св. Григория Паламы о божественных энергиях стало серединой его собственной апокалиптической историософии. Мир, западный мир, гибнет в языческом, еретическом, гнусном и отвратительном, пакостном и мерзостном дуализме. Происхождение этого дуализма прослеживается Лосевым, но история болезни становится уже не столь существенной, если беда подступила так близко, так схватила за горло. Беда не в том, что живой Бог испарился для человека в заоблачные сферы, обескровленный мир стал мертвым телом, над которым человек производит безысходные мертвящие манипуляции. Собственное тело человека тоже стало мертво для него и отдано холодным истерическим сатанинским страстям. И как еще спасти мир, материю, вещество, тело, если из них вынута жи-

вое божество. Тогда остается выбирать только один из коридоров ада наяву, все равно какой, потому что все ведут к предсмертным судорогам. В картезианском рационализме все в мире сводится к глухим столкновениям протяженных масс, в кантианском субъективизме — к такому же безысходному перетасовыванию сознанием его же собственных порождений, наконец в позитивизме, где трансценденция, уже у Декарта и Канта далеко затерянная, теперь просто выбрасывается за ненужностью и человек задыхается среди пыли распавшегося на атомы бездушного мира...» [7, 190—191].

Интересно излагает лосевскую апокалиптологию, построенную на своеобразной синергии древнего иконографического монументализма и новых политэкономических учений, А.В. Гулыга: «Вся история человечества есть история борьбы между Христом и антихристом, Богом и сатаной. Феодализм — высшая ступень в истории человечества, торжество Бога; феодализм падает под ударами сатаны, дальнейшая история есть история развертывания и оформления сатанинского духа. Ступени этого развертывания — капитализм, социализм, анархизм...» [8, 12].

То, что мы можем сегодня фиксировать со всей однозначностью, это — прохождение духа сквозь низины существования, обреченность метафизики на инфрафизику! С одной стороны, «небушко голубое-голубое», «облака — златогривые лошадки», «сияет солнышко на небе ясное, цветут сады, шумят поля» — с другой же, дух, несомненно, *адствует*... И уплотняющаяся ситуация оказывается универсальна — для обеих сторон вышеуказанной Лосевым борьбы.

Но остается во всем этом по мере ненасыщающего уплотнения всеобъемлющих appetitov и по своему грандиозного «отвердения мира» (Р. Генон) — апофатическая тайна России, о которой сказал один замечательный поэт:

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля... [9, 299].

В существенных отношениях развивающий отечественные литературные и философские традиции современный писатель и философ Ю.В. Мамлеев, в рассказах которого *поют* (!) даже мертвые, закопан-

ные в землю, говорит о метафизике России так: «...в этой бедной, от-
решенной природе, от одного вида которой пронзается душа, в этих
домиках и в храме вдалеке, в этой стране таится намек на то, что нико-
гда полностью не понять и что выходит за пределы мира сего...» [10,
137].

Мамлеев даже натуралистически усиливает эту мысль устами од-
ного из своих странных метафизических героев: «Может быть, было
бы лучше — пусть и невозможно это пока — нам на свою планету пе-
рейти, и назвать эту планету — Россия, и жить бы на ней одним, без
этого так называемого человечества. И сотворить окончательно наш
мир, собственный, непостижимый, дальний, захватывающий всю ду-
шу, чтоб песня русская сверхглубинная, как музыка сфер, звучала...
Вселенную расейскую сотворить... И чтоб рядом со звездами одни
наши тайные березки сияли... А то ведь пропасть можно на этой тепе-
решней планетке. Не годится она никуда» [11, 106].

Вопрос о метафизических аспектах будущей России осмыслялся и
в качестве тематики «неизрасходованного простора» [6, 539] и его
энергетической мощи: «Вращение механизмов, передвижение масс
наша метафизика, наше восприятие природы. Без мчащихся грузови-
ков, дымящих труб, закоптивших половину планеты, пусть даже за-
коптить всю, — какую вегетарианскую диету вместо этого предложите
такому народу, *так* идущему на предельные задачи? И не верьте
мертвой тишине брошенной деревни, бессилию, грязи: именно на этом
онемелом, омертвелом просторе готовится неостановимый размах.
Злость, крутость? От готовности, решимости «уломать», от артистизма
в конце концов, от подготовки к захвату Европы. Европа и мир захва-
чены будут, может быть не та Европа что к Западу и не тот мир что на
Земле» [6, 525].

Это писалось личным секретарем А.Ф. Лосева еще тогда, когда не
произошло в полной мере разложение позднесоветского антропологи-
ческого типа, брошенного эпохой на предельные задачи («как будто в
океан могучие ветра нас вынесли»), но позднее выброшенного рефор-
мирующимся руководством страны из утопии коммунистического рая
и обреченного «служить да своему врагу»...

Все уже давно по-другому, и где воцарялся размах — поселилась
кротость, но и здесь находится очень интересная и важная метафизи-
ческая составляющая — восприятие «женственности» русского мира в
русской философии; тот же Бибихин глубоко прочувствовал эту тему:
«...никогда не кончится ожидание русского народа, терпение земли.
Конец терпения и конец молчания, чего многие хотят и наивно прово-
цируют, означал бы конец русского мира. Дружина требовала от Бори-
са и Глеба мобилизации, решительного сражения, победы, взятия го-

рода, изгнания вероломного брата. Борис и Глеб сказали, что бороться за власть не будут даже под угрозой смерти. Поступок законных наследников князя Владимира в год передачи власти определил всю нашу дальнейшую историю. Империя зла? Скорее странное пространство, где зло на свою гибель может размахнуться как нигде, не видя понятных ему противников и поэтому до времени не замечая, что его власть здесь уже давно и тайно отменена. Страна до краев полна невидимым присутствием погибших, молча ушедших. Они давно и неслышно стали главной частью нас самих» [6, 224].

«Я думаю, — подчеркивал эту сокровенную для России мысль еще Ф.М. Достоевский, — самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, зажжен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» [12, 36].

Но переизбыток страдания не ведет ли наш мир к погружению в свой культурно-исторический аналог буддийской нирваны? — это отнюдь не риторический и не праздный вопрос, он вполне правомерен при осмыслении наших ближайших и отдаленных перспектив. Знаменитое тютчевское стихотворение «Русской женщине» (1848 или 1849) дает возможность положительного и безрадостного ответа на этот вопрос:

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

[13, 34].

Поднимаются и более обширные метафизические вопросы: будущее России как витальная греза (не человеческая, разумеется — а кос-

мическая греза, подобная феноменам грандиозных, но преходящих астрофизических структур и объектов). Но любая культура обнажается как сбывшаяся греза, онтологически воплощенная в стилевых и символических формах, по мере их безвозвратного погружения в прошлое. Будущее России как культурно-цивилизационная возможность, органически вырастающая из бутона ее еще *недоскрывшейся* сути — не есть ли более реалистичная модель описания происходящего с русским миром? Ведь ни «закат магической культуры» (Шпенглер), охвативший ранние века русской истории, ни последующий «закат Европы», пришедший на последующие столетия, не смогли всецело перемолоть и окончательно подчинить себе наше *особое самопознание*.

Нигде таким интимно-осердеченным образом не связаны художественная словесность и метафизическое философствование, как в русском культурном мире. А.Ф. Лосев в работе «Русская философия» писал об этом так: «...русская философия является насквозь интуитивным, можно даже сказать, мистическим творчеством, у которого нет времени, а вообще говоря, нет и охоты заниматься логическим оттачиванием мыслей» [14, 69]. «Русская художественная литература — вот истинная русская философия...» [14, 72], — говорит далее мыслитель, подчеркивая, что «художественная литература является кладезем самобытной русской философии. <...> В творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской... форме» [14, 74].

Ю.В. Мамлеев в метафизическом трактате «Судьба Бытия» приводит весьма схожие глубинные наблюдения: «В подтексте классической русской литературы (от Гоголя до Платонова), видимо, лежит глубочайшая метафизика и философия, которые, однако, зашифрованы в виде тончайшего потока образов. В этом смысле русская литература несет в себе философию значительно, на мой взгляд, более глубокую, чем, например, собственно русская философия (от Чаадаева до Бердяева и Успенского и т. д.), — так как образ глубже идеи, и именно образ может лучше всего выразить весь таинственный подтекст русской метафизики» [15, 16].

На рубеже тысячелетий ученые-литературоведы все чаще стали обращаться к «новому прочтению всей классики как философствующей» [16, 25]. Писатель, долгое время проживший на Западе (США, Франция), а после преподававший в МГУ религиозную философию индийского Востока, отмечал, что «познание России в целом, во всех ее безднах и глубинах... невозможно на уровне западной философии (она слишком рационалистична и поверхностна для этого) — здесь нужна... всепроникающая мощь восточного, в первую очередь индусского ме-

тапознания» [17, 15]. Вместе с тем он указывал и на то, что «в основе русской литературы лежит грандиозная, еще не раскрытая, философия жизни, которая постепенно расширяется до бездн метафизики. Границы этого расширения не определены и не могут быть определены. Но ее «подтекст» связан как с непрерывно углубляющимся пониманием России, так и, по крайней мере, со специфической концепцией человека... Русский писатель стоит, таким образом, перед лицом Сфинкса (Россией). Но этот Сфинкс одновременно находится и внутри его души» [15, 91].

Современный ученый-филолог из Томска глубокомысленно отмечает: «Литературоцентричность русской культуры и философской мысли обусловила то, что интуиции всеединства и софийности мира сначала нашли воплощение в русской литературе, и только на следующем этапе развития оформились в специальные религиозно-философские концепции, что определило, в частности, их особый антропологизм» [18, 3].

В этой мистериальной области видятся будущие перспективы раскрытия и изучения русского мира — не как ресурсной цивилизационной базы и соответствующей физической территории, а как метафизического континента, потаенного в недрах нашей словесной культуры [19, 78–84; 20, 58–75]. «Время у России еще есть, как есть и шанс придти к Софии...» [21, 587]. Что победит в будущей России: смыслы или структуры? качества или количества? имена или цифры? православная культура или ротшильдовская цивилизация? либо же чудовищный их гибрид? — в решении этого окончательно еще не решенного метафизического вопроса заключается *смысл дальнейшего исторического существования России*.

Литература

1. *Набоков В.В.* Ада, или Радости страсти. СПб., 1997.
2. *Федотов Г.П.* Трагедия древне-русской святости // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы: Сб. стат. Т. 2. Р., 1973.
3. *Дугин А.Г.* Русское православие и инициация // Милый Ангел: Метафизика — Традиция — Эзотеризм — Инициация — Символизм — Эсхатология — Сакральная география — Традиционные науки. Т. 2. М., б. г.
4. *Лисица Ю.Т.* Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993.
5. *Михайлов А.В.* Итоги // Наш современник. 1990. № 12.
6. *Бибихин В.В.* Узнай себя. СПб., 1998.

7. *Бибихин В.В.* Материалы к исихастским спорам // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. М., 1995.
8. *Гулыга А.* Православный философ эпохи ленинизма // Литературная Россия. 1993. № 39. 29 окт.
9. *Иванов Г.* Стихотворения // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1994.
10. *Мамлеев Ю.В.* Простой человек // Мамлеев Ю.В. Черное зеркало: Циклы. М., 1999.
11. *Мамлеев Ю.В.* Люди могил // Мамлеев Ю. В. Черное зеркало: Циклы. М., 1999.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л., 1972–1990.
13. *Тютчев Ф.И.* Русской женщине // Русская поэзия второй половины XIX века. М., 2002.
14. *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М., 1990.
15. *Мамлеев Ю.В.* Судьба Бытия // Московский эзотерический сборник. М., 1997.
16. *Исупов К.Г.* Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») // Достоевский: материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000.
17. *Мамлеев Ю.В.* В поисках России: Взгляд с Запада // Литературная газета. 1989. № 39 (5261). 27 сент.
18. *Новикова Е.Г.* Софийность русской прозы второй половины XIX века: Евангельский текст и художественный контекст: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999.
19. *Океанская Ж.Л.* Язык и космос в «Философии имени» С.Н. Булгакова // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. Кострома, 2005. № 10.
20. *Океанский В.П.* София: культурно-историческая герменевтика и поэтико-символическая морфология // Философия хозяйства. 2012. № 3.
21. *Осинов Ю.М.* Обретение. Метафизика бытия и мысли. М., 2011.

Н.Н. РОСТОВА

Не-личное дело религия

Аннотация. Статья посвящена анализу современных перформансов. Автор проблематизирует три сферы, к которым они относятся, —

искусство, политику и религию — и ставит задачу ответить на соответствующие вопросы: каковы границы эстетики? каковы границы толерантности? что есть религия и как она решает вопрос о противлении злу силой?

Ключевые слова: перформанс, кощунство, религия, юродство, искусство, гуманизм, толерантность.

Abstract. Article is devoted the analysis of modern performances. The author addresses to three spheres which they concern, — art, a policy and religion — and puts a problem to answer corresponding questions: What borders of an esthetics? What borders of tolerance? What there is a religion and how it solves a question on resistance to harm force?

Keywords: performance, blasphemy, religion, the fool in the Christ, art, humanism, tolerance.

Как отнестись к тому, что несколько ряженных женщин устроили танец у иконостаса главного храма страны, сопроводив его бранными песнями? Как понять кражу святых мощей и тайное спиливание поклонных крестов? Что это? Война с религией? Бесовщина? Проявление новой эстетики? Или веяние грядущей революции? В каких терминах можно описать сознание тех, кто поддерживает и комментирует эти «акции»?

Чтобы сформулировать отношение к подобным «перформансам» и их комментаторам, нужно ответить, по крайней мере, на три вопроса, а именно: каковы границы толерантности? каковы границы эстетики? что есть религия и как она решает вопрос о противлении злу силой? Ибо именно эти три сферы — политика, искусство и религия — затрагивают последние события.

Если коснуться религии, то тут возникает сразу несколько соблазнов — назвать действия женской группы и феминисток из Киева кощунством, проявлением карнавальной культуры и даже юродством.

Кощунство

Но верно ли квалифицировать подобные выходки как кощунство? Ведь что есть кощунство?

Кощунство, согласно В. Далю, есть осмеяние священных предметов. Пример кощунства можно найти у Достоевского. В «Дневнике писателя» он рассказывает случай, произошедший в одной русской деревне. Несколько молодых парней поспорили: «Кто кого дерзостнее сделает?». Один смельчак нашелся и вызвался на преступление. Второй решил выступить в роли искусителя. Он велел парню попоститься, сходить в церковь и принять причастие, но так, чтобы не проглотить Святые Дары, а вынуть их и сохранить в руке, смысл же проступка он

утаил, сказав лишь: «Сделай так, а там я тебе укажу». Когда парень выполнил повеление, они оба вышли в огород, искуситель достал жердь и приказал положить на нее Дары. Когда парень и это сделал, он сказал взять ружье и выстрелить в них. Парень готов был выстрелить, но перед ним вдруг предстал сам крест и Распятый на нем. Тогда грешник упал без чувств. Потом этот парень всю жизнь замаливал свой грех (см.: [1, 195]).

Эта история привлекла Достоевского не столько чудесным обращением, сколько тем, *что* парни сочли за дерзость дерзостей. Этой дерзостью оказалось не убийство, не кража, не какой-либо гнусный поступок, а — что примечательно — расстрел причастия. О чем это говорит? О том, что самым основным, самым глубоким и первичным для этих парней оказался вопрос о Боге. О том, что самое страшное преступление могло заключаться для них в покушении на эту святую ценность.

На этом примере хорошо видно, по какой причине нынешние «акции» невозможно отнести к кощунству. Кощунство — это преступление против святыни. Но такое преступление возможно только в том пространстве, в котором присутствует эта святыня. То есть в пространстве сакрального. Для участников «акций» этих святынь нет, а значит, нет и *пре*-ступления каких-либо незыблемых границ, ибо *пре*-ступать нечего. Здесь не идет речь об «адском наслаждении собственной гибелью», о которых говорит Достоевский, ибо гибели не происходит, здесь нет «захватывающей дыхание потребности нагнуться над пропастью и заглянуть в нее», ибо поправление ничего не значащих крестов никакой душевной пропасти не открывает, здесь нет и «потрясающего восхищения перед собственной дерзостью», ибо дерзостью можно считать только то, что сотрясает внутренний авторитет. Кощунство — это то, что возможно внутри религиозного контекста, там, где присутствует, как скажет Достоевский, «мистический страх» перед осквернением.

Юродство

Желание выдать кривляние у святых икон и сквернословие за форму обличительства и даже святого обличительства со ссылкой на подвиг юродства выглядит как продолжение перформанса. Однако поверхностное знакомство с феноменом юродства может дать повод к такому сравнению, ведь агиографическая литература пестрит подробностями о провокационных поступках юродивых. Например, юродивая Исидора (IV в.) из Тавеннийского монастыря носила на голове тряпку, тогда как всем монахиням было предписано носить куколь. Византийский юродивый Симеон (VI в.) в воскресный день пришел в церковь и

стал кидаться орехами в зажженные свечи и женщин, пытавшихся согнать его с амвона. Антоний Алексеевич (XIX в.) однажды лег против царских врат на амвоне и скатился на пол. Потом, подошедши к панихидному столу, взял с него крест и, подавая архимандриту, сказал: «На, целуй его!». Юродивый Паисий (XIX в.) имел привычку приходить в церковь босиком или в одном сапоге, даже зимой. Являясь перед началом богослужения в церковь и взойдя на солею, он поворачивался всем корпусом к народу и шел к клиросу боком, вызывая смех. Читая часы, он внезапно делал продолжительные паузы, приводя этим слушателей в немалое смущение. Юродивый Феофил (XIII—XIX вв.) при чтении псалмов с клироса имел обыкновение раздражать слушателей глухим голосом. Когда его просили читать погромче, он еще более понижал голос. Затем, не дочитав до конца, он уходил с клироса на середину церкви, оставляя слушателей в недоумении.

За подобные выходки юродивых часто гнали и поносили, выливали помои на голову, били, а если они подвизались в каком-либо монастыре, то жаловались вышестоящему священству, лишали трапезы и даже грозились полицией, как в случае дивеевской юродивой Марией Ивановной (XIX—XX вв.), у которой в день смерти другой известной юродивой обители Паши Саровской (XIII—XIX вв.) «вышло небольшое искушение». Как сообщается в житии, «раздосадованные ее странностями, монахини выгнали ее из монастыря, не велев вовсе сюда являться, а иначе они прибегнут к помощи полиции» [2, 300]. Однако эти и масса других примеров из жизни юродивых не должны вводить в заблуждение, ибо юродивый — это мистериальная фигура, а юродство — это подвиг.

В названии этого подвига присутствуют неотъемлемые слова — «Христа ради». Эти слова задают вектор поведения подвижника. Они говорят о том, что отныне человек, принявший на себя великий крест, призван смотреть на мир глазами Христа. Юродство Христа ради — это попытка выстраивать свое поведение в свете Бога, а не своего частного взгляда. Поэтому юродивого можно назвать человеком обратной перспективы. Опрокидывая логику мира, юродивый живет в мире этом, но по законам мира божественного, а потому его жесты не понятны мудрым мира сего. Юродство — это радикальное отречение от себя и своего «я», которое возможно только внутри церковной жизни, ибо любая мистериальная фигура — общинная фигура. Церковь — это то общее, что позволяет частное и случайное возвести к абсолюту, не дав ему самому принять форму абсолюта. Нарушая не только общественный, но и церковный порядок, юродивый всецело принадлежит церкви. Он не ее оппозиционер, но тот, кто пытается явить ее идеал. Поступки юродивого — это апофеоз его молитвенной жизни.

Подвижник ругается миру, но, попирая мирское, он отделяет грешника от греха. Он не покушается на святыню, но ревностно бережет ее. Христос, выгнавший с бичом из храма торговцев, есть сам Бог. Он защитил святое место, самим собой явив абсолютную святость и призвав к обращению. Для юродивого Христос — это предельный идеал, к которому подвижник может лишь стремиться.

«Parodia sacra»

Кривляние себя ради также не вписывается в рамки карнавальной культуры. Ибо, во-первых, карнавальная культура относится к западноевропейской традиции, а во-вторых, если соотносить его со святочными или масленичными «перевертышами», то и это сравнение окажется ложным, ибо «перевертыши», несмотря на их сложные отношения с церковью, относятся всецело к русской православной традиции, они вписаны в нее и понятны для тех, кто находится внутри нее. Русскому народу понятны колядки, понятно переодевание в медвежью шкуру, но отнюдь не бранная речь с политическим привкусом или скаканье на солее.

Начитанную о смеховой культуре публику соблазняет старая мысль о том, что христианский культ слишком серьезен и Христос уж слишком суров, человеку же нужна теплота, изящества, игры, веселья. Как скажет Розанов, там, где есть Христос, там нет места влюбленности, смеху. Христос — Моноцветок, он вобрал в себя всю сладость мира, а потому мир в Нем прогорк. Варенья, соленья, хорошая рыба на монастырском столе и прочие «радости жизни» пробрались в христианство контрабандой, заплатив высокую цену отказа от Христа. А потому человек принужден выбирать между двумя детьми Бога — между Христом и между миром (см.: [3, 254]). Эта же идея о потребности человека в веселье и отсутствии этой возможности внутри мрачного христианского культа присутствует у теоретиков смеховой культуры — у Бахтина, Панченко и Лихачева. И вправду, нельзя ли в современных «акциях» увидеть отголоски «parodia sacra», «священной пародии»? Не напоминают ли они нам о «Службе кабаку», «Калязинской челобитной» и других русских литературных произведениях XII—XIII вв., в которых пародируются богослужение и молитвословия и происходит взаимное уподобление церкви и кабака?

Противопоставляя смех культу, теоретики смеховой культуры совершают фундаментальную ошибку, ибо культ — это не дробная часть культуры, но то, что создает человека, который есть причина культуры. Культ — это, вопреки европейской философской традиции, не сфера жизни, имеющая четко отведенные ей границы во времени и пространстве и вкрапляемая в общий ритм жизни, но то, что создает

этот ритм. Культ всеобъемлющ и пропитывает всего человека, создавая его. Самостоятельные, внешние культуры сферы появляются по мере его выствывания. Именно эти сферы и являются фрагментарными, частичными, неминуемо ослабленными, не имеющими силы творческого производства, ибо удалены от своего истока, который имеет дело с тотальностью человека. Культ читается как односторонняя серьезная сфера лишь светскому зрителю, ибо он является внешней фигурой, тайна же, а культ есть тайна, открывается входящему внутрь.

Если для мира, проповедующего свободу исповедания, т. е. для секуляризованного мира, события, подобные тем, что произошли в Храме Христа Спасителя, не могут быть объявлены кощунством или святотатственным скоморошеством, то для Церкви эти события суть то, что относится к сфере зла, ибо святыни были поруганы. Здесь возникает вопрос о противлении злу силой.

О противлении и непротивлении злу силой

В русской философии вопрос о противлении злу силой решается двумя прямо противоположными способами. Лев Толстой выступает за непротивление злу насилием, Иван Ильин — за борьбу со злом. Толстой противопоставляет закон любви насилию и считает позицию непротивления единственно ответственной позицией. Принимая ее, человек выстраивает верный взгляд на себя и на других, согласно которому Царствие Божие находится внутри человека. Что это значит? Толстой поясняет: «Все, что не твоя душа, все это не твое дело» [4, 303]. Другими словами, человек должен заботиться о себе и своей душе, отвечать за нее, творить любовь. Чужая же душа — потемки, чужая душа находится в ведении чужого человека.

Иван Ильин, напротив, считает «понуждение» и пресечение зла условиями любви и ответственности, ибо злая воля — это «противодуховная и противолюбовная воля» [5], она разъединяет людей, любовь же вяжет. Вопрос о зле, равно как и вопрос о свободе, это тяжелое бремя, а потому всякий с радостью хочет снять его с себя, и делает он это разными путями, то предпочитая не видеть зло, то «доброжелательно» его истолковывая, то укрываясь невозможностью судить о ближнем. Человек же ответствен за ход мировой войны зла с добром, а посему вынужден присматриваться, оценивать и выбирать, злему же — препятствовать.

Толстой и Ильин близки в том, что оба выступают за борьбу со злом, но тяготеют при этом к разным путям. Толстой говорит об обращении к самому себе, Ильин — об обязанности участвовать во внешней жизни. При этом оба они признают в борьбе со злом пользу для общего.

Современный мир не занимает ни позицию Толстого, ни позицию Ильина, ибо та и другая обращены к религиозной стихии, современный же мир склоняется к атеистическим ценностям гуманизма и толерантности. Религиозный мир — это мир одной главной истины, на которой этот мир зиждется, ибо эта истина позволяет различить добро и зло. Толерантный мир — мир множественности истин, и понятие зла в нем относительно.

Светский мир желает редуцировать религию до выражения человеколюбия, а идеал христианского смирения свести к толерантности, т. е. приятию всех истин. Он ждет от религии пассивного молчания, когда речь заходит о зле. Но религия не есть специфическая форма гуманизма. Религия и светский гуманизм имеют разные основания. Религия имеет дело с пространством, центрированным Богом, гуманизм — с пространством, центрированным человеком и его правами.

Религия, как скажет Флоренский, это не добрая старушка, это не умиление над образками в красивых виньетках. Религия — это, прежде всего, Страх Божий. Она сурова. Страх Божий — это не психологический, а мистериальный страх. Как скажет Авва Дорофей, существуют два вида страха — первоначальный и совершенный. Первоначальный страх — это страх смерти и страх мук. Он относится к душевным склонностям человека, и именно он возводит к совершенному страху — тому, который основывается на любви к Богу и благоговении. На этом совершенном страхе зиждутся все добродетели, ибо, как сказано в Писании, *«Начало мудрости — страх Господень»* (Пс. 110, 10). Страх — это сила, ведущая к Богу, ибо именно страх позволяет сместить «я» из центра человека и дать место Богу.

Имея ясную точку отсчета, религия во зле усматривает зло. Но осквернение святынь — это зло особое, ибо оно заключается в посягательстве на эту точку отсчета. Оно дерзает ее размыть, сокрушить. Поэтому речь идет не о способности христиан проявить смирение ко грешнику, который совершает грех внутри дифференцированного ценностного пространства, а о том, как удержать само это пространство, сохранить неизблемость его границ. Религия не может не быть чутка к посягательству на святыни, ибо они есть условие различения добра и зла. Без них пространство человеческого бытия становится аморфным, и человек перестает понимать самого себя.

Именно поэтому религия не есть личное дело. Религия состоит из ценностных узлов, ориентируясь на которые человек получает возможность выжить в хаосе своих субъективных состояний. Светская культура предлагает человеку синкретичные ситуативные смыслы, обрекая его на то, чтобы двигаться в необжитом мире на ощупь. Любые высказывание о добре и зле в этом мире ведут к абсурду, ибо аб-

солютных ориентиров здесь нет. Абсолютные и ситуативные смыслы, не имея возможности встретиться, образуют пространство тотального непонимания.

Если для Церкви стоит вопрос о защите своих святынь, то в секулярном мире «акции» получают прочтение в свете политики и искусства.

1917 год

Не похоже ли происходящее на 1917 г.? Не витает ли в воздухе дух революции? Не последуют ли за упавшим крестом крушение церквей и несимволическая борьба с властью? Несоответствие масштабов обоих явлений не должно смущать, ибо из спички легко разжигается костер. Тем более что сами по себе «акции» в гораздо меньшей степени интересны, нежели их журналистский и общественный антураж, который, собственно, и сделал их «акциями».

Но существенная черта сегодняшних событий заключается в том, что они абсолютно лишены какой-либо идеи. В них нет ни борьбы за что-то, ни борьбы против чего-то. Чьи-то субъективные аффекты по воле случая стали событием. На месте идеи здесь стоит жажда развлечения. Но эта частная трагедия участников «акций» высвечивает более масштабную проблему отсутствия идей как таковых. Современный мир безыдеен, а потому человек в нем отдан во власть случая и хаоса собственной субъективности.

Но имеет ли право человек на подобное проявление своих состояний?

Тотальная свобода

Гуманистическая культура, воспевая ценность и свободы человека, идет по пути разрушения прежних запретов, которыми создавался человек. Этот процесс начинает приобретать абсурдный характер. Например, адвокат досрочно выпущенного из заключения маньяка называет изнасилование с последующим убийством нескольких детей «нарушением фундаментальных прав детей» и аргументирует действия суда, отпустившего преступника, правами человека, которыми обладает и маньяк. Под свободой человека начинает пониматься тотальная свобода. Но, как скажет М. Фуко, «нет ни одной культуры в мире, где было бы все позволено. Давно и хорошо известно, что человек начинается не со свободы, но с предела, с линии непреодолимого» [6]. Человек создается пределами, ограничениями. Эти пределы имеют силу тогда, когда они абсолютны и охватывают всю жизнь человека, не отдавая его во власть частного, когда они основаны на внутреннем принятии, а не внешнем принуждении. То есть ограничения име-

ют силу тогда, когда они относятся к культуре. Как, например, табу в первобытных обществах имело такую природу, что преступивший их человек мог лечь и умереть сам от одного осознания преступления.

Иначе мы всегда будем иметь дело с человеком, подобным герою «Заводного апельсина». Обычно причину преступлений и неудачной попытки исправления главного героя видят в том, что герой является калькой социальной действительности. А каков мир, таков и человек. Однако смысл истории заключается в том, что «линия непреодолимого» появляется тогда, когда она создается и удерживается внутренними усилиями. Чем поспешнее мир расстается с такими линиями, тем быстрее он прощается с феноменом человека.

Искусство

Сегодня искусством называется все — результаты действий машин и животных, перформансы и нехитрые изобретения, например, фотография с фотографии, которая приобретает статус экспоната.

Существует попытки представить современные перформансы как часть и естественное развитие традиции. Например, сослаться на то, что русские авангардисты и футуристы XX в. широко пользовались этим приемом. Малевич дефилировал по Кузнецкому мосту с деревянными ложками в петличках пальто. Маяковский сражал зрителей желтой блузой. Михаил Ларионов отправился в кофейню с лицом, разрисованным Натальей Гончаровой в футуристическом стиле. Однако стоит сказать, что то были Малевич, Маяковский, Ларионов и Гончарова, которые славны отнюдь не ложками, блузками и рисунками на лице.

Попыткам размыть границы искусства можно противопоставить рабочую гипотезу о том, что искусство имеет дело с общим, которое противостоит субъективному и случайному. В произведении искусства через автора выговаривается не авторское видение, но то общее, что художник своим чутьем способен уловить в голосе жизни.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя / Post scriptum. М., 2007.
2. Блаженные старицы Дивеевского монастыря / Сост. А.Н. Стрижев. М., 2003.
3. *Розанов В.* О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Апокалипсис нашего времени. СПб., 2001.
4. *Толстой Л.Н.* Исследование догматического богословия // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 23. М., 1958.
5. *Ильин И.* О сопротивлении злу силою. М., 2006.
6. Матрица безумия / Карл Густав Юнг, Мишель Фуко. М., 2006.

К.В. ПАТЫРБАЕВА

Теоретико-методологические особенности анализа субъекта истории в марксизме и проблема субъекта постиндустриального общества

Аннотация. В статье рассмотрены основные идеи марксизма в отношении субъекта исторического процесса. Обращается внимание на онтологическое основание человека как субъекта истории, показываются значение понятия «сущностных сил» и эвристическое значение теории общественно-экономических формаций при анализе субъекта истории. Выявлены ключевые моменты описания промышленного пролетариата классическим марксизмом и определено значение исследования всеобщего труда при анализе субъекта постиндустриального общества.

Ключевые слова: исторический процесс, субъект истории, марксизм, постиндустриальное общество.

Abstract. The basic ideas of classical and modern Marxism on subject of history are represented in this article. The article draws attention to the ontological basis of human as a subject of history, shows the meaning of term «essential features» and the heuristic value of the theory of socio-economic formations in the analysis of subject of history. The article identified the key points of the description of the industrial proletariat in classical Marxism and determined the value of research of universal labor in the study of subject of postindustrial society.

Keywords: history, subject of history, Marxism, postindustrial society, universal labor.

Данная статья служит обобщением базовых положений классического и современного марксизма в отношении человека, общества, истории *в единую схему*, способную послужить далее *методологической опорой в анализе субъекта истории на постиндустриальном этапе развития*.

Согласно современному варианту марксизма (научной философии), всеобщая и социологическая концепции человека и общества тесно связаны друг с другом. Человек рассматривается как результат бесконечного развития материи, причем как особая — социальная — форма материи; благодаря наличию высшей формы материальной активности — трудовой преобразовательной деятельности, — человек находится в практическом отношении к миру и самому себе; постоянно производя собственное бытие из наличных природных условий, человек творит собственную жизнь и свою историю.

Онтологическое основание человека как субъекта — развитие материального мира как единого закономерного мирового процесса, на определенном этапе породившего человека, способного к сознательной целесообразной активности. Труд и другие виды деятельности, направленные на преобразование мира и себя, позволяют назвать человека *подлинным и единственным субъектом исторического процесса*.

В отличие от философских концепций прошлого, которые полагали главными признаками *специфической субъектной активности* сознательность, разумность человека, наличие смысла в его действиях, философия марксизма дала убедительное обоснование того, что сознание и, следовательно, активность, связанная с сознательной деятельностью, сама является производной от активности материальной, а именно, от производственной, трудовой деятельности. Этот момент позволяет увидеть *онтологическое основание субъекта*, «вывести» становление субъекта истории из последовательного развития материального мира как единого закономерного мирового процесса (подробнее см.: [1, 11—14]).

В силу закономерностей развития материи, в человеке интегрировано и аккумулировано всеобщее содержание предшествующих ступеней, в результате чего *человек оказывается носителем основных свойств материи в универсальной форме* [2]. Универсальность человека проявляется *в способе его существования*. В отличие от предшествующих форм материи, которые существовали либо непосредственно, либо путем приспособления к среде, человек существует универсальным способом — он преобразует среду, нижележащие формы материи, доразвивая нереализованные в предшествующем процессе развития возможности материи. В то же время в процессе труда человек постоянно производит и воспроизводит себя из окружающей его природной среды. Субстанциональность материи — быть причиной самой себя, быть источником своего развития — реализуется с появлением человека во всей своей полноте.

Согласно Марксу, важной особенностью человека как социальной субстанции является то, что он способен порождать и воспроизводить не только самого себя, но и все другое, развертывая и обнаруживая в этом другом свою субстанциональную сущность. В отличие от животного, которое производит только самого себя, «человек воспроизводит всю природу», «по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую ему мерку». Труд в этом смысле является потенциально бесконечным и содержит в себе возможность и необходимость бесконечного существования человека, бесконечной и неисчерпаемой человеческой сущности.

По верной оценке Г.С. Григорьева, человеческое в человеке есть продукт исторического развития именно как *субъекта активной, преобразующей сознательной деятельности, как единственного истинного субъекта труда*. В своей трудовой деятельности, видоизменяя вещество природы, человек утверждает себя в качестве субъекта — властелина и царя природы [3, 159].

Разумеется, существуют *различные виды субъектной активности человека* — человек выступает и как субъект познания, и как субъект общения; субъектная активность человека проявляется в социальной и политической сферах и т. д. Важно понимать, что марксизм не игнорирует и не отрицает разнообразия субъектной активности человека, проявляющейся в различных видах деятельности. Суть в том, что марксизм задает *определенную иерархию различных видов деятельности* (что не обнаружилось в субъектно-деятельностном подходе в психологии [4, 30—37]), где *способность человека к материальному труду* рассматривается как первичная способность, определяющая возможность формирования других видов человеческой деятельности.

В данном аспекте определенным эвристическим потенциалом обладает понятие «сущностные силы», используемое как в классическом марксизме, так и в современном его варианте. Понятие сущностных сил *позволяет выделить ключевые для человека виды субъектной активности — труд, сознание, общение*, — а также такие важные *субъектные свойства, как коллективность и индивидуальность, свобода и ответственность* и пр.

В связи с этим анализ сущностных сил человека является, по нашему мнению, важным моментом при анализе субъекта общества и истории. Представление об иерархии (ярусах) сущностных сил позволяет выделить наиболее важные виды субъектной активности человека (человек как субъект труда, человек как субъект мышления и познания, человек как субъект общения), а всеобщая концепция человека и общества обосновывает приоритетность трудовой активности перед всеми остальными.

По нашему мнению, говоря о субъекте, следует различать понятия «субъектность, субъектное» и «субъективность, субъективное». Термины «субъектность», «субъектное» обозначают то, что относится к субъекту, принадлежит субъекту. Субъектными свойствами человека будут, прежде всего, его сущностные силы — его способность к труду, наличие сознания, способность к общению, его потребности. Поскольку все люди как представители рода *homo sapiens* данными свойствами обладают, эти субъектные свойства выступают по отношению к человеку как объективные, обязательно наличествующие. При этом, говоря о субъекте, мы не исключаем объективные условия его деятельности

(природные, конкретно-исторические), в связи с чем и сама активность человека не может быть чисто субъективной (точнее, субъективистской), не учитывающей объективно данные условия человеческого бытия. «Субъективное» — также то, что принадлежит субъекту. Однако часто понятие «субъективное» относят для фиксации индивидуальных особенностей человека, его внутреннего мира, содержания сознания. Субъективное — то, что остается в сознании человека за вычетом объективного содержания, заимствованного, отраженного из внешнего мира. Иногда также «субъективное» рассматривается как тождественное понятиям «неадекватное», «субъективистское» и в этом плане несет на себе негативный оттенок. Об опасности такого понимания субъекта предупреждал, например, А.В. Брушлинский [5, 22]. В связи с этим мы предпочитаем термин «субъектный» для обозначения всех целостных качеств человека как социального субъекта и субъекта собственной истории.

Далее следует остановиться на понятии *активности*. В принципе, можно согласиться с субъектно-деятельностным подходом в психологии, что активность — важнейшая субъектная составляющая. Активность входит в содержание понятия «субъект», поскольку субъектом можно быть по отношению к чему-то или к кому-то как объекту. Отношение субъекта к объекту и выражается категорией активности. При этом часто, чтобы подчеркнуть специфически человеческий вид активности, используют понятие «деятельность». Различение понятий «активность» и «деятельность», в целом, имеет определенный смысл. Понятие «активность» является более широким, нежели понятие «деятельность». Активностью обладает материя в целом (движение — атрибут материи), деятельность же может совершать человек как социальная материя. Деятельность при этом предполагает сознательность, целесообразность (т. е. задействование различных существенных сил человека). В настоящей работе мы используем понятия «активность» и «деятельность» как взаимозаменяемые.

В онтологическом плане важнейшим субъектным видом человеческой активности, как было отмечено выше, является преобразовательная деятельность, материальный труд. Однако в обществе, как известно, существуют различные виды человеческой активности — политическая и законотворческая деятельность; бытовая активность; художественное творчество и пр. Разумеется, через данные виды деятельности человек также реализует себя как субъект социального бытия.

Значительным эвристическим потенциалом, который можно использовать при анализе социального субъекта и субъекта истории обладает и понятие *общественно-экономической формации*. Оно позволяет перейти от понятия «общество вообще» к понятию «общество на

определенном этапе развития» и выделить определенные структурные элементы общества (базис и надстройку).

В современной литературе общественно-экономическую формацию часто определяют:

- как «общество на определенной ступени развития» [2, 183];
- как «исторически определенный этап развития общества (людей в их отношениях друг к другу), исторически определенный этап развития общественного бытия и общественного сознания, которые являются содержанием базиса и надстройки» [6, 312];
- как «определенный тип общества, цельную социальную систему, функционирующую и развивающуюся по своим специфическим законам, обусловленным данным способом производства» [7, 328];
- как людей, «исторически определенным образом материально и духовно производящих собственную жизнь, людей, достигших определенного исторического этапа собственного развития» [6, 312].

Последнее определение наиболее удачно в том плане, что отражает субъектную составляющую истории, указывая, что общественно-экономическая формация — это, в конечном счете, определенная степень развития субъекта исторического процесса. В связи с этим можно говорить об определенной *типологии субъектов исторического процесса* — конкретно-исторических типах субъектов, которые будут отличаться друг от друга уровнем развития производительных сил и исторически определенными производственными отношениями.

Используя понятие общественно-экономической формации, можно выделить следующие *виды субъектной активности*: 1) *активность, относящаяся к способу производства, включая экономический базис общества* (трудовая деятельность, производственные отношения между людьми); 2) *активность, относящаяся к надстроечным видам деятельности* (политическая активность, законотворческая деятельность; занятия наукой, искусством, философией; деятельность в образовании, здравоохранении, в креативном секторе экономики и пр.).

В данных видах активности воплощаются сущностные силы человека, которые, как показано Л.А. Мусаеляном, и лежат в основе общественно-экономической формации [7].

Выделение активности, относящейся к способу производства, и надстроечных типов активности позволяет рассмотреть человека как субъекта общества и истории конкретно-историческим способом. Кроме того, в данном случае находят отражение структурные особенности общества (сама структура общества является следствием субъектной активности человека).

Активность, относящаяся к способу производства, и надстроечные типы активности соотносятся друг с другом как первичные и вторич-

ные. В ракурсе развития всего человеческого общества приоритетным, первичным будет первый вид активности — активность, относящаяся к способу производства, включающая собственно материальную преобразовательную деятельность людей и производственные отношения. Активность, относящаяся к надстроечным видам деятельности, является вторичной, производной от первой, хотя и обладает относительной самостоятельностью. Полагаем, в отношении этих видов активности действуют те же закономерности, что и в отношении базиса и надстройки.

Предлагаем выделить следующие закономерности, исходя из логики марксизма:

- производственная активность субъектов порождает виды активности, связанные с надстроечной деятельностью;
- производственная активность субъектов создает материальные средства для реализации надстроечных видов активности (инструменты для занятий искусством, приборы для научной деятельности, техническое обеспечение для работы в образовании и медицине и пр.);
- надстроечные виды активности зависят от производственной активности — изменения в производственной активности влекут изменения в надстроечной активности;
- надстроечные виды активности отражают специфику производственной активности;
- надстроечные виды активности обладают относительной самостоятельностью и имеют также собственные источники развития.

В связи с вышесказанным, анализ субъекта общества и истории должен, во-первых, предполагать анализ производственной активности — производительных сил (способности к труду и специфики ее реализации) и производственных отношений, а во-вторых, проследить взаимосвязь и выявить специфику надстроечных видов активности субъекта. Так, в анализе капиталистического общества и пролетариата как его субъекта К. Маркс не только раскрыл *специфику производственной активности пролетариата*, но и пытался доказать, что *политическая активность и политическая роль пролетариата* являются следствием социально-экономического положения пролетариата.

Как классический марксизм, так и его современный вариант (научная философия) настаивают на методологическом требовании конкретно-исторического подхода к человеку и обществу. Материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса начинается с определения предпосылок истории, являющихся действительными человеческими индивидами, которые, однако, не должны быть абстрактными, изолированными друг от друга. Напротив, это индивиды, находящиеся друг с другом в определенных социальных отношениях

(базовыми из которых будут производственные отношения, отношения собственности).

Следуя логике марксизма, *предлагается понимать под субъектом истории конкретно-исторических индивидов (группы индивидов), определенным образом занимающихся производственной деятельностью, состоящих в определенных производственных, политических и других отношениях.* Понятие «народные массы» конкретизирует, уточняет понимание субъекта исторического процесса в марксизм, позволяя дать материалистический ответ на вопрос о роли народных масс и личности в истории. Таким образом, понятие «субъект истории» может быть уточнено далее с учетом использования понятия «народные массы». С учетом этого предлагается еще одно определение субъекта истории. *Субъектом истории, его движущей силой, являются люди, выступающие в качестве народной массы как центральный момент производительных сил, как носители способности к труду (рабочей силы), соответствующей потребностям исторически определенного этапа развития общества.* Поскольку именно труд является главной сущностной силой человека и субстанцией человеческой истории, то именно *сами трудящиеся, реализующие эту способность к труду, выступают центральным субъектом истории.* Причем понятия «народные массы» и «население» совпадают, согласно марксизму, лишь в неантагонистических обществах, тогда как в классовых обществах народные массы — это трудящаяся и эксплуатируемая часть населения [8; 9]. В капиталистическом обществе народные массы совпадают, по сути, с классом пролетариев. При этом известно, что марксизм «делал ставку» именно на историческую роль пролетариата, наделяя пролетариат *статусом субъекта истории.* Маркс в работах различных периодов и, в особенности, в «Капитале» рассматривал пролетариат как субъекта капиталистического общества индустриального типа. В его исследовании пролетариата присутствуют следующие моменты:

- анализ пролетариата как субъекта машинного труда и носителя сущностных сил соответствующего уровня, прежде всего, способности к труду;
- изучение экономического характера пролетариата, показавшего, что пролетарий на капиталистическом рынке труда является, прежде всего, носителем товара «рабочая сила» и субъектом абстрактного труда, лежащего в основе стоимостного рыночного отношения и создающего прибавочную стоимость, представляющую собой неоплаченный труд рабочего, который и подвергается эксплуатации капиталистом;

- анализ проблемы отчуждения (в его различных аспектах) как следствие экономического положения пролетариата;
- выделение особой (всемирно-исторической) роли пролетариата в условиях капитализма.

Маркс полагал, что превращение пролетариата из «класса-в-себе» в «класс-для-себя» (которое является следствием ухудшения экономического положения пролетариата и роста его самосознания) делает его тем классом, который, совершив социалистическую революцию, будет способен освободить все общество от эксплуатации и построить общество нового типа — коммунистическую общественно-экономическую формацию. Через социалистическую революцию и революционные преобразования общества пролетариат и должен был утвердить себя как подлинный субъект истории.

Известно, что «проект» построения коммунистического общества в Советском Союзе потерпел неудачу. Означает ли это историческую несостоятельность марксистской концепции в целом? Означает ли невозможность осуществления социалистической революции в том виде, как ее представлял Маркс, сегодня неактуальность марксизма как теоретического и методологического конструкта в целом?

По нашему мнению, крах СССР в 1990-х гг. связан, прежде всего, с определенными ошибками в государственном управлении, а не с марксизмом как теоретическим конструктом. Хотя это отдельный вопрос научного анализа, к которому следует обращаться в отдельной работе.

Что касается пролетарской революции как перехода общества к принципиально новому состоянию — это лишь один из «сценариев». В.В. Орлов, например, говорит о главном — «третьем сценарии Маркса», незамеченном многими исследователями (например, Д. Беллом) [10]. Этот третий сценарий связан с развитием труда — формированием всеобщего материального труда. Понятие всеобщего труда было введено К. Марксом и определено в наиболее общем виде. Концепция всеобщего труда в классическом марксизме осталась не развернутой. Современный марксизм — научная философия, разрабатываемая пермской университетской школой философии, делает особый акцент и видит перспективы развития марксистской концепции именно через исследование феномена всеобщего труда. Также пермская школа обращает внимание, что теория постиндустриального общества и формационная концепция не противоречат друг другу, а лишь представляют собой два различных уровня описания общества — феноменологический и сущностный. Следовательно, они способны взаимно обогащать друг друга.

Всеобщий труд часто не принимается исследователями во внимание, или же ему даются ограниченные трактовки как *труда всех* в об-

ществе или же как нематериальной, духовной деятельности [11; 12]. Хотя более правильно сказать, что всеобщий труд представляет собой проявление всеобщих творческих сил человека, благодаря которым человек становится способным использовать новые мощные силы природы на научной основе. Всестороннее развитие сущностных сил человека как субъекта всеобщего труда проявляется, прежде всего, в развитии способностей — практическом освоении закономерностей всех известных форм движения материи и преобразовании их в технологию производства [13]. По Марксу, всеобщий труд представляет собой процесс по управлению «всеми силами природы». Становление всеобщего труда началось с середины XX в., что в технологическом плане проявилось, прежде всего, в развитии автоматизации и компьютеризации. Всеобщий труд предполагает принципиально новый уровень развития сущностных сил человека, а значит, и новый субъект труда (и как следствие, субъект социума и истории). Этот субъект будет отличаться от промышленного пролетариата XIX в., который описывал Маркс (см. работы: [14—16]).

Новейшие концепции общества, в частности, теории развитого индустриального общества, теории постиндустриального общества часто указывают на «смерть рабочего класса», снижение численности пролетариата («синих воротничков»), все возрастающее число рабочих в «белых воротничках», а также класса техников и профессионалов. В качестве одного из тезисов известна также идея нивелирования классовых противоречий и соответственно классовой борьбы как движущей силы развития общества.

Означает ли это ошибку марксизма, сформулировавшего идею, что движущей силой истории являются народные массы? Исчезают ли народные массы вместе с уходом с исторической арены традиционного (промышленного, индустриального) пролетариата? По нашему мнению, оснований для подобных выводов нет. Еще раз уточним, что понятие «народные массы» в марксизме понимается широко. Это понятие не тождественно ни понятию «классы», ни понятию «пролетариат». Народные массы — это трудящиеся, носители способности к материальному труду как высшей формы материальной активности, которой обладает человек как социальная форма материя, как субъект, результат и цель собственной истории. Понятие «народные массы» носит классовый характер только в классовых обществах, в условиях промышленного капитализма (индустриального общества) народные массы совпадают с пролетариатом.

Развитие капиталистического общества и рождение из его недр нового социально-экономического строя, появление которого описывали различные концепции, начиная с середины XX в., на самом деле, обу-

словлены дальнейшим развитием материального производства — формированием всеобщего (научного, автоматизированного) труда. Соответственно новый тип труда предполагает и новый субъект труда, производительные силы нового качества и соответствующие новые производственные отношения. *Народные массы как трудящиеся, как носители материальной преобразовательной активности сохраняются* (более того, согласно закону возрастания народных масс в истории, сформулированному Марксом и Энгельсом в работе «Святое семейство», активность народных масс должна возрастать).

Промышленный пролетариат как субъект машинного труда индустриального типа уходит в прошлое, однако на его место приходит *рабочий нового типа — субъект всеобщего труда*, который, по нашему мнению, и есть *субъект постиндустриального общества*. Исследование его производственной активности (относящейся к базису) и надстроечных типов активности должно составить, по нашему мнению, магистральное направление исследований субъекта постиндустриального общества.

На наш взгляд, марксизм является достаточно универсальной в плане описания социума и его субъекта концепцией. Используемый терминологический аппарат — «субъект», «социальная материя», «сущностные силы человека», «активность», «материальный труд», «производительные силы и производственные отношения», «собственность», «народные массы», «классы» — может быть использован для описания общества на различных этапах развития. Имея всеобщее содержание, эти понятия на различных этапах развития общества приобретают конкретно-историческое значение.

Исходным фундаментом анализа социума и индивида является понятие сущностных сил, носителями которых являются любые индивиды любой эпохи. Познание специфики развития сущностных сил, степени соответствия родовой и индивидуальной сущности человека, позволяет постигать особенности общества и его субъектов в различных исторических условиях.

Поскольку центральным компонентом сущностных сил человека выступает материальный труд, то анализ субъекта той или иной исторической эпохи, по логике марксизма, *должен начинаться именно с анализа способности к труду*. Как показано выше, согласно марксизму, именно труд определяет способ производства, представляющий собой единство производительных сил и производственных отношений. *Именно материальная трудовая деятельность является главным субъектным типом активности — активностью, относящейся к способу производства как фундаменту общественно-экономической формации*. Соответственно анализ субъекта постиндустриального об-

щества должен исходить из исследования формирующегося всеобщего типа труда, носителем способности к которому и выступает *субъект нового типа*.

Анализ способности к труду должен дополняться также определением специфики средств производства, в частности, орудий труда и технологии производства как вещественных элементов производительных сил, поскольку они являются отражением способности человека к труду, своеобразным «мерилом» развития человеческой сущности.

Производственные отношения как экономический базис формации и, в первую очередь, *отношения собственности* являются также отражением уровня развития материального производства и соответственно субъектной материальной активности, а, значит, также должны исследоваться при анализе субъекта той или иной исторической эпохи. Если речь идет об антагонистическом обществе, расколотом на классы, необходимо определиться с тем, что это за классы как социальные субъекты. Из них производящий класс, занятый материальной производственной деятельностью, будет составлять главную движущую силу общества и истории. Если традиционный промышленный пролетариат «ушел в прошлое», как верно заметили исследователи нового индустриального общества, то следует ответить на вопрос: *кто сегодня является главным производителем и какими особенностями он обладает?*

Помимо исследования субъектной активности, относящейся к способу производству, необходимо при исследовании субъекта того или иного общества обратиться к надстроечным видам активности, прежде всего, к политической.

Интересным направлением познания субъекта новой эпохи является, по нашему мнению, изучение его субъектных особенностей в условиях повседневности.

Так в целом нам видятся возможности исследования субъекта формирующегося постиндустриального общества с позиций современного марксизма (научной философии).

Литература

1. *Патырбаева К.В.* Онтологические основания человека как субъекта истории (всеобщая концепция субстанции исторического процесса) // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 6 (20).
2. *Васильева Т.С., Орлов В.В.* Социальная философия. Пермь, 2002.

3. Григорьев Г.С. Труд — первая человеческая потребность. Пермь, 1965.
4. Патырбаева К.В., Мазур Е.Ю., Патырбаева М.И. Категория «субъект» в субъектно-деятельностном подходе в отечественной психологии // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 5 (18).
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., 2003.
6. Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Ч. II. Пермь, 2008.
7. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2011.
8. Ашин Г.К. Роль народных масс и личности в истории. М., 1967.
9. Роль народных масс и личности в истории. М., 1957.
10. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006.
11. Бессонов Б.Н. Человек. Пути формирования новой личности. М., 1988.
12. Сиземская И.Н. Человек и труд: условия гармонии и развития. М., 1981.
13. Патырбаева К.В. Особенности современной формы труда и работник нового типа. Пермь, 2006.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
15. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произвед.: В 3 т. Т. 1. М., 1979.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произвед.: В 3 т. Т. 1. М., 1979.

Н.А. ЯСТРЕБ

Модели взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований в научном познании*

Аннотация. Рассматривается проблема соотношения фундаментальных и прикладных исследований в различных моделях инновационного процесса. Дается анализ интерактивной, интегрированной и линейной моделей научно-технического развития. Исследуется модель тройной спирали как подход к определению специфики взаимодей-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Конвергенция технологий как парадигма современного технического знания»), проект № 12-03-00435а.

ствия академических институтов, промышленности и правительства в процессе инновационной деятельности. Отдельное внимание уделяется феномену конвергентных технологий и специфике научного познания в программе NBIC-конвергенции.

Ключевые слова: инновация, модели инновационного процесса, технологии, фундаментальные и прикладные исследования, NBIC-конвергенция.

Abstract. This article discusses the problem of basic and applied researches in different models of innovation process. Linear, interactive, integrated models of scientific and technical development are analyzed. Triple helix model of university-industry-government relations to explain the structural changes in the knowledge-based economy is investigated. The role of NBIC-convergence in the interaction of fundamental and applied research is revealed.

Keywords: innovation, models of innovation, technology, basic and applied research, NBIC-convergence.

Определение специфики современной науки и перспектив ее дальнейшего развития остается наиболее актуальной проблемой современной философии науки. При ее постановке определяющее значение имеет выявление системообразующих факторов, изменение которых может служить основанием для описания эволюции науки. Критерием оценки этих изменений может выступать характер взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований в научном познании на сравниваемых этапах его развития. Данная проблема необходимо включает вопрос о роли технологий в научном познании, системное исследование которого является задачей технонауки, направления в философии техники, активно заявившего о себе в последние десятилетия. Технологии могут встраиваться в научное исследование в качестве среды и движущей силы научного познания, они становятся объектами исследований, иногда выступают как цель и результат научного познания. В итоге, на современном этапе мы уже не можем считать технологии побочным продуктом, они интериоризированы в научные исследования.

Новый характер взаимодействия науки и технологий проявился в понятии инновационной деятельности, понимаемой как единый процесс фундаментальных и прикладных исследований, целью которого является внедрение новых продуктов, технологий, методов и т. д. Термин «инновация» активно используется в экономическом, политическом, образовательном дискурсах. В философии он начал рассматриваться в контексте моделей научно-технического развития.

В 1980-е гг. С. Клайн и Н. Розенберг [1] поставили вопрос о необходимости исследования процесса производства научного знания и внедрения инноваций. Они описали и подвергли критике классическую линейную модель взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований и предложили новую, интерактивную модель инновационного процесса. В настоящее время разработан ряд концепций, однако проблема понимания механизма производства, отбора и реализации научных знаний на практике продолжает быть актуальной, особенно в связи со значительными преобразованиями в сфере современных технологий.

Линейная модель взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований. К XX в. сложилась классическая схема внедрения научных знаний, подразумевавшая, что фундаментальное и прикладное исследование представляют собой разные этапы познания. Первая модель, разработанная для описания взаимоотношений науки, технологий и экономики, получила название линейной. Она базируется на идее о том, что в основе инноваций лежат фундаментальные исследования, которые затем находят свое продолжение в исследованиях прикладного характера. В свою очередь результатами последних становятся внедрение инноваций в производство и доведение их до потребителя. При этом подразумевается, что результаты первого этапа представляют собой входную информацию для второго, а итоги прикладных исследований далее используются при выведении полученных продуктов и технологий на рынок. Такая модель не предполагает обязательных механизмов обратной связи между этапами исследований и основывается на искусственном разделении наук на фундаментальные и прикладные. В качестве субъектов научно-технического процесса здесь выступают научные учреждения (в том числе университеты) и промышленные предприятия. Другим игрокам, в частности, государству и потребителям отводится второстепенная роль, в связи с чем данная модель активно критикуется [2].

Уязвимость линейной модели парадоксальным способом связана с ее основным преимуществом. Она предполагает долгосрочное научно-техническое развитие, требует существенного внимания к фундаментальным исследованиям, даже если они не имеют очевидной практической полезности. Запросы экономики конца XX в., основанной на стимуляции потребительского спроса, быстром внедрении разработок и их постоянном обновлении, вызвали необходимость поиска таких схем взаимодействия науки и технологий, которые не устраняли бы фундаментальные исследования, но, оптимизируя их, стимулировали производство инноваций.

Интерактивная и интегрированная модели инновационного процесса. В качестве альтернативной господствовавшей на той момент линейной концепции в 1980-е гг. формируется интерактивная модель производства и внедрения научных знаний. В ее основе лежит построение инновационного процесса при помощи петель обратной связи между производством знаний, технологиями и ожиданиями рынка. Такая схема предполагает не только интеграцию деятельности внутри научно-технической среды, но и ее тесное взаимодействие с внешней системой, в данном случае с рынком и потребителями.

Интерактивная модель была наиболее востребована в эпоху быстрого роста отдельных инновационных компаний, фирм, таких как «Google», «Intel», ряда фармацевтических концернов и др. Именно на уровне отдельных современных прорывных предприятий такая схема приводит к наилучшим результатам, позволяя гибко сочетать научные исследования, маркетинг и разработку технологий. Высокая адаптивность и внедрение новых идей обеспечивают существование интерактивных корпораций в жестких условиях рыночной конкуренции. В то же время на уровне государств интерактивная модель практически неприменима. В этом случае отчетливо преобладают «национальные парадигмы инноваций» [3, 26].

Ключевой идеей следующей, интегрированной модели является утверждение необходимости сопряжения фундаментальных и прикладных исследований на всех этапах инновационного процесса. Данная концепция опирается, в первую очередь, на экономические обоснования, ее принципы отвечают требованиям интенсификации темпов производства знания, его реализации в виде технологий, продуктов и услуг, которые, в свою очередь, также должны быстро обновляться и заменяться новыми. Легко видеть, что в этом случае цели и основания интегрированной модели «построены в ответ на вызовы современной инновационной сферы» [4, 201]. Однако, несмотря на сугубо прагматическую направленность, данная модель предлагает весьма ценные идеи для организации научно-технического процесса. Это, прежде всего, интеграция научно-исследовательской деятельности во все этапы инновационного процесса — от выдвижения идеи до реализации конечного продукта на рынке; параллельность основных видов деятельности, которые в линейной модели рассматривались как отдельные этапы; наличие обратной связи между фундаментальными, прикладными и маркетинговыми исследованиями. Интегрированная модель реализована в сфере рекламы, политики, управления общественным мнением, информационных технологий и других областях. Философская значимость такой концепции обусловлена тем, что в ней представлен новый подход к пониманию развития научного знания, связи

науки и технологий, осмыслению стратегий и субъектов инновационного процесса. Актуальность подобного рода исследований подтверждает количество публикаций по теме структуры инновационного процесса и целый спектр моделей, предложенных в качестве альтернативы линейной модели. В то же время сама концепция имеет ряд уязвимых мест как в отношении соответствия реальности, так и с точки зрения стратегии, перспектив научно-технического развития. Фундаментальная наука как производство знаний рассматривается здесь зачастую в прагматическом аспекте — как источник инновационных идей и основание успешности проектной деятельности на всех ее этапах. Долгосрочные фундаментальные исследования, не дающие очевидной практической значимости, становятся невостребованными и нефинансируемыми, поскольку знание производится не «ради знания», а с целью внедрения.

Примат экономической выгоды в инновационном процессе перед эпистемологическими, этическими, социальными ценностями приводит к тому, что научное исследование, как прикладное, так и фундаментальное, рассматривается как инструмент для реализации принципов общества потребления. Ориентация на быструю смену товаров, продуктов, технологий стимулирует постоянный высокий спрос, социальная ответственность науки, по сути, выносится за скобки, особенно если она мешает получению прибыли. Все эти аспекты задают границы применимости интерактивной модели, успешной в случае разработки и внедрения отдельных технологий, но опасной при переходе на государственный и глобальный уровни. Ее анализ показывает невозможность построения инновационного процесса без учета государственных, социальных, экологических, гуманистических аспектов.

Тройная спираль научно-технического развития. Новую модель организации научно-технического развития, основанную на взаимодействии академических институтов, промышленности и правительства, предложили Г. Ицкович и Л. Лейдесдорф, назвавшие ее «тройной спиралью» (The Triple Helix) [5, 14].

Основной задачей этой концепции является разработка такой схемы взаимодействия участников инновационного процесса, которая отвечала бы требованиям «экономики, освоенной на знаниях, в противовес политически организованной экономике» [4, 25]. При этом подчеркивается несостоятельность мнения о том, что научные учреждения производят знание, а промышленность обеспечивает его внедрение. Каждая сфера в рамках тройной спирали рассматривается как производитель собственного знания. На первый план выходят инновационные комплексы, объединяющие фундаментальные, прикладные и маркетинговые исследования. Такие взаимодействие, открытость и сквоз-

ной обмен получаемыми знаниями и технологиями повышают вероятность получения новых идей.

«Тройная спираль» как модель инновационного процесса показала себя как жизнеспособная научно-исследовательская программа, поскольку успешно адаптировалась к быстрым изменениям в научно-технической сфере, происходившим в последние два десятилетия. В дальнейшем встал вопрос о расширении круга участников инновационного процесса и о включении в структуру модели общества и общественного мнения и преобразования, таким образом, «тройной спирали» в «спираль» с четырьмя ветвями (a fourth helix). При этом возникла важная проблема, связанная с влиянием таких аспектов социальной жизни, как взаимодействие средств массовой информации и научной сферы, коммуникации науки и общества и т. д. Такое расширение модели, по мнению Лейдесдорфа, уместно для относительно замкнутых и самодостаточных в инновационном плане государств. В реальности развитие науки в условиях глобализации, интеграции научного сообщества на международном уровне посредством Интернета приводит к тому, что на первый план выходят уже не социальные аспекты внутри отдельных стран, а интернациональные факторы, требующие отдельного рассмотрения.

Фундаментальные и прикладные исследования в программе NBIC-конвергенции. Для построения современной модели взаимодействия науки и технологий необходимо учитывать особенности не только потребностей экономики, но и специфику кардинальных изменений, произошедших в сфере технологий в последнее десятилетие. Эти особенности определяются по-разному. Так, П. Форман определяет различие между классическим и современным соотношением науки и технологии исходя из того, что раньше существовал «примат техники перед (и над) технологиями» [6, 2], а сейчас явно обозначившийся приоритет технологий сопровождается утратой уверенности в надежности и достоверности фундаментального знания. Сложилась ситуация, когда техническое знание демонстрирует свою состоятельность тем, что «работает», а фундаментальное, распавшись на множество парадигм и теорий разной степени подтвержденности, оставляет человека в растерянности.

Такая позиция представляется излишне утилитарной, а утверждение о том, что наука сдает позиции технологиям — поверхностным. Безусловно, характер взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований изменился, результатом научного познания все чаще является не «чистое» знание, а технология, т. е. «знание как», открывающее путь достижения какой-либо цели. Но правомерно ли говорить об утрате фундаментальности? Для ответа на этот вопрос необходимо

обратиться к наиболее востребованным технологическим направлениям.

В анализе современной научно-технической сферы большое внимание уделяется возникновению и распространению приоритетных прорывных технологий, всплеск развития которых в конце XX в. привел к интересному феномену, отмеченному М. Роко и В. Бэйбриджем. Они показали, что точки роста современного научного знания лежат в области схождения, сближения нано-, био-информационных и когнитивных технологий. Данное явление получило название *NBIC*-конвергенции, которая в настоящее время является интернациональной инновационной научно-исследовательской программой, объединяющей множество как узкоспециальных, так и междисциплинарных исследований. Примечательно, что в ее названии не упоминается термин «наука», она сосредоточивается исключительно на технологиях. Также нужно понимать, что на данный момент программа *CT* (convergence technology) не имеет списка однозначно определенных принципов, она представляет собой совокупность приоритетных направлений, в которых технологии выходят на уровень фундаментальных знаний. Программа *NBIC*-конвергенции основывается на фундаментальном характере разрабатываемых проблем, что, в свою очередь, соответствует первичности фундаментальных знаний в линейной модели. В то же время такой подход не описывает внутренней специфики инновационного процесса в рамках конвергентных исследований, поэтому представляется актуальным создание новой, конвергентной модели научно-инновационного процесса.

Для построения такой модели необходимо учитывать ряд особенностей. Прежде всего, специфику распределения и трансляции знаний фундаментальных и прикладных знаний в обозначенных *NBIC*-программой областях. В обозначенный спектр входит, собственно, одно научное направление — когнитивное. Его роль в структуре конвергентных исследований создатели программы обозначают, утверждая, что «если представители когнитивных наук смогут придумать, то нанотехнологи смогут построить, биотехнологи смогут реализовать, а специалисты в области информационных технологий смогут контролировать и управлять» [7, 13]. Таким образом, конвергенция предполагает выход за пределы узкой схемы взаимодействия «фундаментальное—прикладное», «наука — технология — практика». Базовый, фундаментальный уровень научного познания связывается с когнитивными исследованиями, приоритет которых обусловлен исследованием важнейших проблем, связанных с пониманием работы мозга, познавательных процессов, поведения, коммуникации и т. д. Нанотехнологии, основывающиеся на идее единства мира в наномасштабе, выступают

как классическое прикладное знание, позволяющее использовать понимание природы для построения искусственных объектов. Биотехнологии олицетворяют уже современное, неклассическое практическое знание, поскольку становятся условием и основанием для фундаментальных исследований в своей области, интегрируют функции не только приборов и инструментов, но и управления, мониторинга, моделирования. Информационные технологии выступают как универсальный инструмент и для фундаментальных, и для прикладных исследований, более того, они становятся метатехнологиями, используемыми на всех уровнях и этапах познания.

Меняется и цель инновационного процесса, которая понимается уже не как стимулирование спроса, покорение природы или абстрактный научно-технический прогресс. Программа *NBIC*-конвергенции заявила основной задачей науки и технологий улучшение качества жизни человека, повышение физического, интеллектуального и социального потенциалов. Толкование этой идеи осуществляется по-разному, от создания благоприятной экологичной среды, перехода к обществу знания, до «реконструкции человека или, даже, создания “пост-существ”» [8, 4]. Также необходимо учитывать различие между европейской и американской программами *NBIC*, которые по-разному понимают стратегические задачи развития конвергентных технологий. В США основоположники и флагманы конвергентных технологий видят путь их развития в преобразовании человека и усилении его возможностей, риторика в этой области опирается на термины «реконструкция человека» (*reconstruction of man*) и «постчеловек» (*posthuman*). Европейский взгляд выражается формулировкой «конвергентные технологии для европейского общества знания» [8, 4]. Такая программа базируется на идее социального конструктивизма, совместного действия технологий и общества для улучшения качества жизни человека, причем подчеркивается, что социальные ценности имеют приоритет перед технологиями.

В целом программа *NBIC*-конвергенции не предполагает сведения науки к технологиям и перехода фундаментальных исследований на второй план, а подразумевает необходимость холистического исследования природы и общества, без разделения на фундаментальное и прикладное, на науку и технологии, поскольку они реализуют общую цель — познание ради улучшения качества жизни человека.

Таким образом, взаимоотношение фундаментальных и прикладных исследований в научном познании носит сложный, системный характер, определяет необходимость пересмотра традиционного деления на фундаментальные и прикладные науки, классической линейной модели производства инноваций, расширения круга субъектов процесса

научно-технического развития, философско-методологического осмысления социокультурных трансформаций, вызываемых развитием конвергентных технологий.

Литература

1. *Kline S., Rosenberg N.* An Overview of Innovation // The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth / R. Landau, N. Rosenberg (eds.) Wash., 1986.
2. *Mehta M.D.* Nanoscience and Nanotechnology: Assessing the Nature of Innovation in These Fields // Bulletin of Science, Technology & Society. Vol. 22. 2002. No. 4.
3. *Leydesdorff L.* The Triple Helix, Quadruple Helix, ..., and an N-Tuple of Helices: Explanatory Models for Analyzing the Knowledge-Based Economy? // Journal of the Knowledge Economy. 2012. No. 3
4. *Глушко Н.В.* Интерактивная и интегрированная модели развития инноваций // Экономика и управление. 2011. № 3.
5. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Triple Helix—University—Industry—Government Relations: a Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. 1995. No. 14.
6. *Forman P.* The Primacy of Science in Modernity, of Technology in Postmodernity and of Ideology in the History of Technology // History and Technology. 2007. No. 1/2.
7. *Roco M., Bainbridge W.* Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology, and Cognitive Science // NSF/DOC-Sponsored Report. Arlington.
8. *Bensaude-Vincent B.* Technoscience and Convergence: A Transmutation of Values? // Summerschool on Ethics of Converging Technologies. Dormotel Vogelsberg. Omrod/Alsfeld, Germany. 2008 // <http://hal.archives-ouvertes.fr/docs/00/35/08/04/PDF/06BBV.pdf>.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Научно-технологическая революция XXI века в ритме смены цивилизационных циклов

Аннотация. Впервые выдвинуто положение о двух типах технологических революций, связанных со сменой технологических укладов — долгосрочных (кондратьевских) и технологических способов производства, сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов. Каждой революции предшествует технологический кризис, преодолеваемый волной базисных и эпохальных (при смене цивилизационных циклов) инноваций. Глобальный технологический кризис начала XXI в. обусловлен закатом индустриального технологического способа производства (что лежит в основе экономического кризиса) и может быть преодолен на основе волны эпохальных базисных инноваций, становления шестого технологического уклада. Это приведет к усилению технологической и экономической поляризации в мировой экономике. Россия после технологической деградации 1990-х гг. отброшена на периферию мирового технологического прогресса. Она может частично вернуть позиции лишь на основе стратегии инновационного прорыва, которой пока нет.

Ключевые слова: технологическая революция, технологический уклад, технологический способ производства, кондратьевские циклы, цивилизационные циклы, технологические кризисы, стратегия инновационного прорыва, базисные инновации, эпохальные инновации.

Abstract. It is for the first time put forward the point of two types of technological revolutions associated with the change of technological orders - long-term (Kondratieff) and technological modes of production, super-long (civilizational) cycles. Technological crisis to be surmounted by a wave of basic and epochal (inn the change of civilizational cycles) innovations precedes every revolution. Global technological crisis of the beginning of the 21st century is determined by the decline of the industrial technological mode of production (that underlies the economic crisis), and can be surmounted by a wave of epochal basic innovations of the evolving 6th technological order. This will lead to exasperation of technological and economic polarization in the world economy. Russia, after technological degradation of the 90s, is thrown to the periphery of the world technological

progress. It can partially regain its positions on the basis of the strategy of innovative breakthrough only that there is not yet in place.

Keywords: Technological revolution, technological order, technological mode of production, Kondratieff cycles, civilizational cycles, technological crises, strategy of innovation breakthrough, basic innovations, epochal innovations.

Технологические революции не возникают спонтанно. Они являются одной из закономерностей цивилизационной динамики, тесно связаны с трансформацией других составляющих генотипа цивилизаций, служат материально-технической основой смены цивилизационных циклов и крупных этапов в их динамике [1; 2].

Можно выделить два типа технологических революций, наблюдающихся в истории цивилизаций.

Наиболее масштабны, длительны, глубоки технологические революции, происходящие при смене мировых цивилизаций (сверхдолгосрочных цивилизационных циклов). Их главным содержанием является смена технологических способов производства, что служит основой смены преобладающего экономического строя. Примером может служить промышленная революция конца XVII—начала XIX в., положившая начало индустриальному технологическому способу производства, индустриальной цивилизации, ныне завершающей свой жизненный цикл. Такие революции происходят раз в несколько столетий (в древности — раз в несколько тысячелетий).

Другой тип технологической революции связан со сменой технологических укладов (ТУ) как материальной основы долгосрочных (в современную эпоху — примерно полувексовых) кондратьевских циклов. Эти революции означают смену этапов жизненного цикла технологического способа производства. Они занимают меньший отрезок времени, хотя тоже могут производить радикальные трансформации в жизни общества. Примером могут служить технологическая революция конца XIX — начала XX в. (становление третьего ТУ), НТР середины XX в. (становление четвертого ТУ).

На стадии заката сверхдолгосрочного технологического цикла технологические революции не носят столь радикального характера (например, при становлении пятого ТУ). На повышательной фазе сверхдолгосрочного цикла они носят более крутой, радикальный характер [3].

Исторической тенденцией является углубление связи между научными и технологическими революциями, их

взаимопроникновение, что дало основание говорить о НТР середины XX в. Можно ожидать, что эта тенденция сохранится и в перспективе.

В свете сказанного становится очевидным, что предстоящая НТР второй четверти XXI в. относится к первому типу. Она не ограничится очередной сменой ТУ, переходом от пятого к шестому укладу. Эта революция будет происходить в условиях смены цивилизационных циклов — заката индустриальной и становления интегральной, гуманистически-ноосферной мировой цивилизации [1; 2]. Это означает, что будет происходить смена технологических способов производства. Поэтому предстоящая НТР будет особо длительной, глубокой, связанной с радикальными переменами в условиях производства жизни людей.

Первая и главная особенность НТР—XXI показана выше и состоит в том, что эта революция разворачивается в составе смены цивилизационных циклов, когда меняются не только технологические уклады, но и технологические способы производства. Это обуславливает особую глубину и продолжительность обновления технологической базы на основе эпохальных инноваций и реализующей их волны базисных инноваций, радикальную трансформацию структуры технологической базы производства и общества, затяжной характер глобального технологического кризиса, предшествующего НТР, и длительные сроки освоения первых поколений шестого технологического уклада [4].

Вторая особенность состоит в изменении соотношения составляющих генотипа цивилизаций — факторов научно-технологического развития — в ходе НТР. Прежние технологические революции индустриальной эпохи происходили в условиях роста численности населения и повышения доли населения в инновационно-активном возрасте — а революции делают прежде всего молодые; НТР—XXI — в условиях падающих темпов прироста народонаселения, снижения доли инновационно активного населения, увеличения среднего возраста населения и доли населения в консервативном пожилом возрасте. Так, среднегодовые темпы прироста населения в целом по миру составили в 1950—1955 гг. 1,77%, в 2025—2030 гг., по среднему варианту прогноза ООН, 0,73%; средний возраст населения в 1950 г. 24 года, в 2030 г. — 34,2 года; доля населения в возрасте 15—24% соответственно 19,2 и 15,4 года, а в возрасте 60+ — 9,6 и 16,5% [5, 109].

НТР середины XX в. позволила вовлечь в производство новые природные ресурсы, крупные месторождения нефти, природного газа, руд черных и цветных металлов при относительно низких и стабильных ценах на топливо и сырье, что давало дополнительные

ресурсы для базисных инноваций; затраты на охрану окружающей среды были невелики. НТР—XXI разворачивается в условиях истощения лучших месторождений природного топлива и сырья, высоких темпов его удорожания и увеличения экологических затрат, что ограничивает экономический рост и ресурсы для инноваций. В 1970 г. средняя мировая цена барреля нефти составляла всего 4 дол., в 2011 г. — 85 дол., за последние два года цена выросла на 52% [6, 389], такая «пляска» цен на топливо и сырьевые товары подрывает устойчивое развитие экономики. Природно-экологический фактор становится тормозом НТР.

Технологический фактор также менее благоприятен для НТР—XXI. В 1950-е гг. происходило массовое обновление основного капитала на базе технологий четвертого ТУ. В начале XXI в. основной капитал стареет морально и физически и обновляется медленно, особенно в России, где степень износа основного капитала достигла в 2010 г. 47,1%, а коэффициент обновления составляет всего 3,9% [7, 333—334].

НТР середины XX в. развивалась в условиях стремительного роста инвестиций в науку и в инновационные обновления экономики. В начале XXI в. рост «виртуального капитала» и рыночной капитализации ТНК и монополий ведет к извлечению капитала из сферы воспроизводства и направлению его на биржевые спекуляции. Отношение рыночной капитализации к мировому ВВП выросло с 48% в 1990 г. до 121,3% в 2007 г., затем упало в 2009 г. до 85,2%, в 2010 г. поднялось до 106,4%. В России при нулевом уровне в 1990 г. рыночная капитализация поднялась до 15% в 2000 г. и 116,5% в 2007 г.; упала до 69,9% в 2009 г. и 67,7% в 2011 г. [6, 298; 8, 284]. Это свидетельствует о росте паразитизма позднеиндустриального экономического строя, что отрицательно сказывается на инвестициях в инновации и возможностях НТР—XXI.

НТР середины XX в. сопровождалась стремительным ростом затрат на науку и образование, особенно в СССР, верой в безграничные возможности науки и приходом в науку и инновации потока мировых талантливых кадров. В преддверии НТР—XXI наблюдаются сокращение вложений в науку и инновации, падение их престижа в обществе, уменьшение притока талантливой молодежи в эти сферы. В России до сих пор не преодолена технологическая деградация 1990-х гг., вложения в науку и образование ниже среднемировых. Доля затрат на НИОКР в ВВП составляет 1,25% против 2,15% в среднем по миру и 2,44% по странам с высоким уровнем доходов, затрат на образование — 4,1 против 4,6% в среднем по миру и 5,1% по странам с высоким уровнем доходов [6, 84, 334]. Социокультурный фактор менее благоприятен для НТР—XXI.

Социально-политический фактор научно-технологического развития также менее благоприятен для НТР—XXI. В 1950—1960-е гг. правительства большинства стран активно поддерживали науку и инвестиции, чему способствовало соревнование двух систем и двух военно-политических блоков в научно-технической (и особенно в военно-технической) сфере. В начале XXI в. такая государственная поддержка существенно сократилась, особенно в России.

Таким образом, если в середине XX в. все факторы максимально благоприятствовали НТР, то в начале XXI в. положение обратное. И тем не менее именно НТР—XXI является главным ключевым фактором, способным преодолеть кластер глобальных кризисов и выйти на траекторию глобального устойчивого развития.

Третья особенность НТР—XXI состоит в том, что она осуществляется в условиях чрезмерной поляризации экономического и научно-технологического потенциала между авангардными и отстающими странами. В 2010 г. разрыв в уровне ВВП на душу населения между странами с высокими доходами (1127 млн человек) и низкими доходами (796 млн человек) составил 73,9 раза по текущим ценам и 26,3 раза по ППС. В странах с высоким доходом при их доле в численности населения мира 12,6% сконцентрированы 51,3% исследователей, 77,6% затрат на НИОКР, 98,3% доходов от роялти, на их долю приходится 68,8% высокотехнологичного экспорта [6, 22, 334]. При такой поляризации отстающие страны не имеют ни средств, ни кадров для освоения базисных инноваций шестого ТУ, достижений НТР—XXI, и технологическая пропасть между авангардными и отстающими странами будет возрастать.

Четвертая особенность НТР—XXI состоит в том, что она разворачивается в условиях, когда неолиберальные реформы 1990-х гг. в большинстве стран (и особенно в России) ослабили ведущую роль государства в научно-технологическом и экономическом развитии, подорвали их возможность эффективно проводить кейнсианскую антикризисную политику и следовать примеру «нового курса» Франклина Рузвельта. Об этом свидетельствует антикризисная политика Европейского союза и Международного валютного фонда, ведущая к углублению кризиса и приближающая социальный взрыв. Международные организации — ООН, «Группа 20», «Группа 8», Международный валютный фонд, Всемирный банк — также недооценивают технологическую основу преодоления кризисов. В итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 концентрируется внимание на социальной, экономической и экологической составляющих устойчивого развития, но практически игнорируется технологическая составляющая.

Для осуществления НТР—XXI необходимо преодолеть неолиберальные иллюзии и опираться на социальный закон Питирима Сорокина, предусматривающий усиление государственной регламентации в условиях кризисов, и недавно открытый закон поляризации и социально-политического и инновационного партнерства в кризисных ситуациях, предусматривающий консолидацию цивилизаций, государств, социальных слоев и поколений и инновационное партнерство науки, образования, власти и бизнеса для выхода из острого кризиса.

Возможны два сценария развертывания НТР—XXI: *инерционный* — если сохранятся с некоторыми коррективами ныне преобладающие тенденции в действии и использование факторов научно-технологического развития; *инновационно-прорывной* — если мировое сообщество, правительства ведущих стран, включая Россию, сумеют выработать и эффективно осуществить долгосрочную стратегию разработки, освоения, распространения технологий шестого уклада, преодолеть чрезмерную технологическую поляризацию. Каковы возможные последствия этих сценариев?

Во-первых, хотя НТР—XXI произойдет при обоих сценариях, но при инерционном она чрезмерно затянется, окажется менее эффективной и будет сопровождаться дальнейшим усилением технологической поляризации. Ее плоды достанутся в основном ТНК, монополиям и авангардным странам, тогда как отстающие страны будут прозябать в нищете. Это не дает возможности выйти на траекторию глобального устойчивого развития. При инновационно-прорывном сценарии удастся в сжатые сроки (в начале второй четверти XXI в.) преодолеть кластер глобальных кризисов, осуществить крупномасштабное освоение шестого ТУ, ускорить темпы экономического и социального прогресса и обеспечить выход на траекторию глобального устойчивого развития. Это не значит, что удастся устранить кризисы и начать равномерное движение: кризисы при смене среднесрочных, долгосрочных (кондратьевских) и тем более сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов сохранятся, но будут предсказуемыми и сравнительно быстро и с малыми потерями преодолеваются. Можно провести аналогию с принципом устойчивости в кораблестроении: корабль не может избежать качки в штормовую погоду, но не должен переворачиваться при сильном шторме.

Во-вторых, можно предвидеть следующие экономические последствия НТР—XXI: при инновационно-прорывном сценарии в 2020-е гг. среднегодовые темпы прироста могут повыситься до 3—3,5%, а в 2030-е — до 3,5—4%, несмотря на демографические и

природно-экологические ограничения. Но прежних рекордно высоких темпов прироста 1950—1973 гг. — 4,9% и на душу населения 2,9% [11] — вряд ли когда-либо удастся достичь в силу указанных ограничений. Но это может быть достигнуто лишь при становлении интегрального экономического строя, преодолении «экономики мыльных пузырей», повышении доли материального производства, преодолении чрезмерной поляризации.

При инерционном сценарии эти позитивные тенденции реализуются с запозданием и на меньшем уровне, кризис позднеиндустриального экономического строя затянется, что затруднит выделение ресурсов, необходимых для освоения и распространения НТР—XXI.

В-третьих, в результате освоения ресурсосберегающих технологий и шестого ТУ будет осуществлен переход к ноосферному энергоэкологическому способу производства и потребления, что позволит преодолеть энергоэкологический кризис в 2020—2030-е гг., сберечь природные ресурсы для следующих поколений, удовлетворить потребности в энергии и сырье с меньшими затратами. При инерционном сценарии энергетический и продовольственный кризисы затянутся до 2040-х гг., становление «зеленой экономики» и «зеленой революции» в сельском хозяйстве будут отложены и дадут менее эффекта.

В-четвертых, НТР—XXI будет способствовать укреплению здоровья населения, увеличению рождаемости и сокращению смертности, искоренению нищеты и голода на планете. При инерционном сценарии этого удастся достичь нескоро, если вообще удастся.

В-пятых, освоение достижений НТР и повышение темпов экономического роста будут способствовать социально-политической стабильности, формированию партнерства цивилизаций, государств, социальных слоев и поколений. Сократятся основания для социальных потрясений и революций, военных конфликтов, использования достижений НТР—XXI для гонки вооружений. При инерционном сценарии социально-политическая нестабильность сохранится и может возрасти, равно как и угрозы военных конфликтов и столкновений цивилизаций.

Наконец, в-шестых, инновационно-прорывной сценарий НТР—XXI будет способствовать ускорению становления интегрального социокультурного строя, возвышению науки, повышению креативности и инновационности образования, возрождению высокой культуры и гуманистически-ноосферной нравственности. При

инерционном сценарии глубокий кризис социокультурной сферы сохранится надолго и будет с трудом преодолеваться.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Научно-технологическая революция XXI в. (НТР—XXI) является закономерной составной частью смены цивилизационных циклов и трансформации генотипа цивилизаций, становления интегральной, гуманистически-ноосферной цивилизации, магистральным путем преодоления кластера глобальных кризисов и выхода на траекторию устойчивого развития.

2. Особенности НТР—XXI по сравнению с предыдущими технологическими революциями:

- на ее основе происходит не только смена технологических укладов, долгосрочных (кондратьевских) циклов, но и смена технологического способа производства в рамках смены цивилизационных циклов;
- демографические условия менее благоприятны из-за падения темпов прироста и старения населения, снижения доли инновационно активного и повышения пожилого населения;
- природно-экологический фактор становится ограничителем НТР—XXI в силу роста дефицита и удорожания природного сырья и увеличения затрат;
- технологический фактор тормозит инновационное обновление основного капитала, все более устаревающего и медленно обновляемого, увеличивается технологическая поляризация авангардных и отстающих стран;
- позднеиндустриальный экономический строй, рост «экономики мыльных пузырей», неолиберальная глобализация в интересах стран «золотого миллиарда» и ТНК сдерживают экономический рост и инновационное обновление экономики;
- распространение неолиберальных концепций ведет к ослаблению роли государства и международных организаций в преодолении кризисов и инновационном обновлении на базе освоения НТР.

При инновационно-прорывном сценарии последствиями НТР будут преодоление кластера глобальных кризисов, повышение темпов экономического роста и социального развития уже в 2020-е гг., становление ноосферного энергоэкологического способа производства и потребления с 2030-х гг. и обеспечение социально-политической стабильности на основе партнерства цивилизаций, государств, социальных слоев и поколений, инновационного партнерства науки, образования, власти и бизнеса.

При инерционном сценарии кризисы затянутся, инновационные процессы будут развиваться менее активно и с меньшим эффектом.

НТР—XXI при инновационно-прорывном сценарии окажет радикальное воздействие на экономику: повысятся темпы экономического роста; структурные сдвиги в экономике позволят увеличить долю материального производства, потребительского и инвестиционного секторов; сократится разрыв между богатыми и бедными странами, будет искоренена нищета на планете.

Социодемографический фактор, падение темпов прироста населения и доли инновационно активного населения будут тормозить НТР—XXI. В то же время достижения в области медицинских и агропродовольственных технологий будут способствовать преодолению социодемографического кризиса.

В России складываются неблагоприятные условия для НТР—XXI из-за технологической деградации 1990-х гг., затяжного кризиса в науке и образовании, низкой и падающей конкурентоспособности продукции, сохраняющейся депопуляции и сокращения численности трудоспособного населения. В то же время только на основе НТР—XXI возможно преодолеть эти ограничения. Поэтому ускоренное освоение достижений НТР—XXI должно стать основным содержанием долгосрочной инновационно-технологической стратегии, ориентированной на инновационный прорыв.

Литература

1. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М., 2011.
2. Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов. М., 2012.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального экономического кризиса. М., 2010.
4. Прогноз инновационно-технологической динамики цивилизаций. Ч. 5. Глобального прогноза «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. М., 2009.
5. World Population Prospects. The 2008 Revision. N. Y., 2009.
6. World Development Indicators 2012. Wash.: The World Bank, 2012.
7. Российский статистический ежегодник 2011. М., 2011.
8. World Development Indicators 2008. Wash.: The World Bank, 2008.

А.В. ТРУБИЦЫН

**Анализ социально-психологической среды
как существенный фактор исследования
экономического поведения**

Аннотация. В статье исследуется влияние социально-психологической среды на экономическое поведение. Подчеркивается значимость окружающей микросреды для оценки эффективности организации. Рассматриваются особенности российской социально-психологической макросреды.

Ключевые слова: социально-психологическая среда, социальная ситуация, внешняя микросреда организации, внешняя макросреда организации.

Abstract. The article investigates influence of the social-psychological environment upon economic behavior. The author emphasizes the importance of microenvironment for assessment of the organizational effectiveness and considers features of the Russian social-psychological macroenvironment.

Keywords: social-psychological environment, social situation, organization microenvironment, organization macroenvironment.

Исследования социальной среды экономической деятельности предприятий стали неотъемлемой частью теории и практики современного стратегического менеджмента. Исследованиям социальной макросреды жизни общества (в том числе и социально-психологической среды) еще предстоит стать фактором, формирующим успешную экономическую деятельность России.

Социально-психологическая среда является частью социальной среды жизнедеятельности людей. Понятие социально-психологической среды связано с деятельным участием человека или организации в больших и малых социальных группах. Во многом оно аналогично понятию социальной ситуации и психологического контекста. Например, ситуационный подход, который во главу угла ставит совокупность обстоятельств (состояний и характеристик среды), оказывающих влияние на субъекта в данное время и направляющих его жизнедеятельность, позволяет рассматривать в менеджменте социально-психологическую среду организации (или личности) как подразделяющуюся на внешнюю и внутреннюю (для организации). Причем внешняя среда состоит из среды непосредственного общения (деловой, или внешней, микросреды), включающей группы лиц, непосредственно и постоянно

взаимодействующих с организацией, и среды косвенного воздействия (макросреды), включающей состояние экономики, географические, социально-психологические, политические и другие макрофакторы.

Именно на микроуровне человек (как и организация) прежде всего осознает цели своей жизнедеятельности, стремится реализовать их, взаимодействует с окружающей средой, именно реакции микросреды воспринимают в первую очередь как оценку эффективности своей деятельности.

Как подойти к оценке социально-психологической среды на микроуровне? Ежедневное общение с представителями одних и тех же значимых для успеха деятельности социальных групп заставляет человека (или организацию) делать выбор между отстаиванием традиционных рутинных подходов к оценке своей деятельности или принимать как данность неопределенность окружающей среды и сложность ее воздействий на деятельность. В случае рутинных подходов к экономической деятельности используется один из трех вариантов. Целевой подход требует четкой постановки целей организации и определяет успешность деятельности с точки зрения того, насколько хорошо и полно удалось этих целей достичь. Этот подход вполне удобен для коммерческих организаций, видящих успех своей деятельности в достижении точно измеримых показателей определенной величины прибыли, роста, дохода от инвестиций или доли рынка. В случае некоммерческих организаций подобная точная оценка затруднена и эффективность (помимо отчетных показателей) может связываться с умением организации добыть из окружающей среды необходимые ресурсы и с толком их повседневно использовать. Третий подход связывает успешность с гладкостью протекания всех внутренних процессов в организации и благоприятностью организационного климата. Однако организация, взявшаяся анализировать все факторы, регулярно влияющие на успешность ее деятельности, с большой вероятностью приходит к подходу, получившему название в современном менеджменте «подход заинтересованных сторон». В успехе экономической деятельности отдельного человека или групп бывают заинтересованы вполне определенные группы людей из самой организации и из ее внешней микросреды. У каждой из этих групп есть собственная заинтересованность, и именно анализ этих интересов и степени их удовлетворенности составляет суть этого подхода и становится основой для исследования среды деятельности человека или организации. Здесь стоит сделать два замечания. Во-первых, то, что для отдельного человека, входящего в организацию, является внешней социально-психологической средой его деятельности, для организации

подразделяется на внешнюю микросреду и внутреннюю среду самой организации. Во-вторых, разумеется, есть группы из макроокружения, заинтересованные в успехе деятельности организации, но как человек, так и организация в первую очередь ощущают оценку своей деятельности со стороны групп, формирующих социально-психологическую микросреду экономической деятельности организации.

Факторы, влияющие на формирование предпочтений в отношении конкретной организации, связаны с культурой и ценностями общества в целом, а также разных социальных, политических и других общественных групп, поэтому эти интересы и ожидания будут формировать весьма противоречивую социально-психологическую среду у каждой организации.

Противоречивы и возможные ожидания заинтересованных групп. Например, правительство будет ждать от организации эффективного использования энергии и природных ресурсов, соблюдения законов, уплаты налогов, обеспечения занятости; акционеры будут ждать увеличения и регулярности выплат по дивидендам, увеличения цены акций; работники рассчитывают на удовлетворяющую их заработную плату и премии, подходящий социальный пакет, возможности профессионального развития, интересную работу; потребители — на подходящие цены, высокое качество товаров и услуг, предоставление гарантий; поставщики — на своевременную оплату поставок, надежную позицию руководства организации и т. д.

Помимо самого существования этого клубка разнообразных интересов, для формирования социально-психологической среды организации важны степень заинтересованности группы в успехе организации; возможности и средства группы оказания давления в своих интересах; вероятное влияние ожиданий заинтересованных сторон на стратегические позиции организации.

Оценки реального взаимодействия этих противоречивых интересов можно обобщить, указав две основных:

- первая (безусловно, превалирующая на современном российском рынке, что свидетельствует о его незрелости) — прибыль является объективным критерием, на который ориентируется вся капиталистическая экономика, и хотя недоучет интересов тех или других групп снижает эффективность работы организации, но организация, пытающаяся удовлетворить потребности более, чем одной группы, не удовлетворяет ничьих интересов, причем это относится и к коммерческим, и к некоммерческим организациям;
- вторая (приобретающая все больший вес в мире в связи с ростом понимания стратегической опасности для организации

концентрирования только на прибыли, а особенно на ее максимизации) исходит из того, что поскольку каждая компания участвует в конкурентной борьбе на рынках капиталов, товаров и труда, то успех, а как минимум — выживание организации — обеспечивается достаточным вниманием компании к интересам всех основных заинтересованных групп.

С одной стороны, из всех заинтересованных сторон только собственники демонстрируют прямую непосредственную заинтересованность в прибыли организации, другие группы впрямую (или вообще) этого интереса не испытывают. С другой стороны, прибыль — это необходимое условие деятельности организации на рынке, даже для некоммерческих организаций подобная оценка имеет смысл — инвестор или спонсор организации (или отдельного человека), как правило, разными способами сравнивает полученный организацией результат с затраченными им средствами, желая, чтобы результат превосходил затраты. С третьей — сама нацеленность на максимизацию прибыли (как этого ждут собственники) даже теоретически вызывает ряд противоречий, делающих сомнительным для успеха организации формирование социально-психологической среды, ориентированной на получение максимальной прибыли (этой организацией):

максимизация краткосрочной прибыли, как правило, ведет к стратегическим убыткам и, наоборот, стратегическая максимизация снижает прибыль в настоящем; предпринимателю нередко важен не максимальный, а лишь приемлемый уровень прибыли. Российские предприниматели, ориентируясь в массе на максимизацию прибыли, нередко в процессе профессионального обучения (свидетелем чего многократно становился автор) с удивлением обнаруживают, что реально в бизнес их привели совсем иные, отличные от финансовых доходов потребности, а их удовлетворение вовсе не требует постоянной нацеленности на максимум прибыли; получение «психологических» доходов (подобных уважению в обществе или удовлетворению от реализуемых талантов), нередко очень важное для российских предпринимателей, ведет часто к снижению прибыли. К сожалению, вероятно, неопытность мешает им отыскивать удовлетворяющее равновесие между уровнями денежных и «психологических» доходов.

Рассмотренные выше противоречия «заинтересованных сторон» и противоречия, связанные с отношением к прибыли, выводят на более широкую группу противоречий, сталкивающих нацеленность организаций только на экономические показатели (стратегически порой иллюзорный фундамент) с ориентированностью на показатели,

учитывающие сложность социально-психологической среды, особенности заинтересованных групп, взаимосвязи, влияющие на успех или неудачу экономического агента.

Понятие российской социально-психологической среды теснейшим образом переплетается с понятием российского менталитета, говоря о котором обычно имеют в виду своеобразный склад психических свойств и их проявлений у россиян, оригинальный (как, впрочем, и у любого другого этноса) склад ума россиян.

Остановимся на характеристиках этой важнейшей составляющей социально-психологической среды.

Национальные особенности социально-психологической макросреды. Социально-психологическая среда нации складывается под долговременным воздействием многих взаимодействующих факторов: исторически закономерных трансформаций жизни представителей общности; экономического и политического развития; языка (а в случае России — соотношения общегосударственного и местных языков), который определяет особенности мышления и жизнедеятельности представителей нации, уровня культурного развития общности в целом. Немаловажным фактором является и возраст нации — чем он больше, чем дольше формировались мировоззрение и традиции поведения граждан, тем устойчивее и консервативнее социально-психологические характеристики национальной микросреды (в этом отношении Россия занимает, вероятно, промежуточное положение между Китаем, в течение тысячелетий сформировавшим устойчивые черты постепенного спокойного развития, и молодыми Соединенными Штатами, склонными к быстрому росту в конкурентной борьбе, оборотной стороной которой стали постоянно возобновляющиеся страхи и агрессивность нации-подростка).

Национально-психологические особенности среды складываются из особенностей представителей той или иной национальной общности, которые мыслят и действуют «под диктовку» этнической среды и многолетнего опыта межнационального общения. При этом исследования психологов показывают, что совокупность национально-психологических черт ни одной этнической общности не может рассматриваться в качестве эталона для сравнения. Каждая общность имеет свои абсолютно своеобразные национальные особенности социально-психологических процессов, что сильно затрудняет поиск закономерностей. Исходя из этого, можно осмыслить и отметить некоторые особенности развития социально-психологической среды России как полиэтничного государства: национальные особенности различных этнических групп в российском полиэтничном

государстве сами по себе не являются причиной межнациональных столкновений. Основой для межнационального дискомфорта и конфликтов между этническими общностями становится непонимание или сознательное нежелание учитывать национальную специфику поведения, восприятия людьми друг друга, национальное своеобразие отношения к труду, семье, организационной иерархии и т. д. Укрепление целостности и формирование благоприятной социально-психологической среды в стране требуют, как минимум, уважения к тем чертам психологии других этнических групп, которые кажутся нелепыми, непонятными (а отсюда пугающими) и даже враждебными, поскольку эти черты не случайны, но отражают исторический путь нации, не являясь ни плохими, ни хорошими; как максимум — анализа психологии оппонента с целью понять национальную объективную специфику его поведения.

Имущественные особенности социально-психологической макросреды. Потребности, интересы и мотивы деятельности людей, принадлежащих в силу совокупных объективных и субъективных условий к разным классам, складываются в специфические психологические особенности, свойственные большинству представителей этих классов. Осознаваясь и рационализируясь, эти элементы становятся основой сознания классов и имущественных групп, формируя социально-психологическую классовую макросреду. Имущественные отношения классов отражаются в их потребностях и интересах, создавая тенденции внутриклассовой сплоченности и межклассовых размежеваний. Социально-психологическая классовая среда развивается на разных психологических уровнях, выражая как сходство психологических характеристик представителей одних и тех же классов и имущественных групп, так и степень психологической зрелости класса. На низшем уровне общность лишь отражает (часто на бессознательном уровне) условия социального положения представителей класса. На более высоком уровне формируются представления о своей принадлежности к классу и об отличиях от представителей других классов. Еще выше стоит уровень зрелости, на котором проявляется классовая солидарность, т. е. готовность членов класса совместно сознательно действовать, защищая свои общие классовые интересы.

Изменения социально-психологической имущественной среды в процессе трансформации российского общества порождаются сложным взаимодействием разных общественных факторов. Но все же, как нам представляется, в основе лежит главный фактор, имеющий как экономическую, так и психологическую сторону. Экономический отказ от единства государственной собственности и становление

частной и смешанной собственности естественно повлекли за собой социальное расслоение. А методы, которыми эта реформа осуществлялась, привели к тому, что представители большинства социальных групп оказались в тяжелейшем экономическом положении. Дифференциация социальных слоев нарушает связь каждого человека с обществом, а уважение россиянина к своему государству, всегда являвшемуся центром общественной жизни, подорвано политически и экономически несостоятельными президентом и правительствами 1990-х гг. В результате возникает частично измененная социальная структура. Такие социальные группы, как рабочие, пенсионеры, крестьяне, интеллигенция, в основе сохранились как реальные группы, требующие определенной социальной политики. Из новых явлений можно обнаружить «новых русских» (не определенный однозначно слой), безусловно, слой предпринимателей и, вероятно, формирующийся средний слой. Кроме того, как полюса происшедшего расслоения общества выделяются элитарный верхний слой и безработные как слой низший.

«Новые русские» более субъективно рассматриваются как общественная группа, обогатившаяся за счет спекуляции и криминальной деятельности. Их появление связывается с особенностями теневой экономики еще до перестройки и взрывным увеличением их активности в период разгосударствления собственности. Более объективно «новых русских» можно разделить на предпринимателей, активно занятых современной финансово-экономической деятельностью, и новых негласных владельцев приватизированной государственной собственности, которые по тем или иным причинам не могут или не желают «светиться» или пускать эту собственность в оборот.

Группа предпринимателей заняла лидирующее положение в обществе. Они удачно вписались в ситуацию, сложившуюся в современном неопределенном и нестабильном социальном пространстве. Эта группа характеризуется оригинальными интеллектуальными способностями, соединенными с большой инициативой. Хотя высокая инициативность предпринимателей нередко не сопровождается развитым интеллектом, следствием чего является низкий уровень социальной ответственности.

Существенным направлением изменения социальной структуры общества становится формирование среднего слоя. Успешность этого будет определяться как поддержкой государством малого и среднего предпринимательства, так и социальной политикой, направленной на развитие науки и культуры, соединенной с гарантиями получения и совершенствования образования и улучшения здоровья населения.

Однако, например, во Франции существование сформированного среднего класса придает особую устойчивость французскому обществу, но представителей среднего класса — традиционно называемых во Франции буржуа, буржуазией — характеризует особый интерес к личному благополучию, что, вероятно, и в России будет осложнять их привлечение к защите общенациональных интересов и к осуществлению широких социальных программ.

Рабочих, в отличие от предпринимателей, характеризует привычка действовать в ситуации определенности, их подход к жизненным проблемам во многом определяется заданностью условий производства, профессиональными привычками решать стандартными методами типичный набор производственных проблем. Поэтому именно рабочие оказываются наиболее последовательными сторонниками «порядка в обществе» при сравнительно слабом умении решать проблемы в социально-психологической сфере. При этом, естественно, действия рабочих осложняет экономическая ситуация в обществе, разрушающая единство рабочего класса и усиливающая противоречия в их личных ценностях (с одной стороны — необходимость защиты индивидуальных интересов, вплоть до выживания, с другой — привычная склонность к коллективным действиям). Однако именно рабочие (как непосредственные создатели общественного продукта) являются движущей силой подъема российского производства, поэтому программа поддержки рабочего класса (и профсоюзного движения в частности) — это необходимое условие реализации национального объединения.

Интеллигенция, обладая громадным интеллектуальным потенциалом, не может реализовать его как социальный потенциал. Тяжелое экономическое положение в соединении с противоречивыми личными и групповыми ценностями, со способностями к решению абстрактных проблем, но в гораздо меньшей степени — конкретных социальных, приводят к определенному расслоению группы: часть ушла в коммерческие структуры, часть эмигрировала, часть дисквалифицировалась и утратила черты принадлежности к прежней социальной группе.

Пенсионеры, особенно неработающие, в громадной степени утратили связи со сферами своей прежней работы. Они были очень плохо адаптированы в силу низкого социального положения, низкого уровня благосостояния, консерватизма ценностей. Соответственно их главным интересом вместо плодотворного использования свободного времени надолго стало выживание.

На наш взгляд, изучение поведения представителей разных социальных групп на основании исследования их социальных

ценностей является глубинной основой понимания социально-психологической макросреды России.

Религиозные особенности социально-психологической макросреды. Религиозная макросреда порождается спецификой общественной жизни, вызывающей своеобразное состояние психики верующих, главной характеристикой которого является вера в образы и понятия, считающиеся священными и сверхъестественными. Религиозные организации стремятся сформировать социально-психологическую среду таким образом, чтобы постоянно контролировать психику своей паствы и удерживать верующих под своим влиянием. Монотеистические религии (а три из них являются основными религиями России — православное христианство, мусульманство, иудаизм) на протяжении всей своей истории использовали для этого три основных идеи: (1) избранности, т. е. предпочтения, которое бог якобы оказывает именно этой группе верующих; (2) откровения, т. е. истин (особым образом трактуемых церквями), которые бог якобы довел и доводит в качестве непреложных, а потому и непознаваемых до избранных им групп; (3) теократии, т. е. стремления церковной власти проводить свои идеологические принципы управления людьми через светскую власть, подчиняя ее своей воле.

Если две первых идеи в полной мере являются характеристикой религиозной социально-психологической среды в современной России, то принцип теократии, в общем, уже стал достоянием истории, и даже в кризисный тяжелый период российских реформ теократические попытки православной церкви были быстро погашены, а успехи шариата в Чечне в конце концов тоже удалось ослабить совместными достижениями федеральной и местной светской власти.

В целом, вероятно, исследование религиозной социально-психологической макросреды может вестись путем построения некоторых пространственных трехмерных структур, отражающих, с одной стороны, религиозные предпочтения людей (кратко говоря, пантеистические, политеистические, атеистические или монотеистические взгляды и их оценки с материалистических или идеалистических позиций); с другой — глубину веры различных групп людей, со своеобразием характеристик сознания и поведения глубоко и умеренно верующих, колеблющихся, индифферентных к любым проявлениям веры и т. п.; с третьей — отношение и принадлежность к религиозным организациям (церквям, деноминациям, сектам), перспективам их сотрудничества между собой и со светской властью.

Осталось упомянуть о международном контексте. Российская социально-психологическая среда не просто делится государственной

границей на внутреннюю и внешнюю макросреду. Процесс постепенного планетарного объединения делает эту границу все более открытой, все более объединяет зарубежную и внутрироссийскую среду, формируется планетарная ментальность. Но как эти процессы меняют характеристики социально-психологической среды России и насколько должна сохраняться российская этническая самоидентификация?

Все ускоряющееся изменение технологических структур, перманентная информационная революция постоянно увеличивают давление на социальные структуры. Одной из самых серьезных жертв этого процесса стал СССР, руководство которого не успело осознать ни весь масштаб информационных изменений, ни необходимость перестроить соответствующим образом общественное сознание.

Технологии влияния, выросшие из информационных технологий и применяющиеся на национальном и на международном уровнях, получили название «хай-хьюм» в отличие от ставших совершенно привычными «хай-тек». Для того чтобы выжить и стать лидером в мировой конкурентной борьбе, России необходимы создание и распространение собственных «хай-хьюм» технологий. В таких условиях ключевым в развитии социально-психологической среды России становится противоречие между задачей обеспечения устойчивого развития страны с укреплением общественной идентичности на базе общенациональной идеи, объединяющей граждан страны в одно целое и позволяющей формировать защиту от манипулирования общественным сознанием россиян через мировую информационную систему в интересах экономически более развитых конкурентов, и не менее важной задачей формирования коллективного сознания для решения ставших неотложными планетарных проблем человечества, расширяющего с весьма неопределенными последствиями отношения с окружающим миром.

Пути разрешения этого противоречия и составят, вероятно, в ближайшем будущем основу трансформации социально-психологической среды России.

А.А. АКИНИН, А.А. ШЕВЕЛЕВ

Проблемы социально-экономической и политической трансформации России в условиях кризиса глобализации

Даже и такие разговоры в известном смысле лучше немоты.

А. Привалов

Аннотация. В статье анализируются современное состояние экономико-теоретического знания и происходящие в нем концептуальные сдвиги на фоне глобального финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: целостная картина экономической реальности, модель самодостаточного и устойчивого экономического развития, догоняющая модернизация, авторитарная модернизация.

Abstract. The article analyzes the modern state of economic-theory knowledge and the conceptual shifts which happen in it on the background of global financial and economic crises.

Keywords: complete picture of the economic reality, the model self-sufficient and sustainable economic development, overtaking modernization, authoritarian modernization.

Глобальный кризис и сдвиги в основаниях фундаментальной экономической теории. Глобальный кризис продемонстрировал ограниченность прогностических возможностей современного теоретического мейнстрима и по-новому поставил вопрос, насколько обоснованными являются претензии «главного течения» экономической мысли на фундаментальность. Этот вопрос неизбежен в связи с господствующим на протяжении длительного времени методом получения теоретического знания. Нереалистичность исходных (искусственно заданных) предпосылок, абстрактно-дедуктивное или теоремное выведение знания, в начале поверхностная, а затем и весьма изощренная математизация как способ аргументации — характерные черты доминирующего метода исследования.

Однако развитие информационных технологий и имитационного моделирования (в связи с появлением субъективных вероятностей в финансовом анализе) повышают статус более прагматичных эмпирических исследований, находящихся в русле экспериментальной (поведенческой) экономики. Эмпирические исследования с использованием компьютерного моделирования позволяют выявлять относительно устойчивые взаимосвязи, своего рода поведенческие

паттерны перед веером неопределенностей, имеющих неустрашимый характер. Такие неопределенности являются еще и «дурными» в том смысле, что не обладают структурой, которую можно было бы раз и навсегда модельно описать вероятностями и вероятностными процессами. Поэтому наука все более и более ориентируется на прагматику и экспертную оценку эмпирических, экспериментальных и дискурсивных исследований социально-экономических явлений и событий с имплицитно присутствующими в них принципиально неизмеряемыми неопределенностями. Именно на этом вызревает альтернатива все менее удовлетворительным, хотя и вполне respectableм, «рационализациям непознаваемого».

Возвышение статуса эмпирических исследований знаменует возврат к хорошо тренированному здравому смыслу (А. Маршалл), который на какое-то время покинул теоретико-аналитический корпус в сфере так называемой «чистой» науки. Современные эмпирические исследования и дискурсивный анализ не просто тестируют теоретические модели, но также служат основой для их переосмысления в направлении большей реалистичности и «приземленности», т. е. относительной реализуемости их на практике при выработке политических решений (в том числе при оценке конкретных ситуаций и событий). Они выступают также своеобразным тест-маркером, выделяющим ограничения в действии принципа универсальной рациональности.

Господство неоклассических моделей базировалось на постулате о совершенных рынках, где действуют и преследуют определенные цели сверхрациональные (Р. Лукас) экономические агенты, обладающие «духом расчетливости» (*calculating spirit*). Однако на уровне индивида эмпирическое тестирование фиксирует парадоксальную вещь: рациональность как процесс и специфический продукт мышления человека, максимизирующего полезность и преуспевающего в этом (Г. Саймон), можно приписывать только нерелексирующим группам (например, покупателям торговых сетей и тому подобным общностям, собравшимся на какой-то матрице), поведение же отдельного субъекта зачастую иррационально и непредсказуемо. «Несовершенство» же финансового рынка в явной форме обнаружилось в условиях кризиса 2008—2009 гг., триггером (спусковым крючком) которого стало надувание «пузыря» на рынке недвижимости США (2007) благодаря общедоступному ипотечному кредиту. Ограниченная рациональность самих экономистов-неоклассиков проявилась в их неспособности спрогнозировать (отталкиваясь от предпосылки рациональных ожиданий) поведение экономических агентов в предкризисный период.

В соответствии с объективной логикой развития (идущей не от производства, а от потребления) разворачивалась следующая цепочка событий:

- «пузыреобразная» динамика цен в сфере продаж объектов недвижимости как компромисс между интересами инвесторов, имеющих разные временные деловые горизонты;
- расширяющийся кассовый разрыв между объемами вложенных средств в строительную отрасль (данная программа рассматривалась как движитель экономического роста в условиях удовлетворенных основных материальных потребностей) и возможностью их погашения через ипотечное кредитование (доля субипотеки — 22%);
- перекаldывание посредством деривативов этого разрыва на другие сегменты рынка (в конечном счете и на сырьевой);
- бурно растущий сырьевой рынок с самооправдывающимися сверхожиданиями («шоки предложения»);
- неконтролируемое падение фондового рынка: сдувание сырьевого «пузыря»;
- финансовый кризис с долгоиграющими последствиями.

Экспертный «провал» был закономерен в контексте доминирующей доктрины эффективных рынков, которые, как представлялось, всегда устанавливают «правильные» цены на активы. Нельзя не отметить, что указанной доктрине были привержены даже современные кейнсианцы, основывающие свои модели на предпосылке о совершенных финансовых рынках.

Макроэкономика неоклассиков не рассматривала рецессии как нежелательные явления, с которыми нужно бороться методами монетарной и тем более фискальной политики, или во время которых можно применить и такую «сверхрадикальную» меру, как национализация убытков рыночных субъектов, обладающих системообразующими характеристиками в отдельных отраслях или кластерах экономики. Отвергалась идея Дж.М. Кейнса о необходимости государственного стимулирования «эффективного спроса». В сознании доктринеров имела место следующая идеализированная картина мира, или образ экономической реальности: финансовые рынки совершенны; люди рациональны; цены на активы тяготеют к рыночному равновесию; капитализация фирм — верный ориентир в принятии инвестиционных решений; задача предотвращения депрессий решена; финансовые «пузыри» невозможны; вмешательство государства в рыночные процессы является вредным.

Впитав всю аксиоматику экономизма как веры экономической рациональности «только в саму себя и ни во что другое» (П. Ульрих),

современный мейнстрим (базовая платформа — неоклассический синтез П. Самуэльсона), как ни парадоксально это звучит, вкладывает и свою лепту в потерю контроля над экономическими процессами (от кризиса к кризису). Проявляется это и через снижение степени управляемости со стороны индивидуумов, как обладающих ключевыми компетенциями, так и являющихся носителями «экономического образа мышления».

Чем это может быть объяснено? В частности, тем, что «техника мышления» этих индивидуумов отбирает только те действия, которые, по их мнению, принесут им наибольшую чистую пользу в форме денежной выгоды (П. Хэйне), даже если такая экономическая целесообразность в достижении собственных интересов (в чем бы они ни состояли) выйдет за грани практического (и/или этического) здравомыслия. Предпосылка же ограниченной рациональности, трактуемая как ограниченный ресурс в сфере интеллектуальных возможностей человека и выступающая источником нарастающих неопределенностей (особенно в эпоху экономики знаний) в мировой бизнес-среде, была по существу проигнорирована. И проигнорирована сознательно. Ибо в рамках неоклассического «мейнстрима» невозможно было подвергнуть строго научному анализу экономические концепции второй половины XX в. Именно непроверяемость — наиболее характерная их черта.

Глобальный кризис подверг серьезному испытанию «джентльменский набор» неоклассических догматов: созданные на его основе западными экономистами новые макроэкономические модели не прошли проверку на верифицируемость. Ранее господствовавшие образцы интерпретации действительности сами становятся «вдруг» проблематичными (Ю. Хабермас).

Неизбежным оказался поворот в направлении кейнсианской рецептуры макроэкономического регулирования [1]. Но, видимо, она будет встроена в более широкий спектр формирующихся мер государственной поддержки национального предпринимательства. На очереди пересмотр основ теоретической макроэкономики (Дж. Стиглиц) и, в частности, отказ от постулата эффективных финансовых рынков (Дж. Сорос, П. Кругман, Р. Шиллер и другие «реалисты», например, В. Полтерович, полагающие, что кризис тесно связан с технологическим циклом). Стоит ли удивляться, что эксперты Всемирного экономического форума в исследовании «Глобальные риски — 2011» уже указывают на необходимость создания новых сетевых систем для выявления и устранения глобальных рисков до того, как они перерастут в глобальные кризисы.

В контексте новых концептуальных сдвигов, происходящих в теоретико-экономическом знании, важно отметить неправомерность отнесения фундаментальной экономической теории к абстрактному знанию, а прикладной экономики — к конкретному (диагностирующему, прогнозирующему, проектирующему). Фундаментальное (мировоззренческое) знание не может не быть конкретным (ибо «истина всегда конкретна»). И оно столь же важно для политического целеполагания, как и искусство прикладной экономики. Отождествление фундаментальной экономической теории с неоклассикой (т. е. действительно абстрактной теорией, враждебной конкретной жизненной целесообразности) приводит к ложной трактовке соотношения абстрактного и конкретного, теории и искусства в экономическом знании. Без мировоззренческих оснований, позволяющих понятийно определить конкретно-всеобщие, а не абстрактно-общие взаимосвязи, искусство прикладной экономики имеет тенденцию к вульгаризации: превращение в манипулятивную комбинаторику, производство интеллектуальных продуктов в соответствии с конъюнктурой политического рынка, текущим спросом правящих политических сил.

К сожалению, неоклассический мейнстрим с его абстрактной функциональной логикой рыночной системы стал доминировать в сознании преобладающей части ученых как образ подлинно теоретического знания, вытеснив другие способы эвристического познания хозяйственной жизни. Между тем и сущность, и истина, и теоретический закон есть «единое во многом», т. е. конкретное единство многообразных определений, идеальный образ противоречий реального предмета (например, экономического строя страны). Научным сообществом недостаточно хорошо осознается, что жизнеспособная теория, способная оплодотворить и направить по верному пути искусство прикладной экономики, — это понятая система противоречий и реального объекта (например, национального хозяйства), всегда сохраняемых и разрешаемых в системе конкретного (актуального) знания, а не набор эмпирических правил и априорных посылок, характерных для неоклассической экономической теории (методологический индивидуализм, рациональность выбора, утилитаризм, экзогенность предпочтений, постулаты полноты информации, совершенной конкуренции и рыночного равновесия, методологический космополитизм).

Можно констатировать, что сознание российских «государственников» и «либералов» (как в научном сообществе, так и в правящем классе) с большим трудом осваивает пути к конкретно-всеобщему знанию, способному адекватно отразить сложную,

многообразную и противоречивую реальность, так как первые привержены во многом архаичному (по методам воздействия на социально-экономическую систему) этатизму, а вторые интеллектуально закодированы на догматическое воспроизведение абстрактных постулатов «autistic economics». Порождаемое глобальным кризисом движение к новому экономическому порядку вновь актуализирует потребность в новой метатеории, так как становится очевидной необходимость выработки целостной картины экономической реальности и базирующихся на ней жизнеспособных стратегий социально-экономического развития. В повестке дня возрождение на новом уровне во многом утраченного единства теории и практики, переход от фрагментарного взаимодействия (как результата накопленной экономической наукой гносеологической асимметрии) к системному единству фундаментального и прикладного знания.

Модель устойчивого развития как альтернатива догоняющей модернизации. Экономическая теория, если она не потеряла связь с реальностью, призвана дать адекватный ответ в связи с модернизационной повесткой дня, политически заявленной целью модернизации российской экономики. По сути дела, необходимо формулирование новой парадигмы развития, которая базировалась бы на четком понимании пределов, к которым подошла современная мирохозяйственная система, равно как и специфики того социума, в направлении которого с немалыми трудностями и противоречиями эволюционируют развитые страны (и в формат которого, возможно, предстоит включиться и России).

Переход к новой модели развития (которую уже не способен в полной мере выразить концепт модернизации) связан с ограничениями развития капитализма как мирохозяйственной системы. В числе этих ограничений: 1) исчерпание экстенсивных и многих интенсивных источников экономического роста; 2) диспропорции и перенапряжение национальных хозяйств; 3) перенакопление неактуального знания в мировом хозяйстве; 4) экологические ограничения; 5) невозможность экспансии в прежних формах; 6) все большая ограниченность возможностей сверхэксплуатации посредством занижения оплаты труда и социальной дискриминации; 7) растущее значение качественных изменений, связанных с неэкономическими формами капитала (человеческим, культурным, социальным), а следовательно, ущербность и неэффективность чисто рыночных форм институционализации общественной жизни; 8) перенакопление неактуальной информации в мире. В совокупности эти ограничения и есть естественные границы капитализма. В их рамках возможность

мирного освоения новых больших пространств и сфер распространения исчерпана.

В этой связи уместно сослаться на позицию В.Т. Рязанова, который, рассматривая возможные направления развития постглобальной экономики, выдвинул и такой гипотетический сценарий: переход к модели экономического развития в варианте деглобализации. На его взгляд, подобный вариант (если развивать оценку современного мирового кризиса как общего кризиса глобализации) должен быть отнесен к числу наиболее адекватных реакций на глобальный кризис и потребность переформатирования мирового хозяйственного порядка [2, 15]. Исходя из этого, представляется перспективным в основу теоретико-экономических разработок положить концепцию *postmodern society* [3; 4], представляющую модернизацию как процесс преобразований на основе учета собственной национальной идентичности, предлагающую модель постмодернизации, т.е. развития для сохранения и преумножения национальных культур. Модель постсовременного общества включает в себя: инновации с учетом традиции; плюрализм и альтернативность путей развития; ценностно-целевую рациональность (сочетание инструментальных и метафизических ценностей); демократические институты при уважении к авторитетам; отказ от недопотребления и чрезмерного потребления; взаимодополняемость разных типов личностей — деятельных и недеятельных.

Экономическая теория должна способствовать осознанию того, что России необходима не только (и не столько) догоняющая модернизация или «гонка за лидером» при посредстве комплекса заимствованных инноваций, сколько реализация модели устойчивого (а по ряду направлений ускоренного и даже опережающего) развития, опирающегося на внутренние источники и ресурсы. Для этого необходима настоящая мировоззренческая революция, в значительной степени провоцируемая пионерными теоретико-методологическими и прикладными экономическими исследованиями.

Экономическая теория развития не может игнорировать объективные и ситуативно сложившиеся — хотя и закрепившиеся в виде устойчивых институциональных «ловушек» — ограничения трансформационных процессов применительно к специфическим российским условиям. Вот лишь некоторые из них.

1. Чрезмерная урбанизация: 70% населения проживает на 15% территории, 2/3 которой дикая природа. Жизненное пространство огромной России неуклонно сужается, концентрируясь в замкнутых исключительно на себя мегаполисах.

2. Наличие деградировавшего модерна советской эпохи (моногорода, деиндустриализированные и обезлюдевшие территории).

3. Недопотребление значительной части населения, обусловленное как огромными разрывами в уровнях социально-экономического развития российских регионов, так и недостаточностью социальных гарантий, искусственно ограниченным консолидированным бюджетом (экономические границы государства и страны размыты: существует бюджет РФ, не утверждаемый законодательными органами как единое целое, но отсутствует бюджет страны).

4. Двукратно заниженная доля оплаты труда и социального страхования в ВВП, явное нежелание внедрять прогрессивное налогообложение и проводить такую реформу доходов (давно назревшие), которые обеспечат переход от сложившегося «избыточного» доходного неравенства к «нормальному» неравенству, стимулирующему развитие человеческого капитала. Вместо этого, резкое повышение страховых платежей из ФОТ во внебюджетные фонды по регрессивной шкале («фискальный шок»).

5. Планируемое секвестирование социальных расходов в рамках политики бездефицитного бюджета и борьбы с инфляцией, последовательно асоциальный характер проектировок федерального бюджета.

6. В своем единстве эти процессы удерживают воспроизводство народонаселения России в депопуляционном поле, тем самым блокируя возможность перехода страны в режим устойчивого развития.

7. Феномен имитационной, или декоративной, демократии: гибридный политический режим, сочетающий умеренный авторитаризм с элементами избирательной демократии (сильно деформированной административным ресурсом), низким качеством законотворческого процесса и правоприменительной практики, высокой коррупционной составляющей принимаемых и постоянно корректируемых законов.

8. Низкий уровень защиты прав собственности, неснижающийся риск ее экспроприации группами особых интересов, отсутствие ясных перспектив с формированием более благоприятного налогового климата, блокирующие масштабную инвестиционную активность.

9. Перерождение акционерной формы собственности из способа привлечения инвестиций и концентрации капитала в инструмент паразитирования на финансовых потоках и их перевода в офшорные юрисдикции (повсеместно задействованный инсайдерами при посредничестве высокопоставленных чиновников). Выраженная тенденция к «проеданию» прибылей собственниками и топ-

менеджерами фирм вместо инвестирования в основной капитал, и как результат — усугубление технологической отсталости.

10. Низкая результативность усилий экономического блока правительства в направлении создания инвестиционно-ориентированной финансовой системы в целях преодоления экономического произвола в стране и усиления тех сфер российского хозяйства, где национальный бизнес способен производить добавленную стоимость в интересах всего населения.

11. Несформированность конкурентной среды и высокий уровень монополизма в сферах экономики и политики, отсутствие эффективных политических драйверов развития, способных придать мощный импульс национальной консолидации широких слоев общества вокруг созидательных целей и задач.

12. Низкое качество управления культурным многообразием России, дополняемое целенаправленной провокационной деятельностью («этнонационализм») соответствующих региональных «элит», усугубляемой концептуальной неразработанностью и необеспеченностью институциональными механизмами реализации «национальной политики» федеральных властей.

Проблематичность практической реализации модели устойчивого развития в том, что необходимо одновременно сочетать индустриальную модернизацию (реиндустриализацию), постиндустриальную модернизацию и «выращивать» элементы постэкономического общества [5]. Разумеется, при решении этого сложного комплекса задач никакой технологический детерминизм не сработает, ибо «политика не может не иметь первенства над экономикой». В этой связи экономистам-теоретикам не обойти вниманием комплекс проблем, связанных с политической модернизацией. Необходимо проведение соответствующих исследований, задействующих понятийный аппарат теорий общественного выбора, экономической теории государства и прав собственности [6]. Для реализации сценария ускоренной и опережающей модернизации нужна не только качественная трансформация российской власти, но и полноценный концептуальный прорыв (сформировавшаяся неоиндустриальная парадигма), способствующий реформатированию политической системы. Все это можно и должно описать в виде стратегии новой индустриализации.

Реализация модели устойчивого развития должна в решающей степени опираться на внутренние источники и ресурсы, подкрепляя тем самым права на возрождающуюся *национальную экономическую политику*, которая является важнейшей чертой нового времени.

Некоторыми представителями экспертного сообщества осознается, что это модель самодостаточного воспроизводства, концептуально, идеологически и политически противостоящая концепции догоняющей модернизации. «Даже в пределах современных границ Россия достаточно обеспечена собственными ресурсами, чтобы создавать и развивать модель самовоспроизводящегося экономического роста. Дальнейшая ориентация на экономическую систему с внешними источниками роста и управления не приведет к положительным качественным сдвигам в жизни страны. Проблема современной России в нерешительности, постоянной оглядке на Запад, неверии в собственные силы и в возможность экономической самодостаточности» (см.: [7; 8]). Самодостаточность (одним из элементов которой стала одна из лучших в мире систем всеобщего образования) была нашим главным конкурентным преимуществом: стержнем жизнеутверждающего хозяйства.

Драма переходного общества и проблема авторитарной модернизации. Современное состояние России во многом определяется драматическим несоответствием остаточного потенциала (культурного, научного, индустриального) и несформированной социальной структурой переходного общества. Быстро расходуемый «советский задел», пока еще высокий уровень образованности русского народа, неисчезнувшая память о великих исторических свершениях плохо сочетаются со стихийно сложившейся классовой структурой, характерной скорее для незрелого капитализма, а не современного постиндустриального общества. Сохраняющееся преобладание бедных и малообеспеченных (слабо камуфлируемое официальной статистикой), «эмбриональное» состояние среднего класса, резко обозначившиеся социально-классовые различия и противоречия при неразвитости сословного устройства общества, при котором большинству граждан присуще системное (матричное) поведение, а также политический конформизм новорусской буржуазии, основанный на неуправляемой бизнес-системе страны, обусловили доминирование бюрократии как управленческого и правящего класса. Данное положение своеобразно отразилось в карьерных предпочтениях молодежи: 42% выпускников российских школ в 2010 г. желали занять места на государственной службе (по данным опроса фонда «Общественное мнение»). Однако исключительное положение бюрократии в России не приводит к институциональному оформлению общественно-государственной системы, пусть и недостаточно развитой с точки зрения социальной структуры и форм политического представительства, но все же функционирующей в интересах широких общественных слоев

(большинства). Имеет место *сращенность собственности* (таких феноменов, как «лжегосударственная форма существования частного капитала») и *власти* (в этом слиянии «навсегда» суть гайдаровских реформ), *доминирование государственно-административных волевых регуляций над правовым механизмом госрегулирования финансовых и материальных потоков* и, как следствие, *рентоориентированное поведение бюрократии* (разнообразные формы частного-личного участия в присвоении общественного богатства) и *избыточное социально-экономическое неравенство*. Все сливается в *единый поток развития мутантного капитализма*, т. е. своего рода *бизнеса на власти*.

Что в итоге? Высшие руководители государства вынуждены признавать малоуспешность борьбы с коррупцией — как видно, бюрократия не в состоянии бороться со своими собственными злоупотреблениями. Однако суть проблемы в том, что коррупционные механизмы с недавних пор стали системообразующими в государстве, обслуживая объем взяток, превышающий 50% ВВП. По данным члена-корреспондента РАН Ирины Елисейевой, опирающейся на показатель ВВП и соотношения официального и теневого секторов экономики (1:0,8), теневых и коррупционных доходов (1:0,9), общий объем коррупционного рынка в России уже в 2007 г. составил 35,7 трлн р., в том числе деловая коррупция — в пределах 20,9—25,5 трлн р., из них чистые теневые доходы федеральных и местных чиновников, налоговиков и судей — 4,6—5,6 трлн р. (15—19% активов российских банков).

Коррупционный сектор рынка деловых услуг отличается высокой концентрацией: половина из этой суммы приходится на взяткополучателей федерального уровня. Расходы же, направленные на сращивание бюрократии и бизнеса (наивысшая форма коррупции), составляют более 30% во всех отраслях экономики и видах деятельности. В судах находится, например, большое количество уголовных дел по фактам вымогательства взяток сотрудниками ФСБ [9, 26, 29; 10; 11]. Замыкает круг коррупционной системы с одновременным формированием параллельной системы легального государственного коррупционного управления сращивание коррумпированных чиновников с чиновниками контролирующих органов. При столь впечатляющем масштабе и высоком статусном представительстве агентов коррупционных сделок их блокировка с помощью локальных карательных мер — сколь угодно жестких — проблематична. По-видимому, необходимо эволюционное изменение политикоэкономической системы в целом, что по своим последствиям было бы равносильно ненасильственной организационной (да и социальной) революции.

Так называемая «кормленческая функция» правящего класса (см.: [12]), явным образом представленная практикой «откатов», «распилов» и прочих форм внезаконного перераспределения доходов и богатства, подавляет функцию развития системы, затрудняет переход к так называемому современному состоянию общества и государства с его всеобщей деловой организацией нового типа (где, например, утрачено асоциально и нигилистически настроенными «маргинальными группами», своего рода экономическими коллаборантами, их доминантное положение, произошла замена конструкции «власть — собственность» и отношений «патронально-клиентарного» типа гражданскими, правовыми и рыночными институтами, адаптированными к социокультурному комплексу страны).

Важно констатировать, что политико-экономическая модель, основанная на явном и скрытом паразитировании на остатках советского потенциала и доходах от экспорта природных ресурсов (равно как локальных анклавов вновь созданных и зачастую хронически недоинвестируемых производств), не может существовать *длительное время*. Порою представителями российского экспертного сообщества высказывается точка зрения (достаточно обоснованная) о неизбежности победы в будущем одной из тенденций: либо системной деградации, переходящей в неконтролируемый распад государства, либо реструктурирования системы на новых основаниях, позволяющих ей динамично развиваться. *Сохранение статус-кво власти при попытках косметического изменения институционального дизайна и ее имитаторской мимикрии в политической сфере не в состоянии законсервировать недоброкачественный «продукт» постсоветской трансформации, созданный сочетанием процессов разрушения, инволюции и одновременно локального развития, не способного изменить базовые основания коррупционного хозяйствования и антимодернизационной системы власти.*

Природа последней явным образом проявляет себя, в частности, в оппортунистическом законодательстве, фактически закрепляющем права групп особых интересов на нетрудовые доходы, вводящем для них все новые преференции, позволяющие легально получать административную и политическую, горную и ценовую ренты (в дополнение к внезаконному перераспределению доходов). Такая политика, по сути, и является антиинвестиционной и антиинновационной.

Отмеченные особенности политики тесно связаны с так называемым «ресурсным проклятием», при котором, как справедливо замечено, «отсутствие контроля над распределением доходов от

экспорта нефти приводит к тому, что эти деньги распределяются крайне неравномерно. В итоге, растет неравенство, которое становится стимулом для сдерживания политической конкуренции в жестких рамках: на первых же свободных выборах главным требованием может стать перераспределение нефтяных доходов от очень богатых в пользу бедных. Кроме того, из-за того, что нормы прибыли в нефтяном секторе выше, чем в других секторах, существует препятствие для укрепления национального среднего бизнеса, который является основой для буржуазных правых партий; некоторое увеличение социальных расходов за счет нефтяной ренты позволяет Кремлю уменьшать влияние левых партий. Все это препятствует нормальной политической конкуренции» [13].

Несистемные и зачастую социально деструктивные попытки реформ «сверху» в сочетании с явным страхом перед происходящим брожением «снизу» и рефлекторным желанием «затянуть гайки», обеспечив преемственность власти, — наиболее вероятные черты политического пейзажа на ближайшие годы. Возможен и другой — более благоприятный — сценарий развития событий, однако он требует не просто целенаправленных усилий, а сверхусилий власти и общества, возникновения новых политических драйверов развития, способных произвести апгрейд системы. *Социальное устройство России, понятое как системное взаимодействие основных социальных групп и доминирующих типов общественного сознания, — вот камень преткновения большей части «благих» начинаний российской власти: когда на одной стороне — социальные группы, которые реально могут, но не желают что-либо делать в позитивном направлении (ограничиваясь пиаровской имитацией и симуляцией изменений), а на другой — жаждущие «перемен к лучшему», но лишенные возможности их совершить. Иными словами, у одних отсутствует мотивация к переменам (несущих риск утраты привилегий и источников получения ренты узкому социальному слою), а у других — необходимые ресурсы (финансовые и организационные) для этого.*

Конечная причина патовой ситуации — неоптимальное, социально несправедливое распределение национального дохода и богатства¹, которое происходит в пользу непроизводительных социальных групп,

¹ Коэффициент Джини в России равен 0,422, что существенно выше, чем во всех развитых странах мира. В этом смысле мы тяготеем к Нигерии, у которой самый высокий коэффициент Джини (0,556) (в Японии, например, этот показатель неравенства в сфере распределения равен всего 0,228). Весомый вклад в этот показатель в России вносит, еще раз повторим, процесс крайне неравномерного распределения доходов, генерируемых в сырьевом секторе.

но дестимулирует наиболее талантливых и продуктивных, в результате обеспечивая дополнительным интеллектуальным ресурсом стратегических конкурентов России. Ирония исторического момента в том, что именно им (международным ТНК) создаются эксклюзивные условия в попытке привлечь к участию в инновационных проектах. Вместо формирования благоприятной среды для воспроизводства национального человеческого капитала, прекращения «оттока мозгов», наращивания социального капитала и стабильности ожиданий отечественного бизнес-сообщества, в который раз предпочтение отдается чужому опыту и внешним ресурсам. Игнорируются реалии геополитики и глобальной инновационной гиперконкуренции [14], все более реальной становится угроза невозполнимой утраты потенциала создания добавленной стоимости, ее интеллектуальных составляющих, адекватных пятому и шестому технологическим укладам. При этом ставится утопическая задача — сразу «перескочить» к последнему, минуя предшествующую и до конца не освоенную ступень.

Еще раз отметим роковую особенность синкретичной системы «власть—собственность», в которой произошли *переплетение и сращивание экономического, административного и политического ресурсов* — ее нацеленность на «поиск ренты», хитроумное изобретение механизмов перераспределения, а не создания добавленной стоимости. Общий же объем последней не позволяет государству полноценно выполнять современные функции (связанные с воспроизводством человеческого капитала — здравоохранением, образованием, наукой) при не только не снижающихся, а скорее растущих аппетитах рентополучателей (бенефициаров коррупционной системы). Отсюда и проистекает, на первый взгляд, парадоксальное удвоение числа российских «долларовых» миллиардеров в период кризиса.

При обсуждении перспектив модернизации в России закономерно возникает тема «социальных лифтов», так как без эффективного механизма отбора и продвижения по престижным карьерным лестницам наиболее талантливых и социально активных процесс устойчивого развития национальной экономики проблематичен. Однако характер развития существенно образом определяется социальной структурой и тенденциями ее эволюции. В псевдословном обществе с избыточным социально-экономическим неравенством, каким стала современная Россия, неизбежно возникает «расслоенное образование», не только не гарантирующее равенство шансов на приобретение престижных и «рентоёмких» профессий, статусов и должностей, но и заметным образом приводящее к усреднению и снижению его качества. В сравнении с советской

образовательной системой, воспитывавшей ответственную критику (К. Мангейм), этот процесс означает отказ от достаточно высокого среднего уровня массового образования, а в сочетании с фактической платностью дополнительного качества, дающего шанс на обучение в престижном вузе, ведет к ощутимой деградации системы (отнюдь не исключая наличие сегмента элитного образования для избранных). По данным международного исследования PISA, российские школьники заняли в 2009 г. 42-е (из 65) место, упав с 27-го в 2000 г. Таким образом и решается проблема «социальных лифтов»: их становится мало, а их емкость все более ограничена. По сути дела, это новый механизм социального расслоения и стагнации общества. Модернизационная риторика политических пиарщиков, сопровождаемая призывами к «импорту мозгов», выдает курьезное намерение вступить в конкуренцию с самими США по этой части, не обладая ни осмысленной политикой в образовательной и научной сферах, ни сопоставимыми с инновационной империей объемами их финансирования.

В открытом письме Президенту и Председателю Правительства РФ от группы российских ученых, постоянно работающих за границей (от 09. 09. 2009 г.), отмечалось: «В течение десятилетий в СССР были созданы мощная научно-техническая база и устойчивые механизмы ее воспроизводства, включая воспроизводство кадров. Именно эта база, своеобразная научная “ткань” нашего общества, гарантировала научно-технический прогресс, обороноспособность страны и, в конечном счете, независимость России. Продолжающийся распад этой ткани приведет в ближайшее время к полному разрыву связи между поколениями научных работников, исчезновению науки мирового уровня в РФ и утрате знаний в катастрофических масштабах» [15]. Однако за последние годы произошло урезание ассигнований на академическую науку, а также два государственных фонда — РФФИ и РГНФ, выделяющих гранты на прорывные исследования (при одновременном увеличении финансирования вузовской науки, как правило, плохо приспособленной для проведения пионерных исследований). Относительная доля финансирования НИОКР по-прежнему в 2—3 раза меньше, чем в других промышленно развитых странах, составляя не более 1% ВВП (что в 5 раз уступает советскому уровню ассигнований). Важно отметить, что в рассматриваемый период государственная научно-технологическая политика в США и Китае имела прямо противоположную направленность, характеризуясь постановкой амбициозных целей на высшем политическом уровне и масштабным увеличением государственного финансирования. Таковы

контекст и подлинная цена модернизационной риторики представителей российской власти.

В особом анализе нуждается проблема взаимосвязи либерализма и авторитаризма в аспекте перспектив модернизации в России. Эта проблема включает по меньшей мере следующие вопросы: каким образом соотносятся политический и экономический либерализм, возможно ли сочетание авторитарного режима правления с политическим и экономическим либерализмом?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, важно констатировать, что политический и экономический либерализм взаимосвязаны друг с другом сложным и неоднозначным образом. Так, правовое государство, в котором принципы политического либерализма получают институциональное воплощение, не обусловлено непосредственно экономическим либерализмом. Решая сверхзадачу защиты базовых прав личности, политический либерализм и правовое государство могут существенно ограничивать свободную игру рыночных сил и действия частных собственников, если они вступают в противоречие с общественными интересами. В то же время горизонтом, или предельным допущением экономического либерализма, является утопия рыночного, саморегулируемого и «прозрачного» общества, в котором всеобщей формой связи мыслится взаимовыгодный обмен (купля-продажа) благами. Анализ последнего экономико-теоретического мейнстрим продолжает осуществлять на аскриптивной основе, игнорируя категорию «одномоментности» как цикла жизни процессов спроса и предложения. Не исключена ситуация, когда, пытаясь реализовать эту утопию на практике, жертвуют политической демократией в пользу общества всеобщего надзора (как бы информационно прозрачного). Происходит своего рода тоталитаризация формально-бюрократических правил и процедур [16, 172]. Таким образом, либеральная доктрина внутренне противоречива как в своем теоретическом измерении, так и в практическом воплощении, не исключая антирыночных и даже тоталитарных форм государственного управления.

Еще более дискуссионным вопросом является возможность сочетания авторитарного режима правления (дефектной демократии) с политическим и экономическим либерализмом. Нельзя не отметить, что абстрактное противопоставление разных общественных и государственных форм по принципу «или—или, а третьего не дано» вряд ли уместно при анализе сложных переходных систем, в которых могут причудливо переплетаться, казалось бы, взаимоисключающие явления, фиксируемые антиномиями и парадоксами.

Для публичной дискуссии последнего времени характерно педалирование темы авторитарной и даже «неосталинской» модернизации, обсуждаемой не только как возможная, но и настоятельно необходимая перспектива для России [17]. Поборников этой идеи из экспертного сообщества нисколько не смущает тот факт, что сталинская модель соответствует давно пройденному этапу развития, качественно отличным от современных исторических задачам. *Достаточно упорно игнорируется то обстоятельство, что кумулятивный эффект ускоренной модернизации способен породить лишь встречное движение бизнеса и государства, когда последнее создает благоприятные условия для производственного инвестирования и добросовестной конкуренции рыночных субъектов, а продуктивное предпринимательство реализует четко сформулированные долгосрочные цели развития. Такой порядок взаимодействия невозможен без стабильной и «дружественной» институциональной среды, поощряющей рост конкурентоспособности отечественных компаний.*

Преувеличенное внимание сторонников простых решений к теме «принуждения к развитию» и даже использования неправовых и мобилизационных практик государственного управления основывается на ложном и идеалистическом представлении о возможности существования некоего всемогущего субъекта, или демиурга, развития, призванного взять на себя всю полноту ответственности за будущее страны. Однако такой субъект никогда не возникнет из пелены иллюзий ретивых аналитиков. Реальный же субъект, который действительно нуждается в национальной консолидации и осмысленной программе действий (в настоящее время отсутствующей), может быть только многосоставной и внутренне сложной силой, неизбежно объединяющей достаточно широкие слои общества. Что касается авангарда развития, то его оружие — «мягкая сила» (soft power), основанная на идейном и концептуальном превосходстве, способности привносить в инерцию хаоса новые смыслы и убеждать тех, кто еще в состоянии эту инерцию преодолеть, в необходимости всесторонней рационализации хозяйственной системы, преодоления ее отсталых хозяйственных форм.

Вместо стремления культивировать новые и зачастую непривычные механизмы социального взаимодействия, апологеты неосталинского «ренессанса» предлагают задействовать комплекс насильственных практик, апеллируя к символам и неоднозначному опыту прошлой эпохи, которые никогда не заменят твердой политической воли и ясного стратегического плана применительно к новым историческим условиям. Важно подчеркнуть, что задача

государства — не принуждать бизнес к развитию, а дисциплинировать и направлять его в рамках четко установленных правил (форм экономического порядка, по В. Ойкену) и на основе долгосрочного индустриального планирования (другими словами, активно-производственного принципа государственной экономической политики) [18, 10]. Наконец, азбучной истиной является положение о том, что продуктивный бизнес принуждает к развитию не власть, а силы ценовой и неценовой конкуренции (подорванные монополизмом на российских рынках).

В обозначенном контексте вполне обоснованным являлось бы применение понятия «либерального авторитаризма» (но ни в коем случае не противоположного по смыслу «авторитарного неолиберализма»), снимающего крайности как односторонне рыночного и «недосоциализированного» экономического либерализма, так и абсолютизированного (и успешно укоренившегося на российской почве) бюрократического авторитаризма. *Последовательную политику национальных интересов, персонифицированную легитимными политическими лидерами (при исключительной роли главы государства) и реализующую принципы правового государства, создающую условия для добросовестной конкуренции в политической и экономической сферах, одновременно твердо и решительно пресекающую рецидивы олигархических, бюрократических и прочих антисоциальных практик, — вполне корректно назвать «либерально авторитарной», или «позитивно авторитарной».*

Однако конструктивное решение вопроса заключается не в изобретении новых названий («полиция» вместо «милиции»), а в выдвижении в качестве первоочередной политической задачи модернизации государства в России, понимаемой как развитие его современных структуры и функций. Это — построение системы власти с разграничением мотиваций бизнеса и бюрократии, конкурентным политическим движением, задающим механизм общественного выбора, проведением в жизнь принципа разделения властей, реализуемого при наличии гражданских сил и демократических процедур, позволяющих независимо подправлять их деятельность, нацеленную на поиск наиболее рациональных способов достижения сформулированных целей при контроле над общественными процессами, приоритетным финансированием социальной сферы. Отметим, что в благоприятные для структурных реформ (так и не осуществленных) предкризисные годы соотношение затрат в российском федеральном бюджете на традиционные и современные, связанные с воспроизводством человеческого капитала,

функции государства составляли 3:1 (при общемировой норме 1:3) [19, гл. 5].

Это означает только одно: трансформация экономической структуры переходного общества к развитому состоянию без «сильного государства» невозможна. Анализ экономической роли государства в развитых странах (именно в них государство восстановлено в «законных правах» макроэкономического агента) убеждает, что бездумное следование неоклассической традиции выведения государства за рамки предмета политической экономии обедняет представления об экономической структуре общества и сужает тем самым саму структуру современного экономического знания в данной стране.

Время выбора российской элиты. Важно осознать, что при сложившейся в России системе власти и собственности крайне сложно в условиях исторического цейтнота обеспечить решение ключевых проблем развития: комплексную индустриальную модернизацию, «выращивание» полноценного инновационного сектора, создание адекватной задачам развития финансовой системы (включая пенсионную), осмысленные реформы в сфере образования. В то же самое время не существует непреодолимых — при соответствующей политической воле и продуманных системных изменениях — преград для консолидации из наличных социальных акторов субъекта ускоренной модернизации. Например, из руководителей высокотехнологичных фирм, научившихся не только выживать, но и развивать свой бизнес, производя добавленную стоимость, представителей сферы НИОКР и инженерного корпуса, государственных научных центров и ведущих университетов. Вполне реально создать партию состоявшихся профессионалов, способную «втянуть» российскую власть в новое смысловое и политическое поле, побудить ее сдвинуться к системной работе от бесконечных деклараций об инновациях, а главное — помочь грамотно выстроить приоритеты и организационные механизмы в рамках стратегического планирования, объективно оценив, по каким направлениям в ближайшие 5—10 лет Россия сможет быть конкурентоспособной на международном уровне. Посредством международной кооперации, сохраняя за отечественными компаниями ключевые компетенции, в рабочем порядке (без политического пиара и забалтывания) совершить модернизационный прорыв. Тем более, что для последнего уже формируются организационные предпосылки как на федеральном уровне (на смену госзаказу постепенно придет госконтракт как важнейший инструмент государственного хозяйствования, общепринятый в промышленно развитых странах Запада), так и на

уровне российских регионов — «матрицы взаимодействия» местных администраций, кредитных институтов и собственников компаний при реализации инвестиционных проектов [20].

Эволюция постсоветской государственности подтвердила простой, но, к сожалению, не очевидный для многих факт: можно иметь демократический декорум современного государства и во многом традиционалистскую систему власти, в которой, во-первых, внешне осовремененные госструктуры не будут обладать внутренней слаженностью и прочностью подлинно бюрократического механизма и, во-вторых, будет ярко выражена «кормленческая» функция безликой бюрократии — некомпетентной и бесконтрольной. Масштабные лесные пожары лета 2010 г. наглядно показали, что при возникновении форс-мажорных ситуаций (которые неизбежны и в будущем) бюрократическая система откровенно саботирует возложенные на нее функции, а лесная служба оказывается элементарно недееспособной из-за отсутствия необходимого кадрового и ресурсного обеспечения (как следствие тех же бюрократических реформаций в рамках нового Лесного кодекса, принятого без учета специфики отрасли и экспертных заключений специалистов лесного хозяйства). *Все это лишний раз подтверждает необходимость неотложной реанимации механизмов и практик демократической легитимации ключевых стратегических решений в областях социально-экономической, оборонной и внешней политики (с целью обретения нового качества политического целеполагания и законотворчества), восстановления работающих механизмов принуждения к исполнению законов и неотвратимой ответственности должностных лиц на всех уровнях управления за допущенные злоупотребления. Власть, воспринимаемую как бремя для налогоплательщиков, можно вынести как угодно долго, если она ограничена нравственными максимами. Российское государство должно сбросить груз накопленной некомпетентности, блокирующий движение вперед, стать гарантом устойчивого развития в интересах большинства.*

Однако историческое развитие альтернативно по своей природе, допуская разные варианты системной трансформации, обусловленные трудно предсказуемыми социально-политическими конфигурациями [21, 9—10]. На современном этапе возможно лишь гипотетически обозначить, по крайней мере, два сценария развития событий (удачный и неудачный по историческим меркам).

- *Консервативная перестройка*, или попытка сохранить статус-кво (социальный порядок ограниченного доступа) [22] основных

элитных групп, ограничившись изменением институционального дизайна, не затрагивая основ системы.

«Многие думают, что перестройка — это революция сверху. На самом же деле, наоборот. Перестройка — это попытка правящей корпорации в условиях кризиса и разложения Системы путем хаотической/бессистемной имитации реформ законсервировать Систему и избежать любой революции: и снизу, и сверху» [23]. Как известно, этот сценарий получил свое идейное оформление в идеологии «консервативной модернизации». Цена реализации уже запланированных стратегий развития в рамках этого сценария до 2020 г. — это даже не догоняющая модернизация, а всего лишь сохранение ограниченной конкурентоспособности отдельных отраслей и избранных компаний, узких социальных ниш.

- *Апгрейд, или качественное обновление системы*, в той или иной степени затрагивающее ее базовые основания, трансформирующее отношения собственности и способ организации власти в сторону достижения «социального порядка открытого доступа», формирования национально консолидированного субъекта (модернизационной коалиции) и новых политических драйверов развития.

Важно подчеркнуть, что легитимность в России утрачивают (все более явным образом) не конкретные персоны, а вся система властно-экономических отношений. Персонифицирующие эту систему личности не имеют адекватного политического языка, не способны называть вещи своими именами. Отсюда и проистекает неготовность сформулировать внятную идеологию, обеспечить идейное лидерство, что питает собой и постоянно усиливает нелегитимность власти. Ведь базисом развития выступают политико(властно)-экономические отношения. Утрачивая адекватное смысловое, идеологическое опосредование, эти отношения делегитимизируются. И что более важно — на глазах истончается и испаряется рациональность экономико-политического процесса. Начинает доминировать иррациональность и производный от нее радикальный волюнтаризм, своеволие, не подкрепленное разумом и знанием. На повестке дня не столько выбор между политическими игроками, сколько императивная необходимость возврата к балансу между здравым смыслом и воображением, размышлением и действием, овладение ключевыми персонами во власти искусством разумной политики. Важно понять: нельзя починить или перестроить дом, не исправив треснувший фундамент (систему отношений). Невозможно создать «правильные институты и институции» (полицию, образование, армию и т. д.) на непрочном фундаменте.

Отмеченные обстоятельства признает и президент В. Путин, когда пишет о необходимости изменения самого государства: «Главная проблема — недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства, от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. Если называть вещи своими именами, речь идет о системной коррупции. ...Расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в честной конкуренции, — это фундаментальная, системная задача. И решение здесь лежит не в плоскости экономической политики. Мы должны *изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России*» [24]. Все это (и различные виды оппортунистического экономического поведения, и системная коррупция) есть прежде всего проявление морального коллапса правящего класса, что, конечно, выходит за рамки задач текущей экономической политики и предполагает качественную трансформацию несущих институциональных скреп этой политики. Следовательно, речь должна идти не о «совершенствовании» государства, а об изменении самой его природы (что неявно продекларировано самим В. Путиным). Из *властного бенефициара-рентополучателя*, катастрофически не восприимчивого в лице своей бюрократии к идеям развития, оно должно превратиться в *институт развития*. А это требует радикальной трансформации того социального порядка, который сложился в России и с которым невозможны ни устойчивые изменения в качестве структуры экономического роста, ни поддержание долгосрочной социальной стабильности. Александр Рубцов удачно называет российский вариант социального порядка «моделью Великого Всероссийского Паразитария» [25].

Различным социально-экономическим системам соответствуют вполне определенные поведенческие модели и характерные черты человеческих отношений (межличностных коммуникаций). Так и «путиномика», представляющая собой российский вариант социальной системы ограниченного доступа, ориентирована на использование недобросовестных практик и механизмов по извлечению статусных, монопольных, административных и политических рент, характеризуясь тем самым возникновением иерархических отношений с преимущественно асимметричным распределением правомочий и возможностей получения выгод. Она явным образом тяготеет к внелегальным «закрытым» и непубличным практикам, использованию манипулятивных технологий «промывания мозгов». Хорошо известно, что политический монополизм порождает монополизм экономический, блокирует динамичное и ускоренное развитие экономики. В этой связи ситуация в настоящее время и на ближайшие годы не вызывает

оптимизма. Темпы роста и общеспецифическое состояние российской экономики, выраженное в интегральном показателе экономического развития, уступают мировым технологическим зонам как неизбежный результат оттока капитала, масштабной деиндустриализации, замещения отечественного производства растущим импортом, низкой инвестиционной активности в рамках частно-государственного партнерства и однобокой структуры инвестиций (динамика инвестиций в основной капитал не имеет устойчивой тенденции роста, а динамика изменения запасов оборотных средств в последние годы имеет отрицательную величину), стагнирующего в целом внутреннего спроса, несмотря на снижение склонности к сбережению у домашних хозяйств до трехлетнего минимума, деградации научно-технологической базы (исключая сохраненные звенья ОПК). В статье В. Путина «О наших экономических задачах» противоречиво сочетаются тезисы о необходимости активизации государственного регулирования для проведения «модернизации» (какой — «органической», национально ориентированной или аналогичной политике «вестернизации» с использованием стратегии «догоняющего развития»?) и откровенно либеральная риторика, по сути нивелирующая саму возможность мобилизации ресурсов на цели развития. Создается впечатление, что произносимые «правильные слова» лишь камуфлируют укоренившуюся в сознании части правящего класса иллюзию, допускающую сохранение статус-кво в обозримой перспективе. Важно осознать иллюзорность такой надежды.

Достаточно очевидно, что имитация реформ путем консервативной перестройки неизбежно ведет к патовым и тупиковым ситуациям, окончательной утрате легитимности власти, не позволяет избежать глубокого системного кризиса и политических потрясений, оказывающих деструктивное воздействие на социум и государство. Кроме того, неэффективная система хозяйствования и государственного управления не поддается длительной консервации в условиях возросшей агрессивности геополитической среды и усилившейся турбулентности геоэкономики. При таких неблагоприятных предпосылках новейшая капиталистическая трансформация России может воплотиться и совсем особым образом: когда формально цели представляются достигнутыми, но по существу реализованы не они сами, а их превращенные формы. Последние и формируют худший вид неудачи в истории: внешне как будто удача, а по существу — катастрофа.

Напротив, апгрейд системы (социополитическая реновация, «неоконсервативная трансформация» институтов в интересах всего

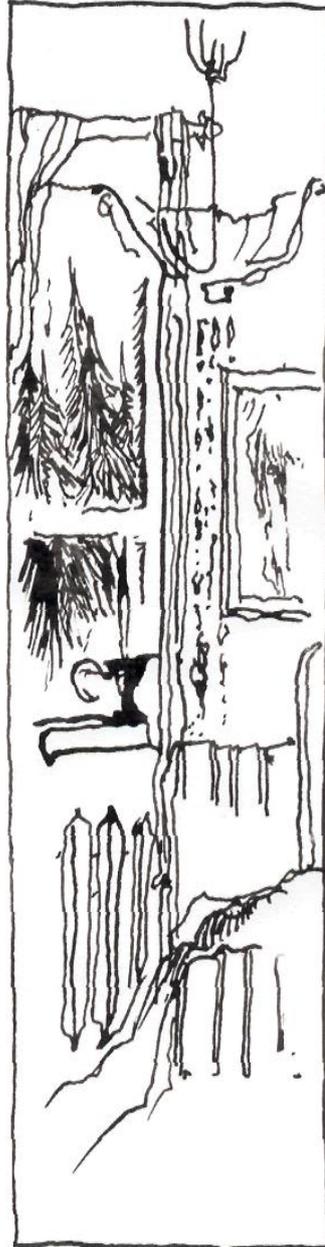
общества) дает шанс на обретение нового качества в рамках модели устойчивого развития. Разумеется, наиболее предпочтительным вариантом такой трансформации является управляемая эволюция, исключая неприемлемый риск и разрушительные последствия политических катаклизмов. Только встав на путь создания привлекательной хозяйственной среды, которая послужит замещению механизмов и практик внеэкономического принуждения и перераспределения доходов «рентой инноватора», освободит рыночные силы и предпринимательские таланты от бюрократического прессинга (при одновременном становлении сильного и эффективного государства национальных интересов, мобилизующего ресурсы на цели развития), можно надеяться на реализацию оптимистического сценария развития России. Действия первых лиц в государстве нужно рассматривать в контексте обозначенной альтернативы. Она же задает критерий оценки их исторической состоятельности. *Боже! Да будет воля Твоя.*

Литература

1. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times. 2009. Sept. 2.
2. *Рязанов В.Т.* Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.
3. *Федотова В.Г.* Модернизация другой Европы. М., 1997.
4. *Ерасов Б.С.* Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002.
5. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.
6. *Ожерельев О.И.* Собственность и государство в современной России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2011. Вып. 1.
7. *Коваль О., Кобяков А.* Как уцелеть в битве гегемонов? Самодостаточная экономика позволяет избегать ловушек глобализации // Однако. 2010. 19 апр.
8. *Акинин А., Шевелев А.* Самодостаточность развития национальной экономики в контексте процессов глобализации // Неумная Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2003.
9. *Елисеева И.И., Щирин А.Н.* Возможные подходы к измерению объема коррупционного рынка // Вопросы статистики. 2009. № 6.
10. <http://slon.ru/blogs/zubovaea/post/454502>.
11. <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/093/13.html>.

12. *Кондратьева Т.* Кормить и править: о власти в России в 16—20 вв. М., 2006.
13. *Щербак А.* Проклятье или благодать? // <http://slon.ru/blogs/sherbak/post/267387/>.
14. *Дятлов С.А.* Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации мировой экономики // *Философия хозяйства*. 2010. № 4.
15. <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html>.
16. *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М., 2007.
17. *Делягин М.* Китайский путь для России: «неосталинизм» // <http://russ.ru/mirovaya-povestka/kitajskij-put-dlya-rossii-neostalinizm>.
18. *Штейн В.М.* Экономическая политика. Пг., 1922.
19. Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч. доклад / Коорд. проекта Р.С. Гринберг. СПб., 2010.
20. *Дмитриев Г.* Обречены на развитие // *Эксперт С-З*. 2010. № 30—33.
21. *Лахман Р.* Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М., 2010.
22. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
23. *Белковский С.* Призрак Химкинского леса, или Метель августа // <http://slon.ru/articles/455579/>.
24. http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah.
25. *Рубцов А.* Трамплин над пропастью // *Ведомости*. 2012. 6 февр.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

19—21 сентября 2012 г. в г. Великом Новгороде состоялась Всероссийская научно-общественная конференция «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века», организованная Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, Администрацией Новгородской области, Фондом Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного, Центром национальной славы по случаю празднования 1150-летия российской государственности (862—2012). В работе конференции принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов, выступивший с докладом «Метафизика российской государственности» на заседании секции «Ценностные основания формирования российской государственности». Ниже публикуется материал, отражающий содержание доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Метафизика российской государственности

Аннотация. Рассматривается исторический образ российской государственности, ее сложный характер, не описываемый и противоречивый в рамках обычного научного дискурса и требующий метафизического подхода.

Ключевые слова: Россия, российская государственность, история, политика, философия, метафизика.

Abstract. The author describes historical pattern of the Russian federal status and its complex character, contradictory and non-describable in the normal scientific discourse, which requires a metaphysical approach.

Keywords: Russia, Russian federal status, history, politics, philosophy, metaphysics.

Государственность вообще — явление вообще метафизическое. Что, собственно, физического в государственности, как и в той же человечности? Ничего! Но ежели человечность можно относить более к понятию, чем к реальности, то государственность — не просто понятие, а вполне реальный феномен, сопряженный с реальным бытием любого реального государства. Однако за государственностью как вообще метафизическим явлением следует видеть то, что можно было бы обозначить уже как метафизику государственности. Здесь речь заходит о самой метафизике метафизического, а потому напрямую затрагивается не столько бытийная, сколько уже смысловая сторона интересую-

мого метафизического предмета, а поскольку смыслы, будучи сами по себе метафизическим явлением, оказываются по-разному и в разной степени метафизическими, то, обращаясь к метафизике метафизического, приходится прибегать не к простым, первичным, явленческим смыслам, а к смыслам сложным, вторичным, сущностным, а кратко — к смыслам смыслов, или же метасмыслам. В итоге метафизика чего-либо заведомо метафизического раскрывается через то, что можно было бы назвать метасмысловологией.

Что есть российская государственность, откуда и почему она взялась, зачем и для чего существует? Ни география, ни климатология, ни этнология, ни хозяйствоведение, ни даже фактологическая история достаточного ответа тут не дадут, за исключением возможности выявить отдельные черты явления или же обозначить какие-то частные события в его истории. Российская государственность, наличествуя вроде бы более тысячи лет и представляя собою явно что-то уже несомненное, вышла, как, впрочем, и многие другие исторические государственности, из... внеисторического ничто и просуществовала во многих возможно-невозможных образах, кроме... собственного образа, — эндогенно-эндемичного и достаточно ей органичного, и, существуя ныне совсем уж в несуразном для себя виде, устремлена то ли к своему концу, то ли к очередному, вполне уже эсхатологического толка, новому испытанию-эксперименту, то ли к следующему за вдруг перенесенным эсхатологическим катаклизмом фантастическому возвышению.

Номинальный фактологизм тут не очень-то сходится с реальным историческим процессом. Все что угодно: новгородчина, хазария, норманния, киевщина, византийщина, ордынщина, Святая Русь (!) с ее Третьим Римом (?!), Российская империя с ее петровско-екатерининской (романовской?) неметчиной, советско-социалистический-де строй со спасительно возникшим (не вдруг!) прямо в его сердцевине сталинизмом, а ныне вот «истинный» глобо-западнизм. Было и есть тут многое и, заметим, очень даже «извне-нее», чужое, экзогенное, экспортированное или импортированное, но не очень-то свое, не из себя, не от корня.

Выходит какая-то великая странность — феномен все время приносимой в аборигенный восточноевропейский (он же и восточноевропейский) социум чужеродной государственности: непременно сверху, в той или иной мере извне, обязательно насильственно. Не столько, собственно, тут «изнутринее» развитие сугубо своей государственности, сколько насаждение чужеродной — либо сразу и прямо иностранных образцов, либо же чего-то вроде бы «своего», но в явно-неявное подражание иностранным образцам. Можно даже говорить о

своеобразной политико-этактической цикличности, или же о переборе как бы историко-временных чётков, образуемых вследствие регулярной смены форм государственности: сброс одной, более менее устоявшейся, в некоторой мере уже и «обрусаемой», формы, обязательно приговариваемой к устранению за негодностью и ненужностью, и внедрение другой — непременно инобытийной, откуда-то заимствуемой, более, так сказать, передовой, а то и попросту, как с советским социализмом, нигде еще реально не бытовавшей формы.

Тогда что же значит вообще российская государственность вместе с ее древне-средневековыми предшественницами (о номинально российской государственности можно говорить только со времени Петра I, его окончательном «преобразовании» Святой Руси в изрядно уже онемеченную, в противовес варяжцам, византийцам и ордынцам, — Россию)? Где и в чем собственно российскость России, не говоря уже о ее русскости?

Очень непростые вопросы, ибо ежели что-то подобное и есть, то никак не на первом плане и не в самой по себе когда-либо торжествовавшей в стране государственности. Да, русскость с российскостью, находясь в глубинно-корневой, исходно-генетической сфере социального бытия, всегда влияли на характер бытовавшей в верхних слоях социальной атмосферы «русо-русско-российской государственности», приспособлявая ее под свой дух и свои нужды, но ровно настолько, чтобы государственность эта не стала вдруг и в самом деле русо-русско-российской, отчего и следовали почему-то всегда внезапные «прогрессивные» отрицания залежавшейся-де формы и резкое напояливание на страну нового «перспективного-де» государственного мундира.

Отсюда выходит, что русско-российскость либо не более чем абригено-выживательное начало, либо, оставаясь, конечно же, всегда таковым, еще и какое-то другое начало — особенное, необычное, альтернативное — восходящее, возможно как и тот же русский язык, к седой древности, к каким-нибудь гиперборейству, арийству, ведичеству, проторусскости, в общем, к чему-то такому, что где-то и как-то трансцендентно было и есть, что даже присутствует почти незримо и неслышно в текущей реальности, что даже как-то влияет на происходящую ныне государственность, но что саму эту государственность не слишком определяет, мало того, всякой приходящей государственностью «по-хозяйски» используется и... одновременно, тоже «по-хозяйски» отрицается, с чем всякая реальная в стране государственность всегда непрерывно и настойчиво борется.

Здесь величайшая метафизическая проблема, она же и загадочный размыслительный парадокс: феномен устойчивой антирусскости и да-

же антироссийскости так называемой русо-русско-российской государственности!

Между русо-русско-российскостью и так называемой «российской государственностью» если и бывает иной раз единение, то временное и более всего симбиозное, никак не органическое, тут по преимуществу борьба, а не мир, подкрепляемая периодическими «транзитивными» событиями — смутами, бунтами, войнами, реформами, революциями. Здесь есть над чем думать и что решать. Здесь вся глубинная специфика и вся метафизическая странность, можно сказать, и болезненность, феномена российской государственности. Что же тогда на самом деле есть эта «российская государственность», каков ее метасмысл, какова историческая миссия, да и станет ли она когда-нибудь воистину российской — русо-русско-российской?

Но отсюда и другой коварный метавопрос: а что же есть сама эта русо-русскость, как и производная от нее и ей же не просто так противостоящая российскость, что?!

Довольно легко почувствовать и утвердительно установить факт какой-то непреходящей особенности русо-русскости, а вслед за этим и российскости, посредством отрицательного сравнения русо-русскости-российскости со всем внешним — нерусским, нерусским, нероссийским (русско-русскость — этно-культурная характеристика русского населения, включая «кровь» и не исключая языка с культурой; российскость — русско-русскость вкупе со всем русскообусловленным контекстом, что позволяет, не отрицая русскости в российскости, сделать различие между русскостью и российскостью, включающей в себя многое не собственно русское, даже и вовсе не русское, но испытывающее влияние, опеку или просто защиту со стороны собственно русо-русского начала). Итогом такого отрицательного сравнения станет то утверждение, что русский человек не только не африканский негр или азиатский китаец, но и не западный европеец, не северный американец, даже, будучи славянином, не поляк, не чех и даже не православный серб. Русскость — какая-то особенность, но которую не так просто уловить, словить, обозначить словом, обословить.

В русскости явно чувствуется какая-то загадка, невыраженность, может — потенция, если прямо не потусторонность. Легче всего сказать, что русский человек не от мира сего, хотя он и в этом мире; или же что русский предназначен для какого-то иного мира, ибо существующий мир ему не очень подходит, да и не особенно дорог; или же русский человек явный странник в этом мире (не кочевник и не турист, а именно странник, для которого и оседлое место странно и сам он на этом месте странен); или же что русский начат, но не закончен, а потому и не обустроивается в этом мире комфортно, а живет как бы вре-

менно, не твердо, как на постое, на призрачный срок; либо русский был когда-то сбит с толку, запутан, спутан, поработчен, что порождает у русского экзистенциальную неопределенность, неустойчивость, колеблемость, блуд, леность (кто тут больше всего виноват и когда это произошло, трудно сказать, да вот, видно, произошло все-таки: русский не живет, а выживает, не утверждает, а сомневается, не довольствуется, а ищет).

Трудно, практически невозможно, если не страшно, быть русским. Дело тут не в суровом климате и открытых широких (бесконечных!) пространствах, хоть все это немаловажно, а в каком-то въевшемся в русского человека, в его сознание, включая подсознание, трансцендентном конфликте, причем не так даже с тварным миром, как... с самим собою. Отсюда неуверенность, игровость, имитационность, импровизационность, юродство, лукавство, дурашливость, всякое вычурное подчеркивание инаковости, иномирности, иносебячества. Кругом иррациональность, невыраженность, размытость, контурность. Ну и бесовство тож! Любому европейцу потребен комфорт, резонансы, а вот русскому подавай коллизии и диссонансы, ибо удобие, порядок и довольство ему чужды, в них он дичает и разрушается. Пожар, война, бедствие — это да, это по-русски, есть чем заняться, есть где превзойти себя, есть на что пожертвовать. Рацио — не для русских, им милее умственная и душевная стихия, даже ежели русский сидит преспокойно на завалинке своей углой избенки или возлежит сибаритски на мягком азиатско- или евродиване.

Так что же русского в русскости?

А ничего! То бишь сидит в русском человеке... НИЧТО! Но ничто это вовсе не пустота, а... неизвестность. Русский человек совершенно трансцендентен. Знает, что гадит, а все равно гадит; знает, что добро делает, а себе в этом не признается; знает, что на погибель идет, а все равно идет. О-о, что европейцу в радость, то русскому в смерть, как, собственно, и наоборот!

Так какая же русскому человеку потребна государственность? А... НИКАКАЯ! Русский — природный, изначальный, последовательный анархист. Утверждение, что русский-де государственный — сказка; он никакой не государственный, а ежели и государственный, то вынужденный, точнее принужденный. Вот почему на Руси-России какие угодно бытовали и бытуют государства, но только не русские, а ежели и российские, то, следственно, не будучи собственно русскими, попросту пара- или около-русские, ибо язык тут все-таки русский, культура вроде бы полурусская, а вот институциональность всегда непременно заимствованная. Общинность и соборность на Руси-России не более чем вынужденность, ибо иначе вообще жизни никакой, да где-нибудь,

а в этом большом историческом аду, где русскость все-таки базис, а государственность надстройка, причем русскость всегда как бы недо-русскость, а государственность всегда как бы пере-государственность, а все вместе — пато-общность, даже и не обычный социум.

А ведь русо-русскость — в единении с предрусскостью — существует себе и существует — и это несмотря на многочисленные попытки, включая ультрасовременную, покончить с русо-русскостью. Тут явная загадка: обуянная псевдорусскостью и гонимая антирусскостью, русскость все-таки выживает и задает-таки тон российскому-де бытию, да что тон — самый настоящий камертон, как раз тот самый, который в терминах Просвещения плохо заметен и совершенно не определим. Мало того, еще и обрусевывает всех и вся, кто попадает в русское лоно или просто в сферу его влияния. Трудно, тяжело, невыносимо на Руси-России, и вон из нее бегут, но... Русь-Россия-то на месте, и русские тут как тут, и Русь-Россия возвращенцев своих вновь принимает. Скучно ведь кругом, скучно, а на Руси-России хоть и скучно бывает, и горько и подло, и совсем не весело, но зато почему-то... страшно как интересно! Да потому интересно, видно, что здесь-то и разыгралась вовсю тайная человеческая мистерия, с дьяволом и Богом контактная, адекватная как раз вполне и скверному текущему бытию.

Что-то на Руси-России происходит, что-то вываривается, что-то, возможно, уже и созревает — что-то небывалое, иное, и впрямь софийное. Недаром же русская философия XX в. к Софии Премудрости Божией вполне осознанно обратилась, уже без внешнего посредничества, совсем недаром, как и явно по дару... свыше!

Метафизика российской (пусть не русской!) государственности. В чем ее занимательность, кроме того факта, что сама эта государственность не очень-то при этом и российская, а то и совсем не российская, во всяком случае, таковой, т. е. нероссийской, очень хотела бы быть? Наверное, у всей этой исторически разнообразной, но при этом своеобразной, если не чужесвоеродной, государственности есть своя метаисторическая задача — довести русскость, которая более всего, как мы видим, ничто, к какому-то нечто — уже вполне русскому нечто, совместив последние времена с давно уже развернувшейся русской апокалиптикой до момента вырвавшегося на простор всесветского апокалипсиса, когда непонятная и непрочитываемая, глубоко упрямая и ловко закодированная сущностная русскость вдруг откроется прямо на забулькавшем мире и скажет миру свое особенное слово — то самое Новое Слово, от которого и дрожь, и спасение!

* * *

20—22 сентября 2012 г. в г. Иванове прошла международная научная конференция «Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки и взгляд с позиции искусства». В конференции в качестве члена оргкомитета и докладчика принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов, выступивший с докладом «Софийность русской философии XX века и человек в контексте XXI века».

* * *

26—30 сентября 2012 г. во Всероссийском детском центре «Орленок» (генеральный директор А.В. Джеус) в рамках Орленковских чтений — 2012 состоялся симпозиум на тему «Россия в новом политико-экономическом цикле», организованный Центром общественных наук при участии ОАО «Приват-инвест» (генеральный директор Е.Г. Пономаренко, г. Краснодар) и Ивановского центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова (директор А.В. Петелин).

В чтениях приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), С.С. Мишуров (Иваново), В.П. Океанский (Иваново), В.Т. Рязанов (СПб.); кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, А.А. Зубахин (Новомихайловский), В.В. Кашицын (Новороссийск), А.А. Погребняк (СПб.), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, Е.А. Субботин (Екатеринбург), Е.В. Шелкопляс (Иваново), В.В. Чапля (Краснодар), О.Д. Юнеева (Краснодар); научные сотрудники Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына.

На симпозиуме были высказаны разные мнения, в которых, однако, доминировали тревожно-негативистская оценка происходящего в стране, как и скептическое отношение к самому факту рассматриваемого цикла, не говоря о его позитивно-конструктивной для страны новизне. Выборы в России прошли, а российский социально-хозяйственный воз все там же — в глобальной стабилизационной трясине, и нет явных признаков властного вытягивания этого «державно-воза» на твердую дорогу суверенного и всестороннего развития.

Ниже публикуются материалы симпозиума, предложенные его участниками по завершению содержательного мыслеизъявительного мероприятия.

Ю.М. ОСИПОВ

Магия цикла

Аннотация. Дается оценка возможности нового политико-экономического цикла в России, как и выражается сомнение в его конструктивном для России характере.

Ключевые слова: Россия, политика, экономика, философия хозяйства, циклизм, прогностика, власть, развитие, стагнация.

Abstract. The author provides an assessment of possibility of a new political-economic cycle in Russia and questions its constructiveness for Russia.

Keywords: Russia, economics, philosophy of economy, cyclism, prognostics, power, development, stagnation.

Страна меняется, социум меняется, жизнь меняется. Россия в движении! Вот только куда? В новый образ бытия? — да, конечно; в глобальное мировладение? — да, разумеется; во всестороннюю суверенность? — вряд ли; к назревшему подъему, развитию, совершенству? — совсем нет. Россия, двигаясь вроде бы и весьма при этом меняясь, не то что стоит на завоеванной ею через посредство революции 1990-х внеисторическом месте, но, двигаясь вроде бы и даже меняясь, с этого места, точнее, локальной колеи, с этим местом накрепко связанной, не сходит, хотя колея виртуально проложена не за, а против России... аж до самого ее — России — исторического конца. Так что Россия не стоит вовсе на месте, а на месте всего лишь катится — по уже прозорливо проложенному для нее маршруту, когда Россия примитивно физически, быть может, и обогащается — за счет себя же безудержной эксплуатации, но метафизически все более истончается и субъектно потихонечку приканчивается.

А что же в стране упорно не меняется? Ответ тут прост: помимо субъективно и субъектно уготованного России внеисторического места и предначертанного прозорливо подорожного курса в небытие в стране не меняются... власть и политика, а точнее — властный политический курс, а страна-то ведь властническая, государственническая, б/у имперская, следственно — чего-то от власти, государства, б/у империи ждущая. Ничего не остается стране, как ждать, надеяться, духовно-мысленно к чему-то иному стремиться. К чему же: ну да, ко все тому же — суверенности страны, ее развитию и совершенствованию, включая подъем личной и общественной нравственности, всеобщей за жизнь ответственности, обретение социальной гармонии — не эксплуатационно-присвоительной, а жизненно-устроительной. В общем,

страна, ее население стремятся к экзистенциальной норме, характерной для великой страны, способной решать крупные передовые задачи в экономике, науке и технике, образовании, здравоохранении, культуре и спорте, в конструктивном освоении будущего. Россия ныне более всего обывательски и глупо настроенная страна, но люди-то российские (все-еще-люди!) вовсе не забыли, что они из страны-победительницы, территории ударного труда и великих творческих достижений, страны-прорывницы — и не только в космос, но и в новое мироустройство.

И сегодня эти все-еще-люди ждут от властей перемен в сторону не просто нормализации бытия, но и его радикального обновления, чтобы Россия стала пространством, где не бессмысленно всё населению, народам, элитам, властям, предпринимателям, трудящимся, инженерам, менеджерам, учителям, писателям, художникам, профессорам, ученым, военнослужащим, родителям, детям, студентам, мужчинам, женщинам, семьям, родам... в общем, всем насельникам великой загадочной страны.

А власть ныне? — нет, она не безмолвствует вовсе, а говорит, говорит себе и говорит, витая над страной и летая по всему миру — и вроде бы правильно говорит и как будто бы намеревается что-то нужное совершить, немало при этом обещая, обещая и обещая, но в целом-то... молчит и... бездействует, надеясь то ли на позитивное самопроизвольное самого нижнего бытия, то ли на его скорое, вполне и спасительное для верхов самоисчезновение. Вот так: без любви, без правды, без проекта, без дела!

Грустно, ох, как грустно в стране и в ее правительстве, даже самым успешным присвоителям богатств и отважным ликвидаторам нацхозяства грустно — без родной страны, в монструозных особняках и катафалкового вида лимузинах, за гигантскими непроницаемыми заборами, в ироничной относительно российских нуворишей за границе. Сами себе, по своему изволению и для себя самих изгой! Совершенно, знаете ли, добровольные. Их не ненавидеть надо — этих ненавистников родины, расхитителей страны и недоброжелателей родного социума, а всего лишь жалеть... вплоть до их скорого и внезапного исчезновения!

А народ-то российский вовсе не так уж и безмолвствует, как это вообще принято-де на родной исторической арене, а, выживая и спасаясь от переустроительного морока 1990-х, думает и бормочет что-то про себя, недовольствуясь и планируя. Пора, пора менять и меняться, пора, и коль скоро власть все это затеяла и совершила, чего в принципе не должно было быть вообще, то власть же и обязана сама измениться и весь контекст отвратительный выправить. Выборы президента на тре-

тий после странного четырехлетнего перерыва срок — последнее российское (вовсе не китайское — по «Книге перемен») предупреждение: либо делай, либо... ох... разное тут может быть, ибо счет уже пошел... как раз по линии — вполне и кривой и закрученной — нового политико-экономического цикла. Хочешь не хочешь, а от цикла этого никуда не деться! Какого же? Как раз *пост*-реформенного, а не просто *по*-реформенного, причем еще и в значительной степени *анти*-реформенного. Ах, как не хочется всего этого! Власть, перемены, преобразование, риск, когда лучше бы: власть, бездейственно, охранительно, безопасно, но... страна-то в тупике, внутри которого лишь инертность, разор, нежить, да и смертушка окаянная.

Ликвидация: слова, мысли, поэзии! А что, кроме этого — inferнального? Куда ни кинь — везде ад, да не только виртуально-телевизионный, но и вполне реально-бытийственный. Поживи-ка тут: без опор, без нормы, без обязательств, без перспективы! *Ничто* тут царствует, которое ничтожит, и имя им — адептам этого Ничто — Легион, и бесчеловечье их в полной силе. Всюду и везде, а теперь уже и всегда. Страшно! Всем страшно, кроме униженных и оскорбленных, обобранных и брошенных. Ибо эти-то как раз все-еще-люди и бытуют все-еще-по-людски, и жаждут людского же общежития, да не на пустой для них общечеловеческой планете, а в России, на родине, с Родиной. Вот какая выходит заковыка! И озираются, и похрипывают, и попыхивают. Ожидание! Того же *момента истины* со всей его беспощадностью — что для тех, что для этих!

На явленном уровне никакого нового цикла вроде бы нет. А ведь должен же быть! Однако ж нет! Построенный ныне в России мир совершенно антисофиен, даже избыточно антисофиен, что вовсе не значит, что София Россию вообще и навсегда оставила. Она с ней и в ней, как и над ней, только... на метауровне, в ноосфере, в душах человеческих, в общем — не на виду. И новый политико-экономический цикл тоже не на виду, а где-то там, во чреве истории, в материнском лоне России, не то уже зародышем, не то лишь в самом зачатье. Любопытно, интригующе и... страшно!

Слушать и слышать надо: шевеленье нового цикла, который не на поверхности, а в глубине, в сердцевине, в мироисторическом творящем яйце. Как раз в том самом — Кошечевом, прямо накануне вылупления... тук, тук, тук. Разве не слышите? Ну да ладно: объективность, она же по большому счету и трансценденция, делают свое дело — *тук* этот неуклонно нарастает, он уже звенит назойливо в кое-каких ушах, и более всего это чувствует Сам, отводя опасливо глаза от плодоносного меча-кладенца, тоже ведь Кошечева.

Вот они — звездные часы Истории, для кого *такие*, а для кого и *этакие*, а для всех — *судьбоносные*! Не этот случится цикл, так другой, да и не цикл вовсе, а просто туповидное движение — то ли туда, то ли опять же не туда — и темно все вокруг, и вихреватое, и заманчиво, и отталкивающее, а там, глядишь, и выход вдруг вполне и исторический, да вот куда, зачем и с кем?

М.М. ГУЗЕВ

Россия: новый политико-экономический цикл — что ожидать?

Аннотация. Россия в новом политико-экономическом цикле. Видимая стабилизация политической и экономической системы — иллюзия. Власть недееспособна. Нарастают внешние и внутренние угрозы безопасности государства.

Ключевые слова: выбор России; разрушительные процессы; глобальные вызовы; слабость власти; угроза безопасности.

Abstract. Russia is in a new political-economical cycle. Visible stabilization of political and economic system is illusion. The power is incapacitated. External and internal threats to the state security are increasing.

Keywords: choice of Russia; destructive processes; global challenges; weakness of the power; a threat to the security.

Проблемы и вызовы, которые стоят перед современной Россией требуют системного мышления и междисциплинарного подхода, поскольку как политико-экономический феномен Россия несомненно является составной частью мировой системы. В то же время политика, экономика, культура все более тесно взаимосвязаны и нередко без учета социокультурного и политического факторов невозможно понять, насколько адекватны решения экономические, и наоборот. Другой особенностью современного этапа изучения российского общества является само время, которого почти не осталось. Попытки осмыслить современное состояние и просматриваемое будущее российского общества и государства предпринимались и раньше. Но в настоящее время, как и 100 лет назад, они носят поистине судьбоносный характер. Вопреки распространенному мнению о том, что Россия свой выбор сделала, ни один значимый политико-экономический процесс не доведен до логического завершения, Россия, так же как и 100 лет, как и 20 лет назад, стоит перед судьбоносным выбором. Те, кто суетится у

престола, как-то подзабыли, что народ-то еще не сказал своего слова. За 20 лет не был проведен ни один референдум по значимым вопросам устройства общества, а результаты прошедших лукавых выборов могут ввести в заблуждение только закоренелых простаков.

Среди актуальных вопросов современной жизни можно выделить следующие: какова миссия России и какова миссия русского народа? как жить дальше в условиях кризиса глобализации? какая экономическая система нам нужна? почему русские бегут от государства? чем грозит России мировая китайская экспансия? почему не ценится предпринимательство в России? возможно ли возрождение хозяйственного и материального без возрождения духовного? Все эти вопросы, казалось бы, из разных областей, тесно связаны одним лейтмотивом: так жить нельзя! А как можно?

Многие из них, очевидно, касаются не только России, но нас интересует именно Россия. В качестве материала для дискуссии можно было бы свести нашу позицию к трем тезисам.

Первый. Видимая стабилизация политической и экономической системы в современной России — это иллюзия. Разрушительные процессы в стране продолжаются, сохраняются старые и нарастают новые противоречия, носящие системный характер — в экономике, политике, социальной сфере, демографии, в национальных отношениях, между городом и селом, между регионами, между московским регионом и остальной Россией, между властью и населением. В целом наблюдается интеллектуальная и социальная деградация населения, в том числе и в первую очередь молодежи. Мы наблюдаем также бегство из России квалифицированной рабочей силы и замены ее мигрантами с низким уровнем образования, не говорящими на русском языке, из ближнего и дальнего зарубежья. Если эти процессы не изменить, то в течение нескольких ближайших десятилетий, к середине XXI в., Россия, если она к тому времени сохранится, будет страной с другим населением, «не Россией». Все это подтверждает положение о том, что окончательный выбор модели еще не сделан. Он не сделан, поскольку десятки миллионов людей, населяющих современную Россию и находящихся в социальной спячке, не дали на то своего согласия, не дали согласия на модель, которая ведет к исчезновению России как своеобразной страны и отдельного государства.

Особую тревогу вызывают новые планетарные вызовы, на которые нет своевременного и адекватного ответа. Это касается и научного осмысления, и практической политики. Первый вызов — люди не хотят рожать людей. Ведь только из-за этого можно уйти в небытие. Вызов второй — огромное количество ненужных людей — и в профессиональном, и в человеческом, и в популяционном плане. Отсюда мас-

совые суициды, в том числе среди детей. Люди не хотят жить. Вызов третий — исчезновение семьи. А что взамен и каковы будут последствия? Вызов четвертый — информационная революция и колоссальные возможности воздействия на людей, превращение их в бессловесные существа.

Второй. Власть в стране недееспособна и в целом находится в своеобразном тупике: гражданского общества создать не удалось, а ставка на полицейский режим и «закручивание гаек» могут дать только кратковременный эффект. Отсюда множество нестыковок по всем параметрам политики, неадекватные решения, уход от ответственности, озлобленность власти и фантастические прожекты вместо дела. Тривиальные примеры: перевод с умным видом стрелок часов туда и обратно; ставка на олимпиаду и чемпионат мира по футболу вместо развития реального сектора и высоких технологий (например, в стране ликвидирована микроэлектроника и ряд других современных подотраслей экономики); провалы в реализации плана—2020 и региональных программ развития; ставка на словах на интеллектуальную экономику, а на деле — на сырьевую зависимую экономику и др. Символами современной России, олицетворяющими бессилие власти, стали тотальная коррупция и ложь. Ощущение, что задана установка: грабь и лги, все равно все пойдет прахом.

Третий. Нарастают внутренние и внешние угрозы безопасности граждан и государства. Но главная опасность внутренняя. Это — компрадоры. Не секрет, что многие представители властной элиты, включая региональную, отправили свои семьи жить и учиться за рубеж, там же находятся их активы, чаще всего в виде вложений в недвижимость. Причем это касается и высших должностных лиц, что весьма показательно и что недопустимо в любом цивилизованном государстве. Все это снижает мотивацию правящей элиты к сохранению сильного российского государства, к решению его проблем. Продолжение нынешней траектории движения неминуемо ведет к распаду государства. Причем это может быть осуществлено даже более изящно, чем при распаде СССР — «по просьбе трудящихся» и для их же блага. Таким образом, всякому, способному мыслить, кому «не все равно», есть о чем задуматься.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

**О циклах, которых в экономике нет,
и турбулентности, которая будет**

Аннотация. На основе турбулентной модели колебаний экономической среды прогнозируется наступление нового политико-экономического цикла страны после 2017 г. В его основе будут лежать фантастические для современных условий экономические идеи, не требующие для начала реализации значительных материальных ресурсов.

Ключевые слова: циклы, турбулентность, новые экономические идеи.

Abstract. On the basis of turbulent model of fluctuations of the economic environment approach of a new political-economical cycle of the country after 2017 is predicted. In its basis economic ideas which are not requiring for the beginning realization significant material resources will lay fantastic for the modern conditions.

Keywords: cycles, the turbulence, new economic ideas.

Хотя о циклических методах в экономике пишут и говорят давно, сколько-нибудь широкого применения в теории и практике они не нашли. Поэтому каждый, берущий на себя смелость выступать на эту тему, чувствует себя новым Кондратьевым или Кузнецом. Объяснение этому дали еще классики. Фогель, например, говорил: «Дважды нельзя войти в один и тот же цикл». А ранее Кондратьев обращал внимание на то, что «каждый новый цикл протекает на новом уровне производительных сил... и поэтому вовсе не является простым повторением предыдущего цикла».

А если нет простого повторения предыдущего цикла, тогда какой же это цикл?

Однако и на этот, казалось бы, неразрешимый вопрос, существует ответ, который принадлежит Колмогорову. Формулируется он, к сожалению, не самыми общеупотребительными терминами, поэтому многими экономистами во внимание не принимается. А говорил Колмогоров о подобии финансовой и гидродинамической турбулентности. Точнее, выстраивал строгие количественные соотношения на этой основе. Их качественный смысл состоит в том, что имеет место не повторение циклов, а некое специфическое (автомодельное) подобие между ними, в котором строго закономерно изменяются лишь физические характеристики социально-экономической среды, такие как энергия колебаний или устойчивость, а остальные флуктуируют.

В общем, пытаясь строго описать и объяснить природу экономических колебаний (упрощенно, циклов), он апеллировал к законам физики больших систем (частным случаем которых является экономика), т. е., по мнению Колмогорова, не разобравшись с первыми принципами движения больших систем, нельзя понять динамику экономических изменений.

Неудивительно поэтому, что каждый экономист, опирающийся на циклические представления, а не на первые принципы науки, вынужден был изобретать и защищать их частные формулировки, как это делали задолго до Колмогорова Кондратьев и Кузнец.

Думается, однако, что сегодня, 50 лет спустя после появления идей Колмогорова и более 80 лет после работ Кондратьева, можно попытаться еще раз продвинуться в понимании цикличности, пройдя по пути от общих физических принципов движения больших систем к их частной — экономической — формулировке.

И определенный отрезок времени в этом направлении уже пройден, о чем свидетельствует, например, краткий перечень публикаций (см.: [1—11]).

Что же говорит опыт последних десятилетий?

А то, что между квазициклическими изменениями устойчивости или энергии турбулентности и колебаниями некоторых экономических индикаторов (например, прироста ВВП, энергопотребления) есть прямая пропорциональная (хотя нелинейная и часто неоднозначная) взаимосвязь [6; 9] и что для оценки устойчивости очень сложной (так называется западная версия теории), или турбулентной, экономики [8] имеют место очень простые соотношения. Например, устойчивость колебаний больших экономических систем (мировой экономики, национальных экономик крупнейших государств) должна быть выше устойчивости экономик малых государств и тем более их областей и районов [2; 4], причем прямо пропорционально, на что постоянно обращал внимание С.П. Капица, периоду волнообразных колебаний их состояния. А их длительность в полном согласии с законом турбулентных флуктуаций Колмогорова прямо пропорциональна площади соответствующего «мира-экономики» в степени $1/3$ [2].

Отсюда, например, следует, что цикл мировой (глобальной) экономики составляет около 140 лет, российской — около 80, китайской и американской — около 60, европейской и индийской — около 40, а японской и германской — около 20 лет. Даже это крайне упрощенное физическое представление о цикличности позволяет объяснить ряд экономических феноменов. Например, германского и японского «экономического чуда» тем, что периоды колебаний их состояния кратны периоду глобального цикла (т. е. возможностью резонанса). Или по-

нять причину размытого характера (неопределенного положения) минимумов экономического развития стран (начала их циклов) существенным влиянием на переходные процессы глобальных волн и волн, доминировавших в этом периоде государств мира. Или понять причину 74—81-летнего, а не 45—60-летнего, о котором все знают со времен Кондратьева, длинного социалистического цикла России, или драматизм современных американо-китайских отношений и т. д.

Не последнюю роль в конструктивном понимании экономической цикличности (практическом владении ее приемами) имеют и современные представления о первых принципах движения больших систем, которые радикально отличаются от принципов классической науки.

Так, в классической картине мира знание сил (причин), начальных и граничных условий позволяло полностью определить будущее поведение системы от начала и до конца. В рамках этой логики расчет будущего мог быть полностью формализован, поэтому для его предсказания ни Бог, ни тем более человек не были нужны.

Во второй половине XX в. благодаря трудам Колмогорова и Пригожина, радикально продвинувшим понимание проблем больших систем, поставленных в XIX в. Больцманом и Пуанкаре, стало ясно, что их описание требует не классической, а турбулентной логики. Поскольку поведение среды может быть рассчитано лишь на конечных интервалах времени от одной точки бифуркации до другой, причем не в точных координатах, а в масштабах их флуктуаций (отклонений от траектории), и не действующими силами (причинами), а устойчивостью всей среды в целом, которая определяется условиями на ее границах. Таким образом, знание законов турбулентной логики позволяет определить не одну единственную траекторию развития системы, а векторное поле наиболее вероятных (устойчивых) волнообразных изменений. В этой логике без субъекта (автора) процесс развития системы не является до конца определенным (завершенным). Отличительной особенностью турбулентной динамики является ее склонность, при достижении системой некоторых критических рубежей, к самоорганизации в устойчивые структуры разного качества и масштаба. Все турбулентные движения системы со временем формируют некий устойчивый ансамбль волн, распределение энергии в которых подчиняется законам Парето, Колмогорова и социальной турбулентности. При этом поведение каждой флуктуации сложной системы частиц описывается не законами гармонии, а асимметричными турбулентными волнами [11].

С подобного рода физической точки зрения в длинных циклах экономики должны происходить постепенное формирование, развитие и

упадок новой пространственной структуры хозяйства и обслуживающих ее систем управления и коммуникаций. Первенство в таких изменениях принадлежит физической структуре хозяйства и системам коммуникаций, за которыми следуют социально-политические и экономические структурные изменения. Наиболее ярко это заметно в глобальных волнах мировой экономики. Так, длинной волне буржуазного преобразования мирового хозяйства 1789—1929 гг. предшествовала такая же 140-летняя волна становления и развития принципиально новой системы коммуникаций — железных дорог. Рождение новых принципов коммуникаций на паровой тяге относится к началу XVIII в., а первый этап логического завершения — в виде замкнутой сети железных дорог Англии — к 1856 г. Следующая волна глобальных нововведений 1856—1996 гг. [10] связана с рождением новой — космической системы глобальных коммуникаций. В середине этой волны (1917—1920-е гг.) с периода социалистических революций в России и Германии (как с буржуазной революции во Франции в 1789 г. предыдущей волны) начала зарождаться новая, скажем так, социально ориентированная мировая система хозяйства.

Что же можно сказать под этим углом зрения о перспективах нового политико-экономического цикла России?

В первую очередь то, что в переходном периоде от предыдущего длинного социалистического цикла к новому, в который сегодня входит страна, существенное значение может иметь не национальная 80-летняя цикличность, а глобальная 140-летняя, проявляющаяся своими 17/8-летними гармониками.

Таким образом, можно, объяснить исключительно острую реакцию российской экономики на мировой кризис 2008—2009 гг., поскольку между возникновением новой России образца 1991 г. и этим кризисом прошла ровно одна такая фаза глобального цикла.

Учитывая, что в периоде 1991—2008 гг. российское хозяйство совершило полный цикл от упадка до восстановления своих средних макроэкономических показателей, таких как ВВП и энергопотребление на душу населения, можно ожидать, что в новом 17/8 цикле 2008—2026 гг. начнется полномасштабное становление новой экономики и, по сути, новой страны [7]. Таким образом, можно признать вполне правомочными принятые руководством страны в 2006 г. долгосрочные ориентиры — вхождение в 2020-х гг. в пятерку наиболее развитых экономик мира.

Эти трансформации национального хозяйства проходят, и дальше будут происходить, в фазе, с одной стороны, зарождения новых принципов науки и культуры, как это было 140 лет назад во времена Больцмана и Маркса или 560 лет назад во времена Возрождения (а не толь-

ко и не столько появления новых промышленных технологий); а с другой — в 70-летней фазе драматичной трансформации структуры и конфигурации глобальной экономики и систем ее коммуникаций (сотовой кластеризации в 1990 — 2060-х гг. мирового хозяйства [6]).

Непреодолимая инерция глобальных социальных и экономических перемен может привести лет через 5—6 к неожиданному началу, как это всегда бывает в России, совершенно нового политического цикла наподобие *контрперестройки*.

Причины его наступления могут быть внешними (например, очередной всплеск глобального кризиса), а преобразования носить «безумный» турбулентный характер.

В таких формах, как повсеместное возрождение духовной практики, реальное освобождение предпринимательства от бюрократических оков, опора преобразований на редких национальных гениев и пассионариев, полная переориентация национального изобретательства и предпринимательства (хозяйства) на потребности внешнего рынка, реализация принципиально новых решений в промышленности (основанных на новых научных принципах складывающейся на наших глазах неклассической науки), перенос столицы страны в ее центр, реализация полной прозрачности управления, может произойти восхождение России к самой себе.

Литература

1. Батулин Ю.М. Ледоход истории // Сегодня. 1991. № 1.
2. Батулин Ю.М., Добродеев О.В. История, как частный случай физики // Столица. 1994. № 10.
3. Добродеев О.В. Россия 2006 года — лидер мировой экономики // Независимая газета. 1994. 19 авг.
4. Добродеев О.В. Физические закономерности общественного развития от тысячелетних цивилизаций до сегодняшних дней // Общественные науки и современность. 1996. № 6.
5. Добродеев О.В. Глобальный кризис. Российский сценарий // Независимая газета. 1999. 13 янв.
6. Добродеев О.В. Вектор перемен. М., 2003.
7. Добродеев О.В. Пятая Россия. М., 2006.
8. Добродеев О.В., Коваль Ю.А. Экономика хаоса. М., 2007.
9. Клепач А.Н., Добродеев О.В. Модель длинных экономических волн Колмогорова // XVII Кондратьевские чтения «Долгосрочное прогнозирование: исторический опыт и современность». Тезисы докладов и выступлений участников чтений. М., 2009.

10. Батурич Ю.М., Доброчеев О.В. Периодическая таблица критических событий космонавтики // Космонавтика XXI века / Под ред. Б.Е. Чертока. М., 2010.

11. Клепач А.Н., Доброчеев О.В. Сильной может быть только умная экономика // Философия хозяйства. 2011. № 4.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Россия в новом политико-экономическом цикле

Аннотация. Новый политико-экономический цикл рассматривается как преодоление пореформенного социально-экономического кризиса посредством обретения жизнотворческой социально-нравственной гармонии.

Ключевые слова: Россия, кризис, новый социально-политический цикл, развитие, нравственное возрождение, социальная гармония.

Abstract. New political and economic cycle is seen as overcoming the post-reform economic and social crisis by gaining life-creating social and moral harmony.

Keywords: Russia, crisis, new social and politic cycle, moral renaissance, social harmony.

Обсуждение темы перехода России (или готовности к переходу) в новый политико-экономический цикл требует напоминания далекому от занятий наукой человеку об универсальности циклической составляющей в любой динамике природных сущностей: движении электронов вокруг ядра атома, планет вокруг своей звезды, звезд вокруг центров галактик, физиологических циклах человека, наконец, известных «больших циклах» экономического развития (В. Леонтьев). Говоря о политико-экономических циклах, следует, прежде всего, говорить о системообразующих факторах их рождения и критериях завершения цикла. Новый политико-экономический цикл есть порождение новой, «горячей», актуальной социальной идеи, и завершает он свое существование, когда эта центральная структура политико-экономической организации «остывает».

Завершение предыдущего, социалистического, политико-экономического цикла развития нашей страны произошло лишь тогда (учитывая и множество других общеизвестных факторов), когда «остыла» идеология социализма, основанная на *идее уравнительной справедливости*. На смену пришла противоположная социальная идея

— идея *индивидуальной свободы*, заимствованная в странах «атлантической культуры». Может показаться, что последующее событие всегда более прогрессивно и верно в сравнении с предыдущим, но это лишь первое впечатление. Так, например, становление колониальных систем отражало объективную расстановку сил на момент их появления, но завершалось, как почти всегда в Новой истории, распадом этих систем, а затем и превращением метрополий в колонии своих бывших колоний (Англия, Франция).

«Остыла» ли нынешняя идеология России, формально отрицаемая политической элитой, но очевидная для каждого образованного человека, идеология безусловного превосходства частного интереса над общественным и государственным? На этот вопрос следует однозначно утвердительный ответ — да. Граждане России, хлебнувшие в годы реформ бесконечное число вариантов *беспредельной* свободы (часто доходившей до форменного беспредела), не желают более жить лишь для одного желудка. Налицо кризис «долгих» смыслов. Если духовность как нечто неопределенное и непрактичное отвергается современной идеологией России изначально, то материальное благополучие, предложенное как якобы адекватная замена прежних целей бытия, населением более не воспринимается главным смыслом жизни. Это характеризуется и кризисом символов социальной идеи. Так, в обществе наиболее финансово успешные граждане страны уже ни в коей мере не воспринимаются как «герои нашего времени»: в фольклоре, а значит, в массовом сознании, они выглядят неудачниками, «не имеющими ничего, кроме денег», являются предметами прямых насмешек и персонажами анекдотов. Кроме того, имеет место кризис нравственности (смыслов «средней дальности»), наиболее ярко проявляющийся в тотальной коррупции, утрате авторитета судебных и правоохранительных органов, а в последнее время еще и в ослаблении авторитета церкви. Отсюда готовность к публичной критике институтов духовности, не отражающих интересы населения, способность к поруганию святынь. В результате кризиса смыслов власть теряет всякую сакральность, необходимую для управления, и обретает атомизированное, неуправляемое общество, готовое к социальному протесту в самых жестких формах. Со времен Н. Макиавелли, основателя политологии, известно, что власть, не давшая народу объединяющей идеи, не вызывающая уважения к предложенным ею принципам общественных отношений, может вызывать страх, но не долгое время; на смену неизбежно приходит раздражение, а затем и насмешка. На этом эволюция политико-экономического цикла заканчивается. К этому моменту общественное сознание уже «беременно» новой идеологией, которая вскоре захватывает умы и создает основу следующего цикла развития.

Наиболее очевиден и верифицируем экономический кризис. Однако он не является первопричиной общественной нестабильности. Экономика — не смысл, а средство существования общества. Она является лишь частью национального хозяйства, которое предназначено воспроизводить не только материальные ресурсы для жизни и развития общества, но непременно возобновлять ресурсы социальные, культурные и духовные. Наиболее убедительно об этом говорил еще накануне Революции 1917 г. профессор Московского университета, экономист, философ, священник, создатель *философии хозяйства* С.Н. Булгаков. Он подчеркивал: «Без возрождения духовного возрождение социальное и хозяйственное невозможно!».

Бушующий сегодня глобальный финансово-экономический кризис не имеет аналогов со времен Второй мировой войны. В полной мере он затрагивает и Россию, которая уже два десятилетия включена в мировую социально-экономическую систему и тем самым открыта для всех ее влияний. По существу, развертывающийся кризис носит системный характер, так как содержит в себе признаки политического, демографического, культурного и метафизического перелома в ходе мировой истории. В полной мере его конкретные последствия не берутся предсказать ни политики, ни экономисты, ни представители других социальных наук. На январском форуме текущего года в Давосе вчерашние лидеры мировой экономики признали — существовавший в мире капитализм «устарел», необходимо строить какой-то иной, «новый», капитализм. Какой? У этих людей нет ответа... Действующие политики не готовы ни прогнозировать продолжительность кризиса, ни четко указать на его фундаментальные причины. Правда, бывший министр финансов России А. Кудрин заявлял, что он прогнозирует сохранение проявлений хаоса в экономике на ближайшие пятьдесят лет. В последнее время его пессимизм разделяют и многие другие сторонники либеральной экономической модели. Между тем, принимая требования социально-экономических законов и принципов логики, подобного рода проблемы, с неопределенно долгими перспективами их преодоления, следует определять не как кризис, а как *катастрофу*.

Минувшее XX столетие вошло в историю как период напряженной борьбы двух противоположных подходов в социально-экономической организации жизни общества — капитализма и социализма. Время выявило их основные недостатки. Каждая из моделей страдает догматизмом, т. е. принципиальной дисгармоничностью идеи, несбалансированностью и односторонностью общественной практики. Если первая модель, вследствие избыточного внимания к интересам индивида, теряет общественный и долгосрочный интерес, формирует атмосферу эгоизма, безнравственности и пустой вседозволенности, то вторая,

также закономерно, вследствие фактического игнорирования индивидуальности, преувеличения роли общественного и долгосрочного мотивов социального поведения, формирует общество аскезы и ханжества, в тотальной борьбе с эгоизмом подавляет инициативу и ответственность индивида, лишает общество стимулов к развитию. Выход многие мыслители видели в соединении позитивных сторон двух моделей, позволяющем преодолеть их принципиальные недостатки (теория конвергенции).

Анализируя фундаментальные причины проигрыша СССР в «холодной войне» два десятилетия назад, следует признать что, прежде всего, он был обусловлен *прекращением развития социальной науки* в нашей стране, превращением ее в догму, начиная со второй половины XX столетия. Общество, переставшее понимать себя и окружающий мир, было обречено стремительно отставать от меняющегося содержания жизни. Это демонстрировал весь ход социально-экономического развития страны. По сути, великое государство, общество и культура были погублены учеными и политиками, подменившими требование науки о постоянном развитии знаний в меняющемся мире заклинаниями и цитатами из уже устаревших, но канонизированных трудов предшественников.

Образ будущего мира в первую очередь определяется учеными, а не политиками, ибо последние пользуются моделями, разработанными наукой. Почему в России вновь входит в моду «левая» идеология, почему возродилась ностальгия по «красному проекту»? Можно ли угадать или твердо определить социальную идею следующего политико-экономического цикла в России?

Современная социальная наука России дает основания для позитивного ответа на поставленный вопрос. Длительное время в МГУ имени М.В. Ломоносова работает Центр общественных наук, руководитель которого профессор Ю.М. Осипов несколько лет назад создал Академию философии хозяйства [1]. Она объединила большую группу ученых России и зарубежья, которые ищут ответы на вызовы времени с позиций философии хозяйства, с позиций слияния воедино «долгих», «средних» и «коротких» смыслов бытия.

Сегодня наступил момент, когда противопоставление рационального и мистического способов познания мира ушло в прошлое, эти подходы лишь дополняют друг друга (вспомните «халкидонский догмат» христианства, признавший двуединую природу Христа, божественную и человеческую, а также идеи Всеединства и Богочеловечества в русской философии). Современная культурология показывает, что эффективная модель социально-экономического развития не возможна без учета национальной идеи. Сегодня не только хорошо понятны, но и

чрезвычайно актуальны слова соратника С.Н. Булгакова, его друга, Н.А. Бердяева: «Народ есть люди. А нация есть принцип, господствующий над людьми, есть правящая идея... И в русском народе, и в русской интеллигенции было и будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда... В России коммунизм не столько социальная система, сколько религия. Коммунизм стремится быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать жизни смысл... Россия — самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем среднем и относительном... Русский народ не “догоняет” Запад, а идет собственным путем».

Не случайно О. Шпенглер, один из самых известных европейских мыслителей, исследовавших миссию России, писал: «Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом... Будущее, скрытое в глубоких недрах России, заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в *подготовивающемся рождении новой религии*, третьей из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве...».

Теория оптимума развития принадлежит к числу концептуальных достижений современной философии хозяйства (см.: [2]). Основываясь на принципах фрактальной организации мира, описывая новыми и оригинальными принципами природу человека и общества, выделяя принцип «бинарной комплементарности» как базовый закон «скользящей гармонии» развития, эта концепция предлагает систему новых технологий соответствия человека и общества объективной динамике изменений мира.

Принципом жизни нового общества может быть лишь *гармония*, но не уходящая в историю односторонняя догматика. Россия, со своей «вселенской отзывчивостью» и укорененной социальной традицией, религией и мифологией любви, способна спасти гибнущий без понимания важности «долгих» смыслов Запад. Несмотря на все попытки элит избавить нас от традиционной российской культуры, народ не восприимчив к наивной пропаганде пустяковых идей, по-прежнему не испорчен на уровне индивидуального и коллективного подсознания. Нас держит культурная традиция. У нас сохранилась в полной мере

(зачастую даже мало осознаваемая, скрытая от собственного осознания народом) культурная особенность — внутреннее принуждение к честности, к общению с Логосом, с законом гармоничного развития.

Успешность выбранной модели модернизации и развития России в советскую эпоху развития определялась ее соответствием национальной культуре. Нынешняя модель, основанная на принципах атлантического, протестантского, либерального менталитета, чужеродна, принципиально противоречит национальной идее и отторгается культурой страны как иммунной системой общества.

Гармоничное общество не будет догматически противопоставлять базовые социальные идеи, но сможет их гармонично соединить в органичную социально-экономическую систему. Это позволит, например, соединить экономику «коротких смыслов» (частную) с экономикой «долгих смыслов» (общественную), а также создать промежуточные формы. Данный подход в системе власти дает возможность создать наряду с доминирующей государственной вертикалью горизонталь территориальных общин, связанных со своими лидерами «социальным контрактом» и т. д. [2].

Гармония есть *соответствие*. Соответствие призыву Логоса возможно лишь при наличии *ответа* (знания). Реализация разумного ответа на вызов времени требует *ответственности, социальной воли*. Пришло время пропагандировать новые принципы социальной жизни, в том числе средствами искусства.

Сегодня Россия способна и должна явить миру новый тип гармоничного человека и гармоничного общества, образец для подражания, вновь стать глобальным лидером духовного, социального и экономического развития. *Направление перестроения нашего общества, его сохраняющуюся в культуре мессианскую функцию мы предлагаем определить принципом: сегодня в России бытие есть принятие ответственности и призывание к гармонии.*

Так уж получилось, сегодня в России Бог...

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Шелкопляс Е.В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, май 2012 г. Иваново, 2012.

В.П. ОКЕАНСКИЙ

Будущее России в новом культурно-цивилизационном цикле

Аннотация. Выдвигается идея грядущего возвращения к религиозным традициям и сакральному миропониманию древности, указывает особая роль России в этом культурно-историческом процессе.

Ключевые слова: религия, неомагизм, Россия, перестроение, вертикализация.

Abstract. Put forward the idea of coming back to the religious traditions and sacred understanding of the world of antiquity, indicate the special role of Russia in the cultural-historical process.

Keywords: religion, neomagizm, Russia, rebuild, verticalization.

Говоря о будущем, мы как бы выпадаем из реального времени, слагаемого из протекающего и сбывшегося, — это выпадение возвышенно и странно, однако же, его результат двойкий: мы можем подниматься к Вечности или проваливаться в Ничто.

Приближение «Нового Средневековья» как особой «идеациональной» эпохи предвосхищено лучшими умами представителей отечественной религиозной философии и социокультурной мысли, причем — уже около столетия назад: отцами Сергием Булгаковым и Павлом Флоренским, Н.А. Бердяевым и П.А. Сорокиным. Позднее Ар.Дж. Тойнби в работе «Цивилизация перед судом истории» будет вполне позитивно писать о главных традиционалистских вызовах грядущего третьего тысячелетия, отмечая, что крушение цивилизаций — это колеса, на которых Религия поднимается на небеса...

Его предшественник О. Шпенглер, грезивший о «русско-сибирской» культуре нового миллениума и по-своему гениально диагностировавший «закат западного мира», символика которого сопряжена у него с образом гетевского Фауста, указывал на исключительное значение для понимания «целостного строения истории в нашей картине мира» особого гештальта — «внутренней формы магической культуры». Здесь важно понять, что под маской Фауста (средневекового мага) вечное магическое ядро человечества продолжало жить внутри Новой Европы.

Мы беремся утверждать, что будущее посткризисное возрождение человечества и России (более того, руссоцентрированное возрождение человеческого духа со смещением центров из атлантического, средиземноморского и евразийского регионов — в пацифический акваториальный бассейн) будет по своему характеру *неомагическим* возрождением (в чем, конечно же, не следует видеть одни только положи-

тельные стороны, ибо неомагическое миропонимание отнюдь не совпадает с райским бытием — возникнет продуктивно-драматическое напряжение смыслов по линии «богочеловеческое — гностическое»).

Между тем русский мир второго тысячелетия (который, согласно отцу Георгию Флоровскому, «был крещен — да не оглашен»), будучи реальным историческим наследником трех цивилизационных закатов — византийского, монгольского и западного (в которые он оказался буквально *втянут!*), — только еще пробуждается и готовится к тому, чтобы осуществить свое окончательное *глобальное* призвание.

Нам затруднительно пока *осмыслить* то, что нашим отдаленным потомкам предстоит *прожить* — но можно однозначно утверждать, что это будет *проименованный мир* (или — *ословесненный космос*), вырастающий из музыкально-ритмических и смысловых энергий русской словесности, поэзии и философии, из славянофильских чаяний о мудром социальном устройении, обогащенных, однако, сакрализованным неоевтангизмом, вырастающим из гегелевской формулы о «государстве как шестивии Бога в миру»...

России, которую мы исторически *взыскуем*, пока еще нет в истории — но ее *пространственный* размах и происходящие в нее процессы *перестроения* обещают разноплановое и насыщенное высоким проблематизмом будущее. Это глубочайшее и неотменимое — *символическое* обещание будущего...

Укажем наиболее интересную черту и весьма существенный момент в трансформации общей «картины мира» по мере продвижения к осуществлению грядущей *неомагической метакультуры*. Фундаментальное преобразование представления о мироздании будет состоять в следующем буквальном перевороте, а именно — в полном изменении восприятия верховности космоса; последний отнюдь не отменится в своей астрофизической грандиозности, но будет восприниматься как то, что расположено *внизу*, в глуби и зыби — в циклической энергетике хаоса; произойдет возрождение вкуса к метафизическому опыту и соответствующему *вершинному* плану реальности.

Классические представления о разумности мироустройства, пришедшие в конфликт с той профанической «картиной мира», которую транслировало Новое время и в сторону радикального безумия отредактировало Новейшее, будут возрождены посредством перемещения космоизированного безумия в смысловой низ. В целом же произойдет мифологическая реконструкция «мирового древа» и соответствующая всеобщая метафизическая *вертикализация* культуры.

* * *

3—8 октября 2012 г. на о. Родос (Греция) состоялась X ежегодная сессия Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», поставившего и обсудившего многие актуальные вопросы современного бытия. В работе форума приняли участие директор ЦОН при МГУ, президент АФХ Ю.М. Осипов и действительные члены АФХ А.А. Нагорный, М.Л. Хазин, С.Г. Кара-Мурза. На заседании форума был распространен текст, подготовленный директором ИЭ РАН членом-корреспондентом РАН Р.С. Гринбергом. Редакция журнала сочла возможным познакомить читателей с указанным текстом с любезного согласия автора.

Р.С. ГРИНБЕРГ

Битва мировоззрений

Аннотация. Статья посвящена размышлениям о выборах нового президента США. Победа М. Ромни представляется автору путем в пропасть, а успех Б. Обамы — шансом, надеждой и восстановлением утраченного оптимизма.

Ключевые слова: США, политика, выборы, современный миропорядок.

Abstract. The article is devoted to reflections on the election of a new U.S. president. M. Romney's victory seems to the author to be a way into the abyss, and the success of Barack Obama a chance for hope and restoration of lost optimism.

Keywords: the USA, politics, election, modern world order.

Мы уже давно привыкли к тому, что выборы президента США — это не только дело американцев. Вот уже почти век их исход так или иначе влияет на весь остальной мир, отражая могущество безоговорочного лидера евро-атлантической цивилизации. Сегодня налицо признаки того, что доминирование самой этой цивилизации, как, впрочем, и руководящая роль в ней США, начинает ослабевать вследствие перемещения экономической мощи мира на Восток. Как гласит мудрая китайская поговорка, «путь с вершины ведет только вниз». И, скорее всего, так оно и есть. Но очевидно и то, что процесс этот будет долгим, противоречивым и, судя по всему, конфликтным и мучительным.

Как бы то ни было, и в ближайшей, и даже в более отдаленной перспективе всем нам независимо от того, обожаем мы Америку или ненавидим ее, по-прежнему придется считаться с громадным влиянием США на всю международную жизнь планеты и прежде всего на ее управляемость и безопасность. Мир перестает быть однополярным, но инерция Pax Americana слишком велика и живуча.

Скажут, что так было всегда. Республиканцы сменяли демократов и наоборот, и каждая партия на основе собственного видения мира вносила соответствующие коррективы в международную политику страны. В одном случае чуть больше изоляционизма, в другом — интервенционизма. Одни больше педалируют ценности, другие более прагматичны. Одни больше считаются с интересами остального мира, другие меньше. Но общий вектор и содержание политики остаются, как правило, неизменными. Неизменной остается и склонность американцев в ходе президентских выборных кампаний концентрироваться в первую очередь на внутренних делах и лишь во вторую — на международных.

Так что же нового и существенного даст нам 6 ноября очередной выбор американского народа? И вообще, почему исход именно этого выбора так важен для мира и России?

Ответ очевиден и прост. На этот раз будущее мира особенно сильно зависит от того, кто станет президентом США. И это можно утверждать без всякого риска преувеличения.

Сегодня мы являемся свидетелями не просто обычной межпартийной борьбы за власть, а настоящей битвы диаметрально противоположных мировоззрений. Особенно отчетливо это проявилось совсем недавно, когда Митт Ромни с подкупающей простотой назвал сторонников Барака Обамы — 47% населения страны — паразитами, нахлебниками и трутнями. Они его не интересуют. Посмотрим, как отреагируют на это американцы, но в этих словах заключена драма современного мира: какая идея или система идей станет компасом для его выхода из болота депрессии на траекторию здорового устойчивого развития.

Множатся признаки роста неуправляемости нашего тревожного мира. Восстание фундаменталистов, обострение территориальных споров в Азии, неожиданно резкая реакция на кинофильм «Невинность мусульман», неутраченное протестное движение в Европе против политики строгой экономии, непрекращающаяся депрессия — все указывает на то, что обостряются как социальные, так и межнациональные конфликты.

Естественно, каждый из этих конфликтов имеет свои специфические особенности. Но меня не покидает ощущение, что в их основе — такой же конфликт, который привел к трагедии Европы в первой поло-

вине прошлого века. Сначала драма Великой депрессии 1929—1933 гг., потом изоляционизм 1930-х с его политикой «грабь соседа», а затем ужасы трагедии Второй мировой войны. Вся эта цепь событий — в конечном счете результат следования доктрине безоговорочной благотворности свободного рынка.

Я уже пытался показать пагубность рыночного фундаментализма, который, казалось бы, потерпел сокрушительное поражение, оказавшись бессильным перед мировым финансово-экономическим кризисом 2008—2009 гг. Больше того, именно преданность принципам рыночного фундаментализма и привела к этому кризису. И хотя бы уже только поэтому он должен был уйти из мейнстрима общественной мысли и государственной практики. Но так, похоже, думают не все.

Если победят республиканцы, мы опять рискуем наступить на те же грабли, так как, судя по всему, человечество опять оказалось перед экзистенциальным выбором. Либо общество «всеобщего благосостояния», т. е. социальный капитализм, за который выступает Барак Обама, либо дальнейшее углубление пропасти между кучкой богатых и морем обездоленных и оскорбленных с гарантией социальных взрывов. И именно эту реакционную перспективу предлагает Америке и миру Митт Ромни.

Конечно, это противостояние не ново. Никогда не было солидарности между богатыми и бедными. Но уникальность нынешней ситуации в том, что сегодня в обездоленные и оскорбленные соскальзывает средний класс, который впервые в истории человечества был сформирован на Западе во второй половине XX в. как доминирующий сегмент социума и воплощение мечты о бесклассовом обществе.

Митт Ромни или Барак Обама — исключительно важный выбор для мира. Усугубление недуга или начало выздоровления? Победа Ромни — путь в пропасть, успех Обамы — шанс для надежды и восстановление утраченного оптимизма.

Это противопоставление имеет прямое отношение к России, где и в правящем доме, и в оппозиции, рискну предположить, преобладают единомышленники Ромни в том смысле, что, будучи адептами праволиберального мировоззрения, являются идейными сторонниками минимального государства, дерегулирования и плутократического порядка. Здесь остается только заметить, что нельзя проповедовать плюралистическую демократию, игнорируя чудовищное расслоение в мире и особенно в собственном отечестве. Без возвращения к социальному государству никакая демократия невозможна. Это две стороны одной медали.

Уместно, я надеюсь, закончить эти заметки цитатой из Пола Кругмана: «Когда твой капитал увеличивается на миллиард-другой каждый год — а значит, ты можешь купить абсолютно все, что захочешь, —

материальные ценности становятся второстепенными, и все, чего ты жаждешь по-настоящему, — это слава и уважение. Лично я не раз наблюдал, как ведут себя все эти олигархи на различных экономических форумах и встречах. Казалось бы, богатство — залог абсолютной уверенности в себе; но нет, попадая в окружение именитых профессоров, эти толстосумы ведут себя как школьники, которые боятся осрамиться. Потому что они хотят уважения к своему интеллекту, а не только к своим деньгам. Или другой показательный факт: бывшие покровители Барака Обамы — тоже, естественно, миллиардеры — спонсировали его предвыборную кампанию только ради того, чтобы получить входной билет в узкий круг приближенных к власти... И тут Обама заявляет, что эти люди нажили свои миллиарды в ущерб простым американцам. И олигархи начинают рвать на себе волосы — еще и потому, что в глубине души понимают, что это чистая правда.

И тогда они бегут к Митту Ромни...

* * *

13 октября 2012 г. в рамках VII фестиваля науки МГУ состоялась коллективная публичная лекция профессоров Ю.М. Осипова, Н.Б. Шулевского и Л.А. Тутова на тему «Философия хозяйства: вводный абрис. К 100-летию выхода в свет классической работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства»». После окончания мероприятия в библиотеке экономического факультета (заведующая — В.Н. Рогожникова) состоялось торжественное открытие выставки, посвященной 100-летию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства».

Публикуем материал профессора Ю.М. Осипова к указанной лекции.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства как мировоззренческое событие

Аннотация. Рассматриваются исходные концептуальные (парадигмальные) параметры философии хозяйства, а также место последней в пространстве мировоззренческой мысли.

Ключевые слова: философия хозяйства, наука, физика, философия, метафизика, мировоззрение, мысль.

Abstract. The source conceptual (paradigm) parameters of philosophy of economy are considered as well as the place of it in the space of worldview thought.

Keywords: philosophy of economy, science, physics, philosophy, metaphysics, worldview, thought.

Философско-хозяйственная мысль издревле имела место. Нашла она себе применение и в политической экономии, в особенности на первых порах и в классическом образе этой последней. Достаточно указать на то, что политэкономия XVIII—XIX вв. не пренебрегала существенной стороной экономической реальности, вводя и используя, к примеру, такое понятие, как стоимость, трактуя стоящий за ним феномен вполне субстанциально.

Собственно философия хозяйства (укажем на тесную смысловую совместность этих двух слов-понятий — философия и хозяйство) возникла в момент кризиса европейской цивилизации, как и кризиса российской империльности, на рубеже XIX—XX вв., сопровождавшегося и кризисом ренессансно-просвещенческой мысли, гуманистической философии, гуманитарной науки, включая политическую экономию, вырождавшуюся в вульгарно-точную, уже не философическую и не мировоззренческую, как и не очень-то социальную, а поверхностно-технологическую, навязчиво-математическую, психологическую и правоведческую, и совершенно уже не точную, весьма оторванную от реальности, науку. Классический образ политэкономии продлевал тогда марксизм, но с той оговоркой, что он был односторонне антикапиталистичен, сугубо материалистичен, очень идеологизирован и слишком упрощен. Недаром тогда пытались ревизовать марксизм, его как-то переделать, приспособить к сложной реальности.

Философия хозяйства — выход за пределы не только собственно политэкономии, но и гуманитарной антропо-социальной науки, как и за пределы самой по себе науки. Философия хозяйства — не просто метанаука, но еще и метафизика (метафизическая философия), не только признающая метанаучный и метафизический характер хозяйственной реальности, в том числе и чисто экономической (экономика для философии хозяйства — частный случай хозяйства, она основана на стоимости и ею же фундаментально ведется), но и признающая трансцендентность мироздания и всего бытия, человека, его хозяйства, истории, его экономики с той же стоимостью. Философия хозяйства признает духовность, идеальность, трансцендентность, как все то, что относится к метафизису природы, бытия, жизни, выходит за рамки физиса и его — этот самый физис — определяет.

Философия хозяйства — не физика, каковой пытается упорно быть экономическая наука, в особенности современная, а метафизика, причем постнаучная метафизика, а в плане ее совсем недавнего генезиса — постполитэкономия, что не значит, что философия хозяйства отвер-

гает начисто политэкономия (как и теоретическую экономию вообще), но что значит, что философия хозяйства преодолевает политэкономия, как, собственно, и любую теоретическую экономию.

Для философии хозяйства термин хозяйство, означает не что иное, как все жизнеотправление человека, взятое по преимуществу с деловой, творческой, организационной стороны, как субъектно-субъективное жизнеотправление, вовсе не лишенное объективности, стихийности, синергичности, самоорганизационности.

Основная проблематика философии хозяйства сводится к вопросам о том, что есть человек, как хозяйствующий, т. е. действующий, организующий, творящий, преобразующий, созидующий, фантазирующий, субъект, что есть хозяйствующее общество, какие задачи решает хозяйствующее человечество, к чему стремится, чего достигло и что его ожидает? И поскольку во всем бытии присутствует и ему соответствует трансцендентное начало, имеет место трансцендентный процесс и возможен трансцендентный конец, о философия хозяйства задается также вопросами о телеологичности (заданности) человеческого хозяйствования, его процессуальной неопределенности (слепоты и неподвластности) и захватывающей эсхатологичности (завершаемости, конечности). Отсюда философия хозяйства не отрасль экономической науки и не отраслевая философия, а самостоятельное знание-размышление, идущее не столько от нажитого человеком обильного знания, сколько от разворачивающейся перед заинтересованными наблюдателями богатейшей реальности. Однако с тем неизменным условием, что философ хозяйства не над реальностью — как созерцатель, а в самой ее гуще — как ее участник.

Итак: философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***«Актуальное интервью: Н. Ленин (Вл. Ильин).
Империализм, как новейший этап капитализма.
Петроград, 1917***

*К 95-летию выхода в свет классического труда
В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия
капитализма»*

Написанная в свое время и для этого времени работа В.И. Ленина в основе и многих чертах не теряет актуальности, более того, получает смысло-концептуальные подтверждения. Не все сегодня так, как помышлял когда-то Ленин, но вряд ли все новое современное можно счастливо осмыслить без обращения к замечательному ленинскому труду. Слово Ленину! Ленинское слово, историческое слово, но и наше слово — слово нынешнее.

13 ноября 2012 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Постреформизм на службе России:
вырыв к развитию***

Что бы ни говорили сегодня о завершении реформирования России, ее общества и экономики, реформный воз и ныне там — в реформировании, пусть и не столь масштабном, дерзком и безответственном,

как в лихие 1990-е, но не менее, а даже более необходимом для вроде бы уже пореформной страны. Реформа завела Россию в тупой, но зато прочный и комплексный тупик: глобальной зависимости от внешнего контекста (и от глобализма как такового тоже), энерго-сырьевой флюсовости «нацхозяйства», физического и морального старения всего и вся, непроизводительности и неразвиваемости. Любой стандартный ход, иной раз и экстравагантный, лишь усугубляет смертельно аномальную ситуацию. Требуется что-то экстраординарное — и не от кого-то, а от самой российской власти, которая пока лишь признает назревшие проблемы, но бежит упорно от их разрешений. Впереди — новая реформа, причем совершенно уже иная реформа, совсем не реформная, а постреформная. Впереди — неординарная экстраординарность, влекущая невозможный вырыв из постигнутого Россию тупика и возможный прорыв к всестороннему развитию!

Секции:

1. Российская аномалия в острокризисном общемировом контексте.
2. Зарвавшийся экономизм: триумф, кризис, преодоление.
3. Научно-техническое инновирование: цели, возможности, средства, последствия.

5—7 декабря 2012 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2012 г.

Тексты статей до 0,33 п. л. принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2013 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 15 ноября 2012 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,
пн., чтв. 13.00 — 19.00.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Сеть как неотъемлемый феномен современного бытия: социум, сознание, культура, экономика

Техно-социо-психостроители современности с гордостью говорят о «сетях», охвативших собою почти уже все бытие человеческое. Теперь самое главное не в отношениях субъектов и их комплексах, не в явно выраженных социоиерархиях, да и не в обществе с общественным хозяйством, а в сетях, зачастую попросту невидимых, в которых заключаются, путаются и трепыхаются уже не субъекты и их комплексы, не общество как таковое, а всего лишь элементы сети, или сетевые пленники, их масса, и элементам этим редко бывает вдомек, что у всякой сети есть свой сетевый кладчик-ловец, а сеть... все-таки... это сеть, а не анархо-демократический социопасьянс.

12 февраля 2013 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2013

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

17—19 апреля 2013

Секция лаборатории философии хозяйства

Неоиндустриализация как проектно регулируемый инновационный процесс

России необходима неоиндустриализация, осуществляемая вполне проективно под водительством и при участии государственно-корпорационного неоиндирижизма. Дело тут не в идейных симпатиях, а в жесткой необходимости. А потому: обоснование, концепции, механизмы!

Просим учесть, что публикация статей осуществляется до конференции! Пожалуйста, следите за сайтом экономического факультета, где будут указаны сроки и условия предоставления публикаций.

18 апреля 2013 г.

Круглый стол
Российские университеты: что происходит?

19 апреля 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в
контексте мировой экономической науки и современный
поиск новых парадигмальных решений*

Считается, что самое большее, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособливать к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубоко-мысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналогии, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и

богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделит внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостроительства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука,

создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, и сделать это в контексте мировой экономической мысли, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития.

20—21 июня 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Н.Б. Шулевского и Л.А. Тутова**

на тему:

***Философия хозяйства как антикризисное
мировоззренческое учение***

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской имперIALности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризисному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

Октябрь 2013 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всюю апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие

к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, разрешения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ИППОЛИТОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономических и финансовых дисциплин, Московский гуманитарный университет (*ur52@post.ru*).

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины (*kgd@lbi.wubn.net*).

ЕГОРОВ ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

аспирант, кафедра социальной философии, философский факультет МГУ (*mountainville@yandex.ru*).

МАТЮШ ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

научный сотрудник, НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь (г. Минск, Белоруссия) (*irinamatyush@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*aapogrebnyak@gmail.com*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vikorn1@rambler.ru*).

ЕФИМЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (*marivr@mail.ru*).

АНДРЕЕВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

ШЕЛЕПОВ ВЛАДИМИР GERMAHOBIЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*vlad_11111@mail.ru*).

ГУЛИЕВ ТУРАЛ РАГИБ ОГЛЫ,

аспирант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет (г. Баку, Азербайджан) (*ababayev@rambler.ru*).

СЫСОВЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

соискатель степени к.э.н., кафедра теоретической и институциональной экономики, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*900450@gmail.com*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки и образования, д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский государственный педагогический университет (*ocean_65@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ПАТЫРБАЕВА КСЕНИЯ ВАДИМОВНА,

к.ф.н., докторант, кафедра философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; старший преподаватель, кафедра философии, Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова (*philosmatem@mail.ru*).

ЯСТРЕБ НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

к.ф.н., доцент, Вологодский государственный педагогический университет (*zagoskina_natali@mail.ru*).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева (*misk@inesnet.ru*).

ТРУБИЦЫН АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, сектор социально-экономической стратегии России, Институт экономики РАН (*trubitsy@comiv.ru*).

АКИНИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет (*ad.antonin@yandex.ru*).

ШЕВЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*ad.antonin@yandex.ru*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, директор, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета; научный руководитель Волгоградского представительства Центра общественных наук (*guzev@vgi.volsu.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ; доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (*olegdobro@list.ru*).

ШЕЛКОПЛЯС ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт
развития, изучения здоровья и адаптации человека (*evs-*
optimum@mail.ru).

ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт эконо-
номики РАН (*grinberg@inecon.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.